

СО

**КРИТИКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ОСНОВ БУРЖУАЗНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ИНСТИТУТ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ ФИЛОСОФИИ

КРИТИКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ОСНОВ БУРЖУАЗНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

СБОРНИК ОБЗОРОВ

Москва • 1985

Серия: ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ЗА РУБЕЖОМ

Редакционная коллегия серии:

РАКИТОВ А.И. – доктор философских наук, главный редактор серии, БАБУШКИН В.У. – кандидат философских наук, ВЫХРЫСТЮК-АНДРЕЕВА И.С. – доктор философских наук, МЕЛЮХИН С.Т. – член-корреспондент АН СССР, САЧКОВ Ю.В. – доктор философских наук

Ответственный редактор сборника – член-корреспондент АН СССР МШВЕНИЕРАДЗЕ В.В.

Составитель и редактор сборника – кандидат философских наук ШАМШУРИН В.И.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Методология аналитической философии в современной социально-политической мысли США. (Научно-ана- литический обзор)	19
Философское истолкование общественно-политической системы США в американской политологии. (Научно-аналитический обзор)	74
Теоретическое обоснование моделей мирового порядка в концепциях международных отношений США. (Научно-аналитический обзор)	151
Идеология в политической доктрине современного "неомарксизма". (Научно-аналитический обзор)	180

ВВЕДЕНИЕ

Периоды обострения кризисных явлений в социально-экономической и государственно-политической системе капитализма неизменно сопровождаются ростом интереса к идеологии, активизацией попыток к приспособлению старых и формированию новых идеологических конструкций, а следовательно, и попыток их философского обоснования. При этом прибегают обычно к средствам той буржуазной философии, которая в данный момент имеет не только большое влияние и широкое распространение, но и наиболее четко и определенно выражает актуальные проблемы современного буржуазного общества. Речь идет прежде всего о современной аналитической философии языка, берущей свое начало от Л. Витгенштейна и задавшей буржуазной философии XX в. "такую парадигму идеалистического философствования, с которой она постоянно сверяет свои новые проявления"¹⁾. Вообще, в современной буржуазной мысли, считает Н.С. Юлина, весьма сильна тенденция к отождествлению метафизики (т.е. философии) с гносеологическим анализом языка, исследованием структуры и взаимосвязей категорий и понятий²⁾.

¹⁾ Грязнов А.Ф. Фрагменты из работы "О достоверности" Л. Витгенштейна - *Вопр. философии*, М., 1984, №8, с.142.

²⁾ Юлина Н.С. Проблема метафизики в американской философии XX века: Крит. очерк эмпири.-позитивист. течений/ АН СССР. Ин-т философии. - М., 1978, с. 21.

При изучении современной социально-политической мысли США, уяснении ее философской концептуальной программы следует учитывать некоторые весьма существенные особенности: философская концепция почти никогда не присутствует в ней явно, в логически последовательном целостном виде. Это, — во-первых. Отсюда следует принцип междисциплинарной интеграции и универсальной кооперации гуманитарных наук (а подчас не только гуманитарных, но и естественных), характерный для современной американской социально-политической мысли. Для нее свойственны симбиоз и пролиферация (последнее даже в наибольшей степени) самых разных идей и концепций из области социологии и теории международных отношений, общественно-политической теории и истории, политической лингвистики и философии, антропологии и политической экономии. Это, — во-вторых, что также необходимо учитывать.

В данном сборнике как раз и делается попытка философского осмысления подобного междисциплинарного подхода, свойственного социально-политической мысли США и вообще буржуазной идеологии.

Если в периоды относительной устойчивости капитализма буржуазные теоретики предпочитают говорить о "конце идеологии", то в периоды обострения кризиса они декларируют необходимость "идеологического наступления", "реидеологизации" социально-политической стратегии. Это имеет место и в настоящее время. В 70-х годах, когда воочию обнаружилась несостоятельность доктрин о "деидеологизации" и "конце идеологии", буржуазия предприняла широко-масштабное "идеологическое наступление" против марксизма-ленинизма и поставила перед своими идеологами задачу формирования новых идейно-политических конструкций, призванных по-новому обосновать социально-экономическую систему и политическую настройку государственно-монополистического капитализма. Как подчеркивал один из авторов доктрины о "конце идеологии" Р. Арон, в настоящее время "начинается новый идеологический век".

С этой точки зрения нынешнюю идеологическую ситуацию в развитых капиталистических странах можно сравнить с

попытками буржуазных идеологов 30-х годов, когда были сформулированы идеологические системы, господствовавшие вплоть до конца 60-х – начала 70-х годов. Но в то же время эта ситуация существенно отличается от той, которая была в 30-х годах.

В условиях "великого" экономического кризиса 30-х годов перед правящими кругами развитых капиталистических стран Западной Европы и Северной Америки состояли две более или менее четко очерченные альтернативы: либо экономика, основанная на принципах свободно-рыночных отношений и свободной конкуренции, либо расширение государственного вмешательства в экономическую и социальную сферы общественной жизни, создание и укрепление системы государственно-монополистического регулирования. Перед лицом очевидного банкротства свободно-рыночных отношений они были вынуждены взять на вооружение вторую альтернативу. Создание во второй половине 30-х годов и в два послевоенных десятилетия широкой системы государственно-монополистического регулирования и так называемого "государства благосостояния" позволило правящему классу разрешить ряд проблем, порожденных кризисом капиталистической системы. Это породило явную переоценку в буржуазной политике и идеологии роли и возможностей государства в обеспечении бесперебойного экономического и социально-политического развития капитализма.

Однако в 70-х годах оказались очевидными "пределы роста", на котором зиждилось "государство благосостояния", обнаружилось, что система государственно-монополистического регулирования имеет свои пределы, и она уже не способна разрешить многие проблемы, стоящие перед обществом. Особенно в течение последнего десятилетия в результате ускорения научно-технической революции, роботизации в компьютеризации промышленного производства, развертывания "информационной революции", а также вторжения в политические процессы средств массовой информации обнаружились новые тенденции, которые делают существующие экономические, социальные и политические институты большей частью устаревшими. Сохранение и обо-

стрение многих экономических пороков капитализма, таких, как безработица, инфляция, сокращение реальной заработной платы трудящихся и т.д., показали несостоятельность концепции "государства благосостояния" и мифа о "нейтрализации" негативных последствий этих неурядиц с помощью системы социальной помощи. Эти изменения усугубляют традиционные экономические трудности и вносят в них качественно новые элементы. Как отмечает Ю. Хабермас, в условиях современного капитализма кризисные тенденции проявляются в опосредованном виде, перемещаясь из экономической в политическую, административную, социокультурную, философскую области. Это дало основание американскому политологу П. Стейнфельсу отметить, что современный кризис в первую очередь есть кризис культуры. Проблема заключается в том, что наши убеждения обветшали, наша мораль и наш стиль жизни разложились. Судя по научно-аналитическим обзорам, представленным в данном сборнике, нынешний кризис — это прежде всего следствие духовного кризиса западного общества. Нынешняя реидеологизация во многом реакция не только на кризис системы государственно-монополистического регулирования, но и на социокультурный и духовный кризис современного буржуазного общества, на эрозию так называемых промежуточных институтов — семьи, церкви, школы и т.д. Важно подчеркнуть, что повсюду в развитых капиталистических странах наблюдается рост разочарования, пессимизма, потеря уверенности в будущем, усиление социальной и политической обособленности, отчужденности, пропасти между поколениями и т.д. Это в свою очередь в угрожающих масштабах порождает такие "отклонения" от нормальных общественных норм поведения, как насилие, наркомания, сексуальная распущенность, безверие в нравственные идеалы и вообще пренебрежение морально-этическими нормами и ценностями, граничащее, по высказываниям и западной печати, с "этическим вырождением" и вызывающее у населения капиталистических стран не меньшее, а большее беспокойство, чем экономические проблемы.

Торговля наркотиками и порнографией превратились в бизнес. Сопряженная с этим проповедь морали "вседозволенности" – одно из проявлений наступления государственно-монополистического капитализма на семью, мораль, культуру, духовные ценности рабочего класса; она по сути дела призвана подменить вопрос о социальных правах и свободах так называемыми сексуальными свободами и т.д. Причем, "промывание мозгов" становится тем интенсивнее, чем острее экономические неурядицы.

Неслучайно, что определяя задачи внешнеполитической пропаганды, правящие круги капиталистических стран в последние годы наряду с созданием благоприятного образа Америки за рубежом, первостепенное внимание уделяют преодолению "кризиса духа". Так, выступая по национальному телевидению, Дж. Картер говорил в июле 1979 г., что подлинные проблемы США гораздо глубже, чем очередь за бензином или нехватка энергии, глубже, чем инфляция или даже спад. Суть этих проблем, продолжал он, – в кризисе доверия, кризисе, который поражает самое сердце, душу и национальную волю жителей США. В новейших идеологических течениях акцент делается на критике принципа "вседозволенности" в сфере культуры (например, в массовой литературе, телевидении, кино). Приводятся довольно веские аргументы против вульгаризации и опошления культурных ценностей, за введение цензуры в сфере культуры, особенно против порнографии. Другими словами, реидеологизация затронула не только социально-экономическую и политическую сферы, но и сферу духовную. Все эти явления и нашли свое отражение в материалах данного сборника. Особенно большой интерес представляют те из них, в которых исследования идеологических феноменов тесно увязываются с изменениями в социокультурных и идейно-политических установках и моральных ценностях. Из этих работ следует, что, если учесть факт усиления в последние годы роли политического и идеологического фактора, фактора политического сознания в социально-экономической и общественно-политической жизни капиталистических стран, кризис политической надстройки государственно-монополистического капитализма стал не ме-

нее уязвимой точкой капитализма, чем экономические неурядицы. Социально-экономические изменения порождают новые интересы, способствуют размножению разного рода объединений, союзов, организаций, заинтересованных групп, ведут к изменению уровня организованного представительства интересов отдельных личностей, как пишет Ф. Ленер, к дезинтеграции их представительства. В сочетании с бюрократизацией это приводит, в свою очередь, ко все более растущей сегментации и партикуляризации интересов. Правительству, обремененному собственной бюрократией, становится все труднее учитывать и претворять в жизнь эти интересы. Как полагает тот же Ленер, партии оказываются не в состоянии больше преобразовывать разнородные и многослойные требования, предъявляемые к государству, в устойчивые и стабильные программы, направленные на исполнение и регулирование. Все это в совокупности породило кризис доверия к принципам, нормам и основным институтам буржуазной демократии; эрозию всей системы буржуазного демократизма и парламентаризма, кризис управляемости буржуазной демократии. Как писал западногерманский исследователь Г.-К. Кальтенбрунер, призрак неуправляемости бродит по Западу. Анализ литературы, отраженной в предлагаемом читателю сборнике, свидетельствует о существующей тенденции к размыванию принципов буржуазного политического и идеологического плюрализма, усилению элементов бюрократизма и корпоративизма в социально-экономической и политической системе современного капитализма.

Углубление и обострение нестабильности государственнo-политической системы капитализма проявляется в росте преступности и политического терроризма. Терроризм, будучи одним из проявлений социально-политического и морального кризиса буржуазного общества, органически связан с объективным социально-экономическим развитием капитализма 80-х годов, вызывающим "отклонения" от нормальных "приемов" общественной деятельности.

Одно из тревожных явлений в политической жизни развитых капиталистических стран — это активизация пра-

вых сил, организаций и партий. Выдвижение этих сил на передний план в ведущих капиталистических странах привело к усилению в политической стратегии правящего класса право-консервативных, авторитарных и тоталитарных элементов и тенденций. Этому же способствует неуклонное усиление веса и влияния военно-промышленного комплекса в развитых капиталистических странах, что оборачивается огромными издержками для подавляющей массы населения, ростом милитаризации и опасности термоядерной войны. Эти явления особенно отчетливо дали о себе знать в конце 70-х – начале 80-х годов после прихода к власти в ряде стран правых и крайне реакционных сил, что сопровождалось ростом ставки правящих кругов на грубую силу, подавление растущего социального недовольства трудящихся. Как на левом, так и на правом флангах идейно-политического спектра развитых капиталистических стран, особенно США, развернулись активные поиски путей преодоления кризиса, попытки объяснения общественно-политических процессов, важнейших политических и государственных институтов средствами самых разных наук, в том числе и с помощью концептуального аппарата философии.

В экономической и социально-политической сферах жизни современного общества наблюдается определенная эрозия традиционной линии разграничения между либералами и консерваторами по их отношению к роли государства. В идеологическом плане создалась значительно более сложная ситуация по сравнению с той, которая была в 30-х годах: для выработки новой политической и социально-экономической стратегии, соответствующей условиям 70-х и 80-х годов, прежняя альтернатива – либо свободнорыночный механизм, либо государственно-монополистическое регулирование – оказалась в значительной степени неприемлемой или, по крайней мере, недостаточной. Многие представители консервативных кругов, за исключением отдельных крайне правых группировок, отчетливо сознают необратимость важнейших сдвигов, происшедших за последние десятилетия в структуре современного капитализма, невозможность в нынешних условиях демонтажа механизмов государственно-

монополистического регулирования, возврата к экономической системе, основанной на принципах свободного рынка и неограниченной свободной конкуренции.

Либеральный лагерь в свою очередь начинает сознавать, что система государственно-монополистического регулирования в том виде, в каком она сложилась во второй половине 70-х годов, нуждается в существенных модификациях. Например, в либеральном лагере сложилась влиятельная группа так называемых неолибералов, которые принимают настойчивые попытки пересмотреть роль центрального правительства в социальной и экономической жизни. Среди них весьма популярны лозунги вроде "максимум пользы — минимум средств". Они пересматривают идею экономического роста, служившую одним из главных компонентов либеральной концепции "государства благосостояния". Судя по книге одного из представителей этой группы в США Р. Ротенберга, либералы видят в мелком бизнесе спасение американской экономики, хотя в течение нескольких десятилетий именно мелкий бизнес придерживался антилиберальных позиций и обеспечивал правое крыло республиканской партии массовой поддержкой. Отвергая идеи "нулевого роста", поддерживаемые некоторыми деятелями демократической партии (например, Дж. Брауном и его сторонниками), неолибералы, по словам Ротенберга, выступают за экономический рост и одновременно децентрализацию, основывающуюся в большей степени на рынок и предпринимчивость, а не на правительственное регулирование.

Очевидно, что имеет место определенная инверсия функций некоторых важнейших компонентов главных течений современной буржуазной идеологии: отдельные консервативные идеи используются либералами и наоборот, некоторые некогда либеральные идеи приобрели консервативную функцию. Не случайно, что "новые правые" взяли на вооружение ряд понятий и терминологию левых (например, "кризис государственного управления", "кризис легитимизации", "экологический кризис" т.д.) и используют их в своих целях. Это говорит о том, что идеи и концепции могут сохраняться, но изменяется их истолкование, вкладываемое в

них содержание. Кстати, изменениям подобного рода эпистемологических установок, изучению механизма подобного рода изменений в буржуазной политологии посвящаются специальные, метатеоретические исследования, проводимые, как уже отмечалось, с позиций аналитической философии языка. Их критическому рассмотрению в сборнике также уделяется большое внимание.

Поэтому, как представляется, рост антистейтистских умонастроений сам по себе не объясняет, куда клонится идейно-политическая ось: вправо или влево, поскольку имеет место не только и не просто сдвиг вправо или влево по традиционной шкале, а более сложные и глубокие тенденции в развитии как самого государственно-монополистического капитализма, так и всей системы его идеологического, семантико-лингвистического, философского обоснования. Это обуславливает необходимость более углубленного и детального изучения форм проявления кризиса государственно-монополистического капитализма в современных условиях в идеологической и идейно-политической, философской сферах.

Здесь совершенно недостаточно ограничиваться исследованиями идеологических процессов в рамках традиционной дихотомии "либерализм – консерватизм". Недостаточно также ограничиться и просто констатацией самого факта кризиса того или иного идеологического течения или же "наступления консервативной волны", "отступления либерализма" и т.д. Важно учесть, что в нынешних условиях значительно изменилось само содержание категории "либерализм" и "консерватизм". Философский анализ смыслового объема (полиморфного по своему строению) этих понятий также характерен для этого сборника.

В 70-х годах начались и сейчас продолжают попытки пересмотра и ревизии основных положений обоих главных направлений буржуазной идеологии. Уже сформулированы новые идейно-политические конструкции (с применением средств лингвистического анализа) вроде "нового консерватизма", "нового либерализма", "новой правой идеологии" и т.д. В каждом из этих направлений наблюдается необычная пролиферация множества соперничающих между собой группировок и течений. Например, среди консерваторов есть, с

одной стороны, группировки, высказывающиеся за полный демонтаж механизма государственного регулирования экономики, с другой стороны – группировки, представители которых выступают за усиление роли государства в социальной и культурной сферах. Причем новейшие идеологические течения по сути дела еще окончательно не оформились, они характеризуются аморфностью, эклектичностью в противоречивостью. Отсюда следует необходимость их концептуального, философского анализа и критики, проводимых в этом сборнике.

Показательны в этом отношении позиции вышеназванной группы неолибералов в лагере либералов США. Как явствует из книги Р. Ротенберга, они – за технологию, но против технократии; за “холистический” взгляд на экономику, но против системного анализа, за национальный интерес, но против рассмотрения этого интереса как суммы особых интересов; за конкуренцию, но против конфронтации; за децентрализацию и против большого бизнеса; за индустриальную политику и против централизованного планирования; за свободную торговлю и против протекционизма; за Шумпетера и против Кейнса и т.д. Во многом эти новые течения представляют собой скорее негативную реакцию на существующее положение вещей, нежели сколько-нибудь последовательно сформулированную и обоснованную альтернативу.

В результате, в настоящее время становится все труднее четко определить внутреннюю ориентацию идейно-политических течений и политических партий, что, в частности, проявляется во взаимных переходах либералов и консерваторов из одного лагеря в другой. Например, в США консервативный и правый лагерь значительно усилился в результате перехода на правые позиции большой и влиятельной группы бывших либералов, объединившихся ныне в так называемое “неоконсервативное” течение. Во Франции бывшие “новые левые” Б. Леви, А. Глюксман и другие также переменили лагерь и перешли к “новым правым”.

Эти тенденции усугубляют неустойчивость идейно-политических позиций и партийно-политических установок значительных контингентов избирателей, для которых стали ха-

рактены довольно резкие переходы от одних партий к другим, с либеральных на правоконсервативные позиции и наоборот. Можно говорить, используя выражение Ф. Лернера, об "изменчивом", "или "блуждающем", электорате, ориентированном в большей степени на проблемы, нежели на партии. В значительной степени темой избирательных кампаний становится скорее деловая компетентность партий, нежели их социально-экономические концепции.

В рассматриваемом плане особого внимания заслуживают также идеи и концепции, выдвигаемые представителями новых социально-политических сил в лице так называемых гражданских движений, идеи и концепции которых не укладываются в рамки традиционной дихотомии "консерватизм — либерализм". Очевидно, что в альтернативных движениях содержится значительный демократический, антимонополистический, антивоенный потенциал, но в то же время в их суждениях и действиях просматриваются и элементы косервативного, правого подхода к проблемам общественного развития. В целом для экономических движений многих стран характерно смешение консервативных, социалистических и анархо-синдикалистских идей. В итоге, как пишут западногерманские исследователи левой ориентации Д. Мерфи, Нулиайер и другие, в политической системе стрелки компаса вибрируют: где — слева или справа — находятся "зеленые", "пестрые", альтернативисты, те, кто их поддерживает? Левизна ли — протест против атомных электростанций, является ли "зеленый" "красным" завтрашнего дня? Представляют ли собой "пестрые" предвестников учения новой политической окраски? При этом нельзя сказать, что схема разделения партий на левые и правые, либеральные и консервативные совершенно развалилась. Довольно значительные расхождения между ними сохранились по ряду таких ключевых вопросов, как социальные расходы государства. Но по другим вопросам, таким, как энергетика, экономический рост, охрана окружающей среды и т.д., между ними весьма трудно провести сколько-нибудь четкую линию разграничения.

Именно в силу этой пестроты, плюрализма и много-составного характера современной буржуазной идеологии в плане контрпропаганды особое значение приобретают марксистско-ленинские философские исследования, в которых делается попытка вычисления общих гносеологических основ, методологии, свойственных этим разноплановым, на первый взгляд, идеологическим и социально-политическим течениям. Анализ конкретных социально-политических последствий, которые вытекают из исходных субъективно-идеалистических теоретико-методологических установок буржуазной идеологии, также характерен для данного сборника.

Обзоры, представленные в данном сборнике, имеют целью познакомить читателя с некоторыми идеями и концепциями, сформулированными в последние годы американскими буржуазными философами и политологами, историками, социологами, экономистами, антропологами, представителями так называемой "политической лингвистики" и другими специалистами-гуманитариями. В структурном отношении построение сборника, единство представленных в нем материалов обуславливаются следующим. В сборнике делается попытка целостного освещения современной буржуазной политологии, представители которой в настоящее время почти целиком сосредоточены в США. Рассматриваются: а) внешнеполитические доктрины буржуазной политологии; б) концепции внутренней политики; в) экономические, социально-политические, философские установки, обуславливающие ее антимарксистскую направленность в области идеологии; г) гносеологические принципы, лежащие в основе этих концептуальных построений.

Сборник начинается с научно-аналитического обзора "Методология аналитической философии в современной социально-политической мысли США" (канд. филос. наук В.И. Шамшурин). Как явствует из материала, приведенного в обзоре, проблематика современной буржуазной политической мысли США во многом обусловлена методологией современной аналитической философии. Буржуазные политологи, концентрируя внимание на фундаментальных

вопросах эпистемологии, пытаются исследовать эти вопросы средствами аналитической философии языка, анализа конкретных понятий из самых разных областей знания — политической, экономической, религиозной, философской и т.д. Аналитическая философия языка делает акцент на проблематике значения, выяснения смысла высказываний, его происхождения и изменения, процесса "роста знания" в любой науке вообще, а в политической — в особенности.

В обзоре главное внимание уделяется работам тех буржуазных философов и политологов, которые сделали объектом исследования теорию пропозиций и "парадигму силовой политики"; теорию референции и язык современной политики; политику и этику в аналитической философии действия; проблемы социально-политической коммуникации, обусловленные концепцией интерсубъективности знания и познания в аналитической философии языка, и т.д. Анализ позиций ведущих американских буржуазных авторов по данному кругу проблем показывает, что характерная для них тенденция к субъективизации процесса познания, стремление ограничить рассмотрение проблемы значения рамками формально-логической общезначимости и т.д. в ущерб анализу объективных реалий откладывают соответствующий отпечаток на всю современную аналитически ориентированную буржуазную политологию. Переноса социально-политические проблемы в область языка и мышления, буржуазные авторы ставят их решение в зависимость от концептуального анализа тех или иных высказываний, а не от реального изменения социально-политической действительности. Последнее в конечном счете оборачивается узостью и предвзятостью подхода.

Следующий обзор — "Философские аспекты трактовки общественно-политической системы США в американской политологии" (д-р ист. наук К.С. Гаджиев). Большое место в нем отводится анализу индивидуалистско-либертаристских моделей общественно-политического развития США. Рассматриваются новейшие вариации неоклассического подхода, теории и концепции, выдвигаемые чикагской, австрийской и вирджинской школами, воззрения таких ведущих

представителей либертаризма, как А. Рэнд, Р. Нозик, М. Ротбард, Р. Ринджер и др. Суть либертаристско-индивидуалистской модели состоит в обосновании необходимости возврата к свободно-предпринимательскому капитализму XIX в., основанному на принципах свободной и неограниченной конкуренции, исключающих какое бы то ни было вмешательство государства в экономическую и социально-политическую жизнь общества.

Значительное внимание в обзоре уделено работам представителей консервативного и буржуазно-реформистского направлений в буржуазной политологии. Из этих работ следует, что, в отличие от приверженцев либертаризма, политологи консервативной ориентации сознают невозможность возврата к принципам свободной конкуренции и свободного рынка. Признавая за правительством позитивную роль в социальной и экономической сферах, они предлагают своеобразный синтез индивидуализма и стейтизма. Лейтмотивом большинства работ либеральных политологов является тезис о том, что кризис американской буржуазной демократии является результатом глубоких изменений, показавших несоответствие провозглашаемых правящими кругами идеалов и реальной действительности. При этом они предлагают преодоление кризиса искать на путях трансформации сознания, морально-этических ценностей, идейно-политических установок. Дается также анализ позиций американских социал-демократов относительно закономерностей общественно-политического развития США.

В обзоре "Теоретическое обоснование моделей мирового порядка в концепциях международных отношений США" (канд. ист. наук О.Н. Новикова) предпринята попытка систематизации материала об идеологических основах некоторых популярных концепций мирового порядка, выдвигаемых в последние годы западными, в первую очередь, американскими, политологами. Рассматриваются концепции ведущих представителей либерального и консервативного направлений в американской буржуазной политологии, сторонников школы "политического реализма", а также так называемых "идеалистов" и др. Большое внимание уделяет-

ся работам, в которых получили отражение как общие подходы буржуазной политологии, так и различия между ее разнообразными течениями в трактовке международных отношений.

Завершается сборник обзором "Идеология в политической доктрине современного "неомарксизма" (канд. филос. наук А.В. Попов), в котором излагаются попытки ревизии "неомарксистами" марксистской концепции идеологии в политике и их стремление сформулировать свою собственную "неомарксистскую" концепцию политической идеологии, прослеживается связь философии с буржуазной идеологией и политикой.

Во всех обзорах дается диалектико-материалистическая контр-аргументация против антимарксистских взглядов по рассматриваемым вопросам.

Сборник научно-аналитических обзоров предназначен для научных работников, преподавателей высшей школы и пропагандистов.

К.С. Гаджиев

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ США

(Научно-аналитический обзор)

Проблематика современной буржуазной политической мысли США во многом обусловлена методологией англо-американской аналитической философии. Буржуазные политики, все более настойчиво призывая "уделять самое пристальное внимание фундаментальным вопросам эпистемологии" (46, с. 404; см. также: 42, 43), делают это средствами аналитической философии языка. Отправной точкой большинства социально-политических исследований служит анализ конкретных понятий из самых разных областей знания – политической, экономической, религиозной, культурной, философской и т.д.¹⁾ Способы эпистемологического анализа и оперирования понятиями как раз и определяются современной аналитической философией языка. Последняя, как известно, делает все больший акцент на проблематике значения, выяснения смысла высказываний, его происхождения и изменения. Другими словами, особое внимание уделяется изучению процесса "роста знания" в любой науке вообще, а в политической – в особенности.

Было бы однако чересчур опрометчивым утверждать, что

1) Подробнее см.: (9).

аналитическая философия целиком и полностью главенствует в современных буржуазных гуманитарных науках. Это не так. Чрезвычайно влиятельными являются и другие философские направления, герменевтика, феноменология, критическая теория общества неомарксизма франкфуртской школы и др. Вместе с тем важным представляется следующее: социально-политическая проблематика исследуется этими направлениями в контексте, наиболее определенно, отчетливо и целенаправленно разработанном в англо-американской аналитической философии языка, и по-преимуществу сводится к выяснению значения высказываний. Именно этим и объясняется повышенное внимание буржуазных авторов к положениям аналитической философии, их актуальность. Известный представитель политической философии США Р.Бернстайн (по его словам, политическая философия – это аналитическая философия действия), говоря о сходстве взглядов "англосаксонских аналитиков" и многих феноменологов, таких, как Стросон и Уинч, – с одной стороны, и Мерло-Понти и Шюц – с другой, считает, что между ними нет существенной разницы. Вообще, полагает он, нет существенной разницы между взглядами крупнейших ученых в области социальных наук постольку, поскольку все они ратуют за объективные, беспристрастные исследования. Что же роднит большинство буржуазных философов, социологов, историков, культурологов, политологов и т.п.? Прежде всего – "одно из основных положений аналитической философии, согласно которому язык и действие лежат в основе интересубъективного характера общения, в практике, интересубъективности и в стилях жизни" (14, с.230). Именно то, что сейчас особое внимание уделяется анализу действий, стилей жизни и интересубъективных значений, а также пониманию того, что в основе социальной и политической жизни лежат моральные парадигмы позволяет судить, по мнению Р. Бернстайн, о том, каковы сейчас главные направления в гуманитарных науках вообще и в социально-политической теории, – в частности.

Главной задачей данного обзора является рассмотрение инструментальной роли аналитической философии языка при

анализе конкретной предметной области – политики и международных отношений. Исследуются те функции этой философии, которые служат прояснению понятийной структуры политического знания.

При всех колебаниях от крайнего субъективизма, релятивизма и плюрализма к объективному (вернее, в терминологии аналитической философии языка, – интерсубъективному) и универсальному рассмотрению проблем политики исследования ведутся с позиций идеалистической теории познания. Чаще всего анализируется знание (в данном случае – социально-политическое) само по себе, независимо от отражаемой им действительности. Данные сознания (неважно – относятся ли они к экономике, истории, религии, философии, социологии или политике) рассматриваются как самодостаточные, необусловленные в материальном отношении. Сами эти феномены сознания анализируются с точки зрения их выведения, а не возникновения, т.е. в духе "философии языка" Г. Фреге, Л. Витгенштейна и философии истории Р. Дж. Коллингвуда. Последний пытался реализовать, апробировать идеи аналитической философии в конкретных областях самых разных наук гуманитарного профиля: в философии, истории, археологии, эстетике, этике, политике и т.д.

Основными положениями в методологии концептуального анализа аналитической философии языка, направленной на объяснение того, каким образом некоторые объекты, процессы, состояния социально-политического порядка могут быть носителями определенного содержания (смысла, информации), претупающего сферу их собственных свойств, представляются следующие.

1. Теория пропозиций (выводных или априорных) или абсолютных предпосылок, парадигм, языковых клише и т.п., исходящая из общего для всех представителей аналитической философии языка положения о том, что "как бы до знания о действительности, до какой-либо ее данности, мы располагаем предварительным, и в этом смысле априорным, знанием – значением значения того, что утверждается или подвергается сомнению. В этом отношении проблема

обоснования знания как проблема теории познания предполагает решение проблемы значения" (4, с. 7). Уточнением этой аналитической теории в социально-политических исследованиях является выяснение соотношения теоретического и эмпирического. Другими словами, рассматривается, что является концептуальными, "априорными" методами анализа, а что эмпирическими, экспериментальными, прикладными процедурами (14, с. 64).

2. Теория референции – раскрывающая лингвистические механизмы связки "имя – объект" и в этом смысле показывающая роль языка и значения в становлении познавательного отношения к социально-политической действительности.

3. Ведущая свое начало от Сократа и Платона и развиваемая в современной аналитической философии теория, приравнивающая политику к этике, политическое действие к моральному действию. При этом и политические, и моральные действия в духе теории референции понимаются как уже проясненные в семантическом плане речевые действия, в виде четких и определенных высказываний "вербального поведения".

4. Теория предикации, направленная на обоснование интерсубъективного характера познания, и вытекающая из нее и весьма важная для англо-американской политологии теория коммуникации. Последняя во многом как раз и определяет базисные гносеологические принципы, философские основания теорий внутренней и внешней политики, международных отношений в буржуазной политологии; разного рода частные теории, носящие инструментальный, операционный характер и связанные, по выражению известного английского политолога и философа М. Оукшотта, с "техническим знанием, предполагающим определение правил, принципов, направлений, максим – в основном с помощью пропозиций" (50, с. 10).

§ 1. Теория пропозиций и реалистическая парадигма силовой политики

Главная особенность аналитической философии состоит в раскрытии неявной структуры концептуальных схем. При

этом изучаемая структура мышления может принадлежать любому исследователю: и историку, и физику, и математику, – кому угодно. Эти установки аналитической философии являются решающими для многих социально-политических исследований англо-американских авторов. Это, во-первых.

Во-вторых, теория смысла и значения семантической философии языка Г. Фреге, Б. Рассела, Дж. Мура, Л. Витгенштейна (последнего в наибольшей степени) и других ориентирует англо-американских исследователей на анализ способов применения языка в политике. Основным в этом отношении является для них положение Г. Фреге, согласно которому то, что известно как история понятий, на самом деле является или же историей знания о понятиях или смысла слов.

Идеи же историко-эволюционной эпистемологии Р.Дж. Коллингвуда¹⁾, К. Поппера, И. Лакатоса, Т. Куна,

1) Динамическая ориентация эпистемологии, т.е. исследование роста научного знания – наиболее актуальная область в современной аналитической философии, да и не только в ней одной. Отмечая этот факт, ее представитель Дж. Пандит считает, что эпистемологические структуры нашего знания – “это развивающиеся структуры знания” (5, с. 12). Требование рассматривать знание (в данном случае – социально-политическое. – Авт.) не статично, а в процессе, развитии находится также и в работах таких американских политологов, как Д. Миникс (44, с. 1), А. Мост, Х. Старр (46, с. 406). Начало такому подходу положил Р.Дж. Коллингвуд. По крайней мере, основные вопросы (каким образом достигается приращение знания вообще и исторического, – в частности? В чем суть и побудительная причина подобного приращения?) были наиболее четко и определенно впервые поставлены именно им. Положение Г. Фреге об истории понятий свое конкретное воплощение как раз и нашло в исторических, археологических и, что особенно важно в данный момент, – в социально-политических исследованиях Р.Дж. Коллингвуда (5; 19). В них он как бы проверял свои общетеоретические установки на конкретном материале,

С. Тулмина, П. Фейерабенда и других о том, что всякое знание имеет процессуальный и, в этом смысле – исторический характер, а концептуальные схемы мышления прошлого и настоящего и даже историю семантики никогда не существовавших, не мыслившихся, по словам П. Фейерабенда, “альтернативных” государствующим в современной науке представлений¹⁾ следует изучать в развитии, изменении (теория “исторической критики” Коллингвуда), обусловили саму методологию социально–политических исследований англо–американских авторов.

Какая социально–политическая проблематика в наибольшей степени интересует буржуазных исследователей? Прежде всего, она обусловлена преимущественным рассмотрением роста научного знания в контексте изучения оснований познавательного процесса – пропозиций, предвещающих всякое познание. Последние разделяются на выводные, т.е. являющиеся вторичными и способствующие выработке других пропозиций, и пропозиции, являющиеся “объектами веры” (53, с. 1), т.е. “априорные” (28, с. 479), постоянные основы познания.

Л. Витгенштейн, выдвигая требование о том, что “нечто должно быть преподано в качестве основания” (3, с. 148), уточнял: “Правильно будет сказать: “я верю...” имеет субъективную истинность; но “я знаю...” таковой не имеет” (3, с. 146). А вот, что писал Дж. Мур в книге

в данном случае – политики. В этой связи показательно мнение о Коллингвуде современного американского политолога Дж. Васкеза, высказанное им в связи с чрезвычайно распространенной среди современных англо–американских социально–политических исследователей теорией парадигм Т. Куна: “Тулмин (1967)... полагает, что определение абсолютных предпосылок Коллингвуда (1940) служит тем же целям, что и определение парадигмы, данное Куном” (68, с. 5).

¹⁾ Имеется в виду так называемая “плюралистическая” методология концепции “эпистемологического анархизма” П. Фейерабенда (23, с. 29).

“Принципы этики о подобных основах познания на примере понятия “добро”. По его мнению, самым важным значением “дефиниции” является то значение, в котором она устанавливает, из каких частей, инвариантно образующих определенное целое, оно состоит. “В этом значении понятие “добро” неопределенно, ибо оно – простое понятие, не имеющее частей и принадлежащее к тем бесчисленным объектам мышления, которые сами не поддаются дефиниции, потому что являются неразложимыми крайними терминами, ссылка на которые и лежит в основе всякой дефиниции. То, что число таких терминов должно быть бесконечным, становится очевидным после некоторого размышления; так как всякое дефинирование основано на анализе, который, продолжаясь, насколько это возможно, приводит нас к чему-то что является простым и отличается по своей природе от всякого другого объекта, это неразложимое “нечто” придает своеобразный характер содержащему его целому, которое помимо этого, может быть сходно со многими другими сложными предметами” (6, с. 66–67).

Особо следует отметить то огромное значение, которое придается концепции парадигм Т. Куна в англо-американских социально-политических исследованиях. Почему эта концепция пользуется такой популярностью? По мнению М. Мастермана (41, с. 62) и Дж. Васкеза (68, с. 5), в ней не только ставятся такие важнейшие и для гуманитарных, и для любых других наук вопросы, как: Каковы основополагающие первоначала, составляющие картину мира? Каким образом эти первоначала взаимодействуют друг с другом? Какими могут быть плодотворные вопросы об этих первоначалах? Какого рода концепции могут дать ответ на подобные вопросы? – но и дается ключ к их разрешению. В соответствии с этими вопросами основополагающие предпосылки предваряют познание изучаемой исследователем действительности и позволяют ему понять то, что уже известно о мире, что о нем неизвестно, как следует изучать мир, чтобы познать неизвестное, и наконец, что же следует познавать. “Таким образом, – заключает Дж. Васкез, – концепция парадигмы в самом общем виде может быть определена в

виде тех фундаментальных допущений, которые исследователи делают относительно изучаемой ими действительности" (68, с. 5).

Парадигма не равнозначна концептуальному строению теории. В парадигму входит целый набор предварительных представлений, основополагающих допущений о мире. Все эти основы познания как раз и сосредоточивают внимание исследователя на тех или иных явлениях и позволяют ему истолковывать их с помощью тех или иных понятий. Пропозиции (утверждения) в свою очередь служат упорядочиванию смысловой связи между этими понятиями. И наконец, теории направлены на согласование пропозиций. Таким образом, полагает Васкес, отмечая главенствующую роль пропозиций в процессе познания, тот или иной набор пропозиций может быть согласован самым разнообразным способом, что может привести к появлению множества теорий. Отсюда следует, что одна парадигма способна породить несколько теорий. На основе подобного анализа Васкес приходит к выводу о том, что в самом общем виде можно сказать: парадигмы меняются тогда, когда меняются их основополагающие принципы объяснения действительности. Соответственно, и "новые" понятия, пропозиции или теории, не приводящие к подобным изменениям, не будут составляющими новых парадигм.

Одним из главных преимуществ подобного определения концепции парадигмы, по мнению Васкеса, является то, что оно сводит к минимуму ее неясность и, кроме того, не нарушает хода рассуждений Куна о процессе научного познания. Более того, в этом определении дается ясное уточнение тех условий, при которых происходит смена парадигм.

В этой связи интересной представляется "пропозициональная теория значений", выраженная известным американским представителем аналитической философии языка Дж. Поллоком довольно определенно и в соответствии с наиболее распространенной в этой философии точкой зрения: "Ключом к предполагаемой взаимосвязи между языком и мыслью в этой теории (имеется в виду аналитиче-

ская философия языка¹⁾. — Авт.) полагается понятие пропозиции" (53, с. 1). Соответственно, продолжает Поллок, не существует никакой другой пропозициональной составляющей, которая могла бы определить суть пропозиции, а следовательно, и определить, о каком объекте мыслит тот или иной субъект.

В данном случае для нас не представляется важным и то, как называются основные допущения, предваряющие первоначала познания, определяющие, по мнению англо-американских авторов, построение концептуально-социально-политической картины мира, и то, как функционирует сложный формально-логический механизм их взаимоподчинения и взаимосогласованности. Это могут быть и понятия, и пропозиции, и априорные принципы, и парадигмы, и языковые клише, и т.д. и т.п. Для нас здесь важно то, что, согласно буржуазным авторам, существуют основополагающие единицы познания, формирующие построение теорий, составляющие условие понимания любого опыта, — независимо, в философии науки, в философии языка, в философии истории, в политической философии, в историкофилософских исследованиях и т.д.

В социально-политических науках теория доопытного знания, а точнее — определение Куна о том, что конструирование теории — это прежде всего построение парадигмы — имеет и теоретическое (по словам Васкеса, — аналитическое), эмпирическое значение. Аналитическое, поскольку основной пропозицией в этой связи является логическая невозможность построения теорий без предварительного существования той или иной парадигмы, определенных основополагающих допущений. Эмпирическое, поскольку, соглас-

1) Эта теория, пишет Поллок, первоначально была выдвинута Г. Фреге, а затем развита его последователями, включая Б. Рассела, Дж. Мура, С. Льюиса, Дж. Остина, П. Стросона, Л. Витгенштейна, Р. Монтегью, Дж. Серла, Д. Льюиса, Д. Каплана и др. — Прим. авт.

но другой пропозиции, направление конструированию теории задает именно отдельная конкретная парадигма.

Васкез считает, что в современных исследованиях международных отношений и мировой политики главный тон в конструировании соответствующих теорий задает реалистическая парадигма. Последняя, по его мнению, удовлетворяет всем основным требованиям для создания строгой научной теории, а именно, определяет направление: 1) конструированию теорий; 2) выбору данных; 3) исследованиям в области международных отношений.

Сама реалистическая парадигма – наиболее характерная для современных исследований истории международных отношений и мировой политики в XX в., пришла на смену оказавшейся несостоятельной идеалистической парадигме, приведшей мир к двум мировым войнам. Согласно идеалистической парадигме, все люди стремятся к одной благой цели и имеют общие интересы в построении “рождающегося всемирного общества”. Мирное сосуществование устанавливается сразу же, как только создаются определенные условия для укрепления порядка и покоя, являющихся главной целью всех людей на земле.

Одним из самых главных провозвестников этой парадигмы в буржуазной политологии был Вудро Вильсон, который собственно и дал ее законченное определение в своей теории демократии. Согласно последней, демократия – гарантия мира, а насилие, тирания – причины войн. Народам, согласно этой теории, любые войны приносят только страдания и потому не нужны – нужно только объяснить им это. Главной целью является создание демократических институтов управления во всем мире (например, создание Лиги Наций), что только и приведет к упразднению насилия и утверждению всеобщего благоденствия.

Эта теория определяла содержание исследовательских программ многих ученых – особенно в Великобритании и США. Они пытались создать определенную аналитическую модель, главной особенностью которой было бы всеобщее мирное сосуществование. Следующим их шагом был показ того, насколько действительное положение дел отлично от этой модели (подробнее см.: 26, с. 70; 15, с. 34). Глав-

ными представителями этой парадигмы являлись А. Циммерман, С. Бэйли, Ф. Ноэль-Бейкер и Д. Митрани в Великобритании и Дж.Т. Шотвелл, П. Поттер и П.Т. Мун в США.

Появление реалистической парадигмы обычно связывается с выходом в свет в 1939 г. книги Э.Х. Карра "Двадцатилетний кризис: 1919-1939 гг.", в которой впервые идеалистическая парадигма подвергается уничтожающей критике в связи с полной неспособностью буржуазных демократических институтов предотвратить вторую мировую войну. Он призвал к созданию подлинной науки международной политики и полагал, что для этого познание следует строить на исследовании действительного положения вещей (т.е. "реальности"), а не на рассмотрении того, каким им следует быть (17, с. 9). Согласно Карру, целью такого реалистического подхода является понимание, а затем и приспособление к тем силам, которые направляют события.

Американский исследователь Х. Балл полагает (15, с. 38), что кроме Карра наиболее известными сторонниками реализма, реалистической парадигмы в теории международных отношений и мировой политики являются Ф. Шуман (62), Г. Никольсон (48), Р. Нибур (49), Дж. Шварценбергер (63), Н. Спайкмен (65), М. Уайт (70), Х. Дж. Моргентхау (45), Дж. Ф. Кеннан (33), Х. Баттерфилд (16).

Наиболее законченное, четкое и систематичное определение реалистической парадигмы в теории международной политики содержится в книге Х. Моргентхау "Политика среди наций" (45), оказавшей сильное влияние на таких представителей правительства США, в разное время находившихся у власти, как Кеннан, Киссинджер, Бжезинский.

Моргентхау, считает Васкес, ставит вопросы, характерные для любой парадигмы, каковы основы познания мира, как они согласуются друг с другом, какими могут быть вопросы об этих основах, какие ответы можно получить на эти вопросы. По мнению Васкеса (68, с. 18), ответы Моргентхау суммируются в следующих пропозициях его парадигмы.

1. Чтобы правильно понять международные отношения, необходимо выделить в них главное. Это прежде всего национальные государства или их правители.

2. Существует громадное различие между внутренней и внешней политикой той или иной страны.

3. Международные отношения – это борьба за власть и борьба за мир. Целью теории международных отношений является понимание того, как и почему происходит эта борьба, а так же выработка средств, способных регулировать этот процесс.

Таким образом, полагает Васкес, "реалисты попытались переместить исследования из чисто нормативной области анализа в область эмпирического анализа" (68, с. 23).

Следствием этой реалистической парадигмы стала концепция "силовой политики", ставящая во главу угла приоритет национальных интересов государства, его влияние на мировую политику, способность оказывать давление на международные отношения и применять силу.

Здесь следует отметить, то, что американские политологи – "реалисты" отнюдь не являются оригинальными в своих взглядах. Они, по сути дела, смыкаются с представителями религиозной философии, в частности, со сторонниками "диалектической теологии" неопротестантизма (Барт, Бруннер и др.), "нового религиозного сознания" православия (Бердяев, Франк и др.), которые начали выдвигать схожие с реалистической парадигмой положения еще в 20-х годах и даже раньше.

Так, С. Франк, всячески осуждая "идеализм" и "утопизм" самочинной человеческой воли, направленной на достижение "рая на земле", призывал исходить из сознания коренного неизменного несовершенства мирового бытия и если не бессилия, то слабости, онтологической необеспеченности в мире – перед лицом "власти тьмы" – человеческой мечты, человеческих усилий утвердить в мире начала правды и добра.

Отличие религиозных философов от американских политологов – "реалистов" состоит в том, что у первых следствием этого умонастроения является не "силовая политика", а

моральное требование защищать безнадежную позицию добра против победоносной, всемогущей силы зла. Тем не менее, можно заметить: идеализм исходных теоретико-методологических установок приводит к тому, что исследователи, занимающиеся, казалось бы, сугубо конкретными разработками в области внешней политики и международных отношений, приходят к выводам, более характерным для религиозной философии и теологии, чем для "светской" теории политики.

Факт доминирующего влияния концепции "силовой политики" на международную политику США бесспорен. Последняя определяется только этой и никакой другой теорией — это признается большинством самих буржуазных авторов. Концепция силовой политики главенствует также и в публичных, и в строго научных дискуссиях по проблемам мировой политики на страницах таких журналов, как "Фореин эффэз", "Фореин полиси", "Орбис"¹⁾. Как пишет в регулярно издаваемом в Лондоне сборнике за 1984 г. "Ежегодник мировых отношений" (одним из редакторов которого, кстати является тот же Дж. Шванценбергер.) Р. Фридлэндер в статье "Силовая политика и международный порядок", "многие американские историки, аналитики и политические комментаторы придерживаются общепринятого мнения, согласно которому, личные интересы, национальные интересы и силовая политика — по сути дела одно и то же" (27, с. 44). Идеи концепции силовой политики находят свое преломление во многих буржуазных исследованиях (О главных представителях этой концепции подробнее см.: 67).

Даже те авторы, которые сознательно отделяют свою теоретическую позицию от реалистической парадигмы, так или иначе применяют концепцию силовой политики при объяснении явлений международной жизни. Особенно это показательно на примере книги Коплина "Введение в международ-

¹⁾ Foreign affairs.—N.Y., 1920—
Foreign policy.—N.Y., 1977—
Orbis.—Philadelphia, 1957—

ную политику" (20), посвященной рассмотрению событий Карибского кризиса.

Свое непосредственное развитие концепция силовой политики получила в теории адаптации Дж. Розенау. Развивая реалистическую парадигму, Розенау в своих последних работах (57; 58) полагает, что национальным государствам, для того чтобы выжить, необходимо приспособиться к окружающим условиям и, соответственно, отражать от себя любые внешние угрозы. Целью любого государства в этих обстоятельствах является охрана и развитие самобытности, сохранение различий с соседними, охрана границ, поощрение обособленности, защита от внешних факторов.

Р. Раммель в своей теории "статус-пространство", используя положение Моргентау о главенстве национальных интересов в борьбе за власть, выдвинул идею о том, что национальные интересы необходимы для "равновешивания" дел в международной политике, для создания баланса сил (59, с. 253; см. также: 60). В работах Моргентау и Раммеля содержатся идеи о том, что различия, свойственные национальным особенностям государств, объясняют различия и в ведении ими внешней политики. Если, согласно Моргентау, понимание роли влияния государства приводит к пониманию международных разгласий и причин образования союзов, то Раммель попытался найти сами эти причины, обуславливающие ту или иную картину международной жизни, и дать соответствующие рекомендации по устранению нежелательных факторов.

Чой (18), исходя из этих же положений, анализирует внешнюю политику СССР и США, пытаясь выяснить, насколько она была постоянной за все время своего существования.

Роль оснований познания или пропозиций, обуславливающих появление тех или иных теоретических построений в социальнополитической области, не ограничивается рамками выработки смысловых конструкций, "упорядоченных значений" науки, парадигм, концепций, теорий и т.д. Кроме функции выработки нового знания, теория пропозиций имеет дело и с анализом уже имеющегося знания. Как было получено

новое знание, каков механизм подобного приращения? Эта или похожая на нее рефлексия имеет своим следствием в аналитической философии языка то, что в ней с особой интенсивностью разрабатываются метатеоретические вопросы знания, значения. Особое звучание подобные исследования получают и в современной буржуазной политологии. Об этом и пойдет речь в следующем параграфе.

§ 2. Теория референции и язык современной политики

Утверждение пропозиций в качестве основ познания как условия понимания любого опыта, в данном случае социально-политического, имеет решающие последствия для другой теории аналитической философии языка – теории референции (указания), раскрывающей лингвистические механизмы связи "имя/объект", роль языка в становлении познавательного отношения к действительности. В теории референции рассматривается то, как указывается, связывается та или иная отдельная мысль об объекте с самим объектом. Основными здесь являются дискуссии о демонстративном, основанном на внешнем восприятии, отождествлении, проблема мышления мыслью самой себя и т.д. (подробнее см. 22). Вследствие этого "указание не есть нечто внешнее, случайное по отношению к языку, а есть как раз одна из существенных функций языка, функция семантическая, причем функция, которая имеет смысл не сама по себе, а лишь вместе с дополняющей функцией предиката", – пишет А. Дегутис (4, с. 125).

Какое отношение имеют эти положения аналитической философии языка к современным буржуазным социально-политическим исследованиям? Самое непосредственное. Вот, например, какое конкретное преломление находят они в книге западногерманского исследователя Р. Бахема "Введение в анализ политических текстов" (13).

Р. Бахем указывает, что по мере того, как государство в своей деятельности все в большей степени руководствовалось принципом гласности, с развитием процесса де-

мократизации формирования общественного мнения возрастает и значение важнейшего инструмента политики – языка. Язык является инструментом, с помощью которого формируются, распространяются или видоизменяются идеи, формулируются, обосновываются или защищаются решения; это инструмент, с помощью которого можно вызвать ненависть, посеять страх. Язык политики не является просто специальным языком, который допускал бы однозначное определение. Он так же разнообразен, как и сама политика, пронизывающая все сферы общественной жизни и выполняющая самые разнообразные функции. Язык политики в чистом виде с системой однозначно определяемых понятий используется политологами, изучающими формы государственного устройства и функции государства. При восприятии языка политики возникают трудности, связанные как с интерпретацией специальной терминологии, так и с пониманием идеологического подтекста, так как с помощью языка политики строится система понятий и символов с сильно выраженной эмоциональной и этической окраской, значение которых остается непонятным для непосвященного.

Рассматривая приемы и методы анализа понятия языка политики, автор уделяет особое внимание прагматическому аспекту, под которым понимаются различные формы ситуативной связанности языковых высказываний. Только с помощью прагматического анализа, определяющего место высказывания в социальной и исторической перспективе, можно установить, о чем в действительности идет речь в данном высказывании. С помощью прагматического анализа исследуются намерения отправителя информации и ее воздействие на адресата и предоставляется возможность дать ответ на вопрос, каким образом одно и то же высказывание получает различную интерпретацию у адресатов с различным уровнем знаний и различными системами представлений. Автор анализирует с этих позиций предвыборный плакат 1976 г.: "Выбирать мир – СДПГ". Он обозна-

чае прежде всего призыв: иллокуционный акт¹⁾ выражен здесь с помощью инфинитивного императива, имеющего ослабленную форму приказа. Многозначность слова "выбирать" 1) решиться на что-то, 2) отдать свой голос за кого-либо разрешается только при учете осведомленности о предстоящих выборах в бундестаг. Слово "мир" указывает на определенный способ аргументации авторов плаката и на определенный внешне- и внутреннеполитический курс коалиционного правительства. В предложении имплицитно содержится намек на то, что политика внутривойны противника СДПГ может привести к войне.

¹⁾Здесь следует иметь в виду теорию речевых действий ("иллокуционных актов"), выдвинутую одним из главных представителей аналитической философии языка Дж. Остином (12) и развитую среди других Дж. Сэрлом в книге "Речевые действия" (64). По мнению А. Дегутиса, "Основные положения этой теории, несмотря на разнообразие ее модификаций, характерны для подхода аналитической философии к проблеме значения" (4, с. 74). Исходя из основополагающей установки, что язык — это в первую очередь речь, т.е. определенная деятельность, Остин пытается выявить специфику речевых действий, т.е. действий, возможность которых существенным образом связана с языком. Так, возможные действия с предложением распадаются, согласно Остину, на три типа взаимосвязанных действий. В несколько модифицированном виде общая схема нормального (удачного) речевого действия такова: 1) локуционный акт — произнесение грамматически структурированных звуков; 2) иллокуционный акт — произведение посредством акта (1) утверждения, приказа, обещания и т.д.; 3) перилокуционный акт — действие (акт), производимое посредством иллокуционного акта. Например говоря "р", П утверждает, что р и, утверждая, что р, убеждает В в том, что р. Все три описываемых действия целого речевого акта являются различными действиями, связанными друг с другом отношением средства к цели.

Австралийские ученые Г. Кресс и Р. Ходж в книге "Язык как идеология" (34) считают, что язык используется в качестве наиболее действенного средства, с помощью которого общество формирует сознание индивида. Основное внимание в работе уделяется двум проблемам: "отношение языка к мышлению" и "отношение языка к обществу". При этом подчеркивается, что эти проблемы рассматриваются лишь в рамках тех теорий, которые были разработаны в Великобритании и США в последние десятилетия, т.е. в рамках аналитической философии языка.

Авторы считают возможным принять как исходное следующее определение: "Язык есть система категорий и правил, основанных на фундаментальных принципах и допущениях относительно объективного мира. Эти принципы и допущения не выступают в отношении к мысли и не определяются мыслью, они и есть сама мысль" (34, с. 5). В этом определении и в дальнейших рассуждениях авторы развивают тезис Б.Л. Уорфа (характерный, впрочем, и для всей аналитической философии языка в целом) о том, что фундаментальные организующие допущения изучаются "научкой", где эти допущения выступают как систематическое описание действительности, "и "метафизикой", в ведение которой входит изучение априорных допущений, лежащих в основе описания. Такие допущения заключены в языке, усваиваются человеком вместе с языком и закрепляются по мере использования языка.

Язык является неотъемлемой частью повседневной жизни общества, выступая как практическое сознание общества. В этом своем качестве сознание неизбежно становится предвзятым и ложным. Практическое сознание общества авторы предлагают называть идеологией, определяя последнюю как "систематизированную совокупность идей, организованную с некоторой определенной точки зрения. Идеология выступает, таким образом, как категоризирующая система, охватывающая естественные науки и метафизику, так же, как политические идеологии всякого рода, но не влекущая каких-либо следствий для их статуса или их надежности как путей к реальности" (34, с. 6).

Язык, подчеркивают авторы, является средством общения и орудием контроля. "Языковая форма позволяет передавать информацию и искажать ее" (34, с. 6). Такая возможность позволяет не только информировать слушающего, но и манипулировать его сознанием. Таким образом, "язык является идеологическим в другом, более политическом смысле этого слова: он связан с систематическим искажением в пользу заинтересованного класса" (34, с.6). В понимании социальной реальности авторы основываются на признании существования антагонизмов и конфликтов в классовом обществе.

Подход к языку как "способу существования сознания для общества" (34, с. 13) предполагает, что язык можно рассматривать в качестве инструмента, используемого для целей анализа этого общественного сознания и его идеологической базы. Вся грамматика языка представляется авторами как "его теория действительности" (34, с. 7), и в ней выделяются такие пункты, где действительность может быть показана неоднозначно или искажена.

Идеологическая мотивация языкового употребления раскрывается в книге посредством лингвистического анализа текстов из газет, научной и художественной литературы. Основной целью этого анализа является установление "истинного" смысла высказывания и объяснение произведенного говорящим (пишущим) выбора формы языкового выражения. Письменный текст, доступный читателю, рассматривается как "поверхностное" содержание, а "глубинное" или "истинное" содержание выводится с помощью разнообразных преобразований, обозначаемых общим термином "трансформация" (опущение, номинализация, пассивизация, упрощение и др.).

Важнейшим условием понимания "истинного" смысла высказывания является установление причинной связи между событиями. Выявление этой связи лингвистическим анализом возможно, по мнению авторов, на основе различения нескольких типов предложения (авторы называют тип предложения "моделью").

С этих позиций дается интерпретация передовой статьи из газеты "Гардиан"¹⁾ от 20 декабря 1973 г., в которой речь идет о забастовке шахтеров, требующих повышения заработной платы. Доказывается, что идеологическая направленность статьи проявляется в систематическом употреблении определенных языковых средств выражения содержания, что приводит к искажениям и мистификациям (34, с. 35).

Язык навязывает человеку различные классификации. "Идеологическая" роль классификаций раскрывается, по мнению авторов, в том, что между классификациями и классовой структурой общества существует определенная связь. Язык отражает социальную структуру общества различными способами. Социальная структура базируется на упорядочивании и распределении власти и социальных функций. В классовом обществе власть распределяется неравномерно между социальными классами, национальными и этническими группами. Такое распределение обычно отражается в языке и поддерживается языковыми средствами. В этой связи авторы напоминают положение К.Маркса и Ф. Энгельса о том, что "Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса" (1, с. 445).

Особое внимание уделяется анализу различных модальных высказываний. Выводятся наиболее общие типы модельностей: 1) основанные на знании и 2) основанные на авторитете. Другими словами, речь идет о том же, проводимом, как уже отмечалось, в аналитической философии различении знания, значения на выводное и априорное, эмпирическое и теоретическое.

"Идеологическая" роль модальностей усматривается авторами в том, что "модальности знания" и "модальности авторитета" постоянно смешиваются и переходят друг в друга.

Общий вывод авторов таков: "Поскольку функция языка заключается как в том, чтобы вводить в заблуждение, так и в том, чтобы информировать, постольку, каждый компо-

¹⁾Guardian weekly.—Manchester, 1965—

нент грамматики языка содержит два ряда форм: один ряд позволяет говорящему избегать четких различий, второй, напротив, навязывает эти различия в резком и точном виде" (34, с. 125).

В книге К. Хадсона "Язык современной политики" (32) исследуется языковая характеристика политической деятельности в Великобритании в основном 60-70-х годов с привлечением иллюстративного материала из выступлений политических деятелей США. Несмотря на национальные различия в языке политики разных стран, тенденции, которые в них прослеживаются, представляются автору общими, имеющими интернациональный характер.

"Язык" и "политика" определяются автором как два взаимосвязанных и взаимообусловленных явления, требующих одновременного исследования.

Хадсон отмечает разноречивость толкования самого термина "политика".

В Оксфордском словаре (52) зафиксированы четыре значения этого слова: два связаны с политикой как определенным видом деятельности, два – как с объектом изучения и анализа, что позволяет утверждать, что политика является одновременно и теорией, и наукой, и видом практической деятельности. Последнее, как будет показано в § 3, играет особую роль в аналитической философии языка, а вслед за ней и в современной буржуазной политологии, поскольку переходит в область индивидуального действия, т.е. в область этики. В наше время в словаре политических терминов Д. Робертса (55) определение понятия "политика" также соотносится как с определенным видом деятельности, так и с изучением этой деятельности. Однако время вносит свои изменения, и Хадсон замечает, что указатель ключевых слов в работе Р. Роуза "Современная политика Англии" (56) представляется не полным, так как в него не включены слова "пропаганда", "ложь", "хитрость", "мошенничество", "полуправда", столь характерные для языка политики современной Великобритании как, впрочем, и для Великобритании прошлого. Автор добавляет, что как бы часто ни использовались термины "политика" и "демо-

кратия" в одном контексте, "политика" означает прежде всего завоевание и удержание власти, а также всяческое препятствование деятельности политических противников, их полное поражение. Большое значение в этом процессе придается публичным выступлениям политических деятелей, причем, по наблюдению автора, язык этих выступлений является "бедным и скучным, и используется он исключительно для расцветивания тусклых идей, если таковые вообще присутствуют в речи, для раздувания славы оратора, для получения очков в борьбе с противником или для введения слушателей в заблуждение, попросту – их обмана" (32, с. 16). При этом в палитре ораторов лишь две краски – черная и белая. Поэты не становятся конгрессменами, а конгрессмены не пишут стихов.

Язык политики не ограничивает себя рамками словесного искусства – он находит отражение в жизни всей нации, в стиле одежды, в формах развлечений, в литературе, кино и прочих социальных проявлениях, определенным образом представляющих политическое кредо како-либо партии и способствующих "установлению контактов между теми, кто правит", и "теми, кем правят".

Голландский социолог А.С. Зейдервельд, рассматривая роль языковых клише в жизни общества в книге "Клише: Вытеснение значения функцией в современном обществе" (75), считает, что клише рассматриваются как явления не только лингвистического характера по своей природе; это не только устоявшиеся обороты речи, которые принудительно накладываются на нашу языковую деятельность: клише формируют также наше мышление, поведение и эмоции в общественной жизни. Короче говоря, клише – это все те же априорные допущения доопытного знания аналитической философии.

В пределах языка и социального поведения в целом клише, подобно пропозициям, выделены автором как отдельные единицы.

Клише имеют овеществленную природу: в них сохраняется прошлый опыт, они не подвержены изменениям с течением времени и представляют собой "лингвистические ископаемые", передаваемые от поколения к поколению (хо-

роший пример – пословицы, напоминающие о мифологических структурах, переживших всю эволюцию значений и ценностей); время в клише как бы заморожено; подобно магической формуле, клише не изменяемы.

Благодаря своей овеществленной природе и повторяемости, клише имеют тенденцию становиться автономными по отношению к индивиду в обществе. Не особенно изменяясь по содержанию и форме, клише переходят от поколения к поколению; в то же время индивид приспосабливается к ним, учась применять их в повседневной общественной жизни. Обучение употреблению клише составляет важную часть социализации. Основой этого процесса обучения является усвоение родного языка, с помощью которого формируются мысли, эмоции, волеизъявления и действия в соответствии с клише предшествующих поколений. Этой автономией по отношению к индивиду клише напоминают общественные институты и могут рассматриваться как микроинституты, в то время как институты модернизированного общества имеют тенденцию вырастать в макроклише.

Кроме выяснения смысла политических высказываний аналитическая философия языка, к методам которой постоянно прибегают буржуазные ученые, играет в их социально-политических исследованиях важную роль. Она дает теоретическое обоснование политике с точки зрения аналитической философии действия. Имеется в виду прежде всего речевое действие ("иллокуционные акты"), "вербальное поведение". При этом политическое действие не отличается от морального действия в научно-дисциплинарном плане. Просто первое имеет родовое, а второе – видовое значение. Одним из зачинателей в аналитической философии языка подобного подхода был Дж. Мур – родоначальник "метаэтики" (6).

Современный представитель аналитической философии Р. Невилл, как бы развивая подобные, а также сходные с ними взгляды Ч. Пирса о том, что логика – это та часть этики, которая имеет дело с мышлением, пишет: "В этом заключается несомненная истина: мышление, кроме всего прочего, – это действие, и поэтому ему свойственны цен-

ности морального порядка. В качестве действия судящего или волеизъявляющего мышление тождественно речи" (47, с. 59).

В области международного права отождествление политики и морали проводится в современных буржуазных естественно-правовых теориях, в которых также все сводится к "природе человека" и вытекающим из нее "разумным принципам". Как отмечает Л.А. Алексидзе, "если в основе юридической обязательности лежит моральный императив, то тогда вся система права теряет свой автономный характер и превращается в "позитивную мораль", ибо моральный принцип может лежать в основе обязательности лишь моральных норм" (2, с. 31).

Связь политики с этикой в свете идей аналитической философии будет рассмотрена в следующем параграфе.

§ 3. Политика, этика и аналитическая философия действия

Этическая трактовка политической проблематики имеет давнюю историю, у истоков которой стоят Сократ и Платон,

Платон вообще стоит у истоков формирования политической философии, философии государства и права. Им впервые были поставлены и проанализированы многие фундаментальные проблемы политикоправового характера, и сегодня не потерявшие своего значения. В его философии мы находим: учение о государстве, праве и законах; утопические проекты наилучшего полисного устройства; рассуждения о месте и значении человека в политической жизни, о соотношении государственной жизни и индивида, естественного права и политического закона, о путях и формах обеспечения политической справедливости; об искусстве политики и законодательства, о формах и принципах государственного устройства, их закономерной смене и т.п. Особое место в творчестве Платона занимает представление о роли знания (прежде всего философского) в политике. Это положение приобретает в последнее время все большее значение и актуальность в современных буржуазных историко-фило-

софских, социально-политических и правовых исследованиях, в которых взгляды Платона интерпретируются в духе идей аналитической философии. Не случайно двумя самыми крупными произведениями Платона являются "Государство" и "Законы". Политико-правовая тематика исследуется и в других многочисленных платоновских диалогах, таких, как "Апология Сократа", "Политик", "Критий", "Протагор", "Горгий" и др. (8).

Существенное и решающее влияние на Платона, как известно, оказал Сократ. Это выразилось в следующем. Сократовское проникновение в существо политических проблем сопровождалось обновлением средств самого познания: постижение истины возможно лишь истинным путем, т.е. посредством понятий. Гносеология Сократа этически ориентирована. Как справедливо отмечает В.С. Нерсисянц, "по существу своему учение Сократа — это философия морали, этика" (7, с. 16), так как процесс получения знания у него приобретает характер морального действия. Это положение Платона, как будет показано впоследствии, имеет особое значение и находит своеобразие истолкование в современной буржуазной социально-политической мысли.

Внимание, уделяемое здесь Платону, неслучайно. Дело в том, что аргументация Платона по самым разным проблемам в последнее время оказывается все более притягательной для англо-американской аналитической философии, как для традиционных приверженцев философии языка (54, с. 271), так и для представителей недавно появившегося в ней историко-философского направления (35).

Предметом особого внимания последних является исследование роли философской рефлексии в области значения языка, концепция мышления в метафизике и эпистемологии Платона, Аристотеля и других греческих мыслителей. При этом особо исследуется не столько аргументация того или иного философа сама по себе, сколько его контраргументация — истолкование противной точки зрения, как это видно на примере критики Платоном Парменида в "Софисте" (242б-250с) (8). Это неудивительно — методология кон-

цептуального анализа, выяснения смысла высказываний, столь характерная для аналитической философии, находит здесь наибольшее применение.

Именно в таком, семантическом и субъективно-идеалистическом ракурсе и трактуются политические воззрения Платона, которые после соответствующей "экзегезы" подаются не только в качестве "точки отсчета", но и как непревзойденный образец, парадигма (24, с. 124; см. также: 25). В своих социально-политических взглядах, считает Невилл, Платон утвердил мышление в качестве направляющего принципа. И Платон, и Аристотель признавали основы познания, считают М. Финли, А. Макинтайр и Дж. Властос (у Властоса это "метанормативные оценки") (24, с. 126; 39, с. 11; 69, 11), которые они не считали нужным доказывать, поскольку полагали, что они внутренне присущи сути человека и всей его жизни, позволяют делать соответствующие политические суждения, отвечающие насущным потребностям.

Как видно, основная тема Платона, а вслед за ним и аналитической философии языка, согласно которой концептуальная картина мышления предваряет всякое познание проводится довольно последовательно. Согласно тому же Невиллу, идея о том, что существуют основы познания, предваряющие всякий опыт, является главной в западной эпистемологии вообще (47, с. X). Как будет видно из дальнейшего анализа, эта же идея пронизывает и все прочие рассуждения лингвистических философов-аналитиков, а также аналитически ориентированных историков, социологов, политологов и др.

Из того, что политическое действие является частью морального, частью человеческого речевого действия вообще, в аналитической социально-политической теории делают следующие выводы.

Согласно А. Макинтайру и П. Уинчу, продуктивность социально-политических наук в первую очередь зависит от того, исследуется ли общество в тех терминах, которые ему внутренне присущи, или нет. "Внимание к намерениям, мотивам, осознанным стремлениям должно предварять вни-

- мание к причинной обусловленности..." - пишет тот же философ-аналитик А. Макинтайр, но уже не в лингвистической или историко-философской работе, а в работе, посвященной социально-политической тематике (38, с. 223). В этом же духе П. Уинч подходит к проблеме понимания социально-политической практики и институтов в книгах "Идея социальной науки и ее отношение к философии" и "Этика и действие" (72; 71), до сих пор привлекающих самое пристальное внимание буржуазных исследователей.

Согласно эпистемологическим посылкам П. Уинча, истолкование социально-политического явления уже само по себе является правилообразующей активностью, которую и следует изучать в первую очередь, помня при этом, что "наш язык и наши социальные отношения - это две стороны одной и той же монеты" (72, с. 123). Отсюда вывод в духе теории идей Платона: "Поскольку социальные отношения между людьми существуют только в виде идей, то следует заключение о том, что отношения между идеями - это внешние отношения в которые входят также и сами социальные отношения" (72, с. 123). Из подобной теории вытекает положение, вполне удовлетворяющее требованиям аналитической философии языка и сводящее исследование социально-политических отношений к выяснению "внешней связи между идеями", т.е. к анализу смысла тех или иных высказываний, "иллюкционных актов" и т.д.

Социально-политическое познание сводится к априорным основаниям "понимания", "истолкования", "правилообразующей активности", "форм жизни". Последнее положение П. Уинч заимствует у Л. Витгенштейна, следуя которому, пишет: "То, что должно быть принято в виде данности, - это формы жизни" (72, с. 40).

На сходных позициях стоят и другие главные представители аналитической философии Дж. Остин, Дж. Райл, А.Р. Луч, Ч. Тэйлор, А. Макинтайр, А. Райан, Х. Питкин. Всем им свойственны лингвистические исследования в духе Витгенштейна, столь характерные для аналитической философии вообще и направленные на прояснение смысла человеческих действий и социальных явлений. "Конечно же мы не

можем описать подобных действий до тех пор, пока не поймем смысла используемых понятий", — полагает Р. Бернстайн (14, с. 77).

Все эти исследователи изучают (вернее, ставят вопрос об изучении) одну предметную область и преимущественно рассматривают, в каком отношении языковые средства, понятия и институциональные отношения обуславливают политическую и социальную реальность. В соответствии с этими положениями главная черта человеческих существ как таковых состоит в самосознании, самоистолковании. Исследовать подобные самоистолкования как раз и значит исходить при изучении общества из тех понятий, которые ему внутренне присущи. "Мы можем говорить, если нам так угодно, о взаимозависимости, но в действительности следует указать на искусственность различения между социальной реальностью и языком описания социальной реальности. Язык основополагает реальность и существен для реальности как таковой" (66, с. 27). Теория действия показывает, каким образом анализ человеческого действия (речевого действия) соотносится с социально-политической практикой и теми "формами жизни", в терминах которых эти действия только могут быть поняты и объяснены. В свою очередь, анализ социально-политической реальности, проводимый буржуазными исследователями, преследует цель показать (подобно Платону), насколько эта реальность зависит и даже обусловлена системой предварительных, доопытных норм, представлений о том, что является приемлемым, разумным, а что таковым не является. При этом англо-американские исследователи подчас приходят к парадоксальным, на первый взгляд, а на деле — саморазрушительным, являющимся следствиями субъективистских установок в познании, метазаключениям. Таковы итоги исследований "механизма" процесса "роста знания", получения нового знания: научное, "разумное", идущее от Платона исследование в исторической, и социально-политической реальности невозможно, неразумно, более того — опасно и имеет далеко идущие в моральном отношении последствия. Так, согласно одному из современных продолжателей взглядов

Р.Дж. Коллингвуда Л. Голдстайну, правомерность такого рода выкладок следует из того, что не существует никакой связи, сходства между нашими представлениями о событии и той действительностью, на которой основано это представление. Вывод: историческое и социально-политическое познание имеет недедуктивный, нелогический характер (29), с. 36). Нетрудно заметить, каким образом субъективно-идеалистический гносеологизм, основанный на принципах априоризма, — т.е. на утверждении самодостаточности сознания в процессе познания — необходимо переходит в свою диалектическую крайность — иррационализм и агностицизм.

Интересное преломление эти выводы находят в конкретных социально-политических исследованиях буржуазных авторов. Опасность "рационализации" жизни общества видится в том, что "научно-инженерное" познание, отношение к социально-политической реальности дает, по словам А.Р. Луча, простор для эффективной техники подавления, манипулирования людьми (37, с. 239), аморальной по своей сути. Показательной в этом отношении является книга английского политолога У. Гринлифа "Британская политическая традиция: рост коллективизма" (30), в которой, в конечном счете, также делается вывод о несовместимости нравственных принципов с рациональной организацией общества.

В этой работе современная буржуазная политика рассматривается в контексте очень распространенного сейчас, как уже неоднократно отмечалось, в англо-язычных странах метода "историко-эволюционного" анализа понятий в духе идей Р.Дж. Коллингвуда, эпиграфом из работы которого и начинается книга. По мнению автора, при изучении политики (в данном случае британской), как, впрочем, и любой другой области общественнознания, следует руководствоваться историческим подходом, т.е. изучать историю появления, развития и исчезновения различного рода исторических, философских, экономических, политических и других идей, обусловивших, в конечном счете, исследуемое теоретическое построение. При этом научные оценки должны быть

основаны не только и не столько на вторичных материалах, "а в первую очередь на первоисточниках (общественные и частные архивы), повествующих о сути конкретных организаций, дел или событий, личностей в их развитии... именно на результатах такой исторической работы могут основываться объективные оценки британской политической жизни и мысли" (30, с. 8).

Рассматривая понятие "традиция" в политической жизни, автор определяет его как сложное и многосоставное, включающее в себя разного рода компоненты объективного и субъективного порядка: организации, институты, частные интересы, мнения. Это "единство в многообразном: амальгама разнонаправленных сил и конфликтующих интересов, а следовательно – тех внутренних течений, которые, находясь в постоянном развитии, изменении, в то же время обуславливают целостность исследуемого явления" (30, с. 13).

Руководствуясь подобными методологическими посылами, автор рассматривает британскую политическую традицию в том виде, в котором она существует в настоящее время с точки зрения взаимодействия двух составляющих ее и в то же время противоположных тенденций – либертаризма и коллективизма. При этом автор всячески предостерегает от понимания этих политических доктрин в виде системноизложенных, твердоопределенных и логически последовательных идей. Напротив, всячески подчеркивается их идиосинкразия, взаимозависимость, взаимопроникновение и даже взаимозамена. Все это, по его мнению, и делает британскую политику тем, "чем она является в настоящее время" (30, с. 14). Поэтому, по мнению автора, было бы заблуждением отождествлять идеи либертаризма с установками либеральной и консервативной партий, а идеи коллективизма – с лейборизмом или социализмом. Например, в последние 50 лет все партии так или иначе признали необходимость коллективистской идеи вмешательства государства в социально-политическую и экономическую жизнь страны.

Вот что Гринлиф понимает под либертаризмом.

Во-первых, – это приоритет индивидуальности, присущих ей прав и свободы от социального и политического

контроля. Личная свобода, основанная на "самосознании" и "самоистолковании", т.е. сознательной самодисциплине, — вот традиционно-британские политические идеи, которые на протяжении всей истории понимались не как абстрактные принципы, а как конкретные, осознанные и отстаиваемые права и свободы. Так, Билль о правах 1689 г. не выдвигает новых законов. В нем "освящаются" и подтверждаются "древние права и свободы. В трудах Дж. Локка и Т. Пэйна мы находим старосаксонские требования свободы и неприкосновенности личности, требования, изложенные средствами отвлеченного языка философии" (30, с. 16).

Во-вторых, — это вытекающее из первого требование ограничения деятельности государства в пользу личности.

В-третьих, — это идея о том, что любое слишком сильное сосредоточение власти в одних руках представляет собой явную и непосредственную угрозу свободе личности и даже ее существованию. Отсюда известный лозунг лорда Дж. Актона: "Свобода зависит от разделения власти". "Эта плюралистическая идея, подобно теории о человеческих правах, с которой она связана непосредственно, содержится в старой конституции, согласно которой страна управляется на сессиях мировых судей и в графствах, а не из Лондона" (30, с. 18).

И, наконец, в-четвертых, либертариизм утверждает главенство закона, что является отличительной чертой всех британских институтов.

"Коллективизм — это просто тенденция в британской политической жизни, стоящая в стороне от этого внимания к личности. Это способ ведения дел, называемый в прошлом веке функционализмом, официозностью и, менее уничтожительно, эмпиризмом или просто — созиданием" (30, с. 20).

Основными чертами коллективизма полагаются: во-первых, превосходство общественных интересов перед частными. Общество рассматриваются как "нечто большее, чем сумма входящих в него членов", являющихся равными по отношению друг к другу.

Отсюда, во-вторых, следует идея о том, что единообразие, арифметическое равенство всех входящих в общество граждан перед законом, а не права и "преимущества" (опять же закрепленные законом) конкурирующих друг с другом индивидов, способны обеспечить безопасность и социальное благоденствие.

Таким образом, (в-третьих), вытекает требование о необходимости обеспечения подобного социального равенства от каких бы то ни было посягательств общественной властью, "крепким правительством" (30, с. 22).

"Начиная примерно с 1800 г. диалектическое взаимодействие между либертаристской и коллективистской тенденциями являет собой пример все более возрастающего преобладания последней во всех сферах политической деятельности" (30, с. 28-29). Характерный признак роста "коллективизма" - значительное расширение функций правительственной власти в сфере экономики и социальных отношений. В стране произошла "молчаливая революция" (30, с. 31), заключающаяся в росте общественных расходов и налогообложения, усилении государственного регулирования занятости рабочей силы. В настоящее время государство занимается трудоустройством почти 1/4 всего самостоятельного населения страны, причем каждый второй из трудоустроенных направляется в отрасли военной промышленности (30, с. 36-37). Определенными показателями роста государственного вмешательства служит также увеличение государственного аппарата и объема регулирующего законодательства (до 70 законов ежегодно).

Особая роль в усилении коллективизма отводится Гринлифом войне. Между ними он усматривает самую непосредственную, "тесную связь" (30, с. 49). Проводя широкие исторические параллели, автор утверждает, что именно первая и вторая мировые войны содействовали развитию нового принципа экономической организации под контролем общественной власти, "стимулировали развитие коллективизма и заставили многих людей поверить, что для достижения национальных идей и социальной справедливости необходимо планирующее начало под государственным контро-

лем" (30, с. 76). Поскольку современную войну следует "вести на основе социального единения, она требует проведения политики сотрудничества между различными классами" (30, с. 71). В результате возрастает вмешательство государства в область социальных отношений.

Наиболее сильное влияние государства на политическую жизнь нации, полагает Гринлиф, произошло тогда, когда палата общин — наиболее представительная часть парламента — получила большие возможности для связи с электоратом в своей деятельности, направленной на достижение социальной справедливости. Особенно показательными в этом отношении автор считает парламентские официальные реформы 1867 г. Действия правительства в данном случае проявились в сильных нападках на институт частной собственности. Конституционными правами стали пользоваться люди с низкими доходами как писал Дж. Ст. Милль, "живущие на недельную зарплату".

В этой связи власть государства все более превращалась в самодовлеющую силу, поскольку ее право на социально-политические и экономические нововведения все менее и менее подвергалось сомнению, а противоположные точки зрения на этот счет просто игнорировались. Что касается ближайшего будущего, то, по мнению автора, должен произойти разумный "синтез" двух противоположных начал — "либертаризма" и "коллективизма" (30, с. 162).

Особую роль в формировании и распространении "коллективизма" автор отводит появлению разного рода "натуралистических типов мировоззрения" (30, с. 237) вообще и развитию естественных наук — в частности. После этого утверждения автор приступает к аналитическому разбору этих типов, как определенного рода рациональных концептуальных построений.

В самом деле, пишет Гринлиф, еще со времен Бэкона вера во всемогущество науки ("неизменно безоосновательная") (30, с. 238), в ее способность разрешать все проблемы во всех сферах человеческой жизни стала принимать характер религии и овладевать умами не только отдельных ученых, но и широких народных масс. "Наиболее

удобным термином для описания всех этих многочисленных и разнообразных форм веры, основывающейся на признании исключительности и эффективности методов мышления и анализа, характеристик, присущих фундаментальным и прикладным исследованиям в области естественных наук, является "сциентизм" (30, с. 239). Истинными считаются только те данные, которые основаны на тщательном наблюдении, систематизации, измеряемы в количественном отношении и могут быть подведены под ту или иную закономерность. Все остальное не является наукой, произвольно, субъективно. Действительная наука, в том числе и наука об обществе, как писал еще О. Конт, должна удовлетворять именно подобного рода требованиям.

Автор особо подчеркивает то, что "сциентизм" не обязательно должен быть непосредственно связан с "коллективистской" политической традицией. В качестве примера приводится Г. Спенсер, являвшийся и убежденным либертаристом, и сциентистом одновременно. Тем не менее, поскольку наука преследует конкретные цели, т.е. в конечном счете носит прикладной характер, постольку использование рекомендуемых ею средств должно носить коллективный характер, как в социальном, так и в политическом отношении. Именно возможность всеобщего использования данных науки на практике является подтверждением их истинности.

В каких сферах использовалось это систематическое и упорядоченное знание официальными властями? Ответом на этот вопрос является правительственное указание 1906 г., в котором отмечается необходимость использования данных науки в области народного здравоохранения, городского строительства, в системе образования, внедрении новой технологии в промышленности и т.д. Особую роль в распространении "коллективистских" идей играла при этом деятельность многочисленных научных обществ, огромное количество популярных лекций, а самое главное — конкретные результаты научной деятельности. Говоря о предвещающей, направляющей и даже обуславливающей характеристиках научного знания, автор пишет: "Короче говоря,

научное знание может не только направлять, но и определять деятельность правительства, т.е. и оправдывать ее интеллектуально и обеспечивать практическими средствами для претворения в жизнь" (30, с. 246).

Одной из составляющих "сциентизма" явилась такая наука об обществе, как политическая экономия, целью которой стало открытие наиболее общих законов развития общества. Именно в этом отношении она стала копией тех методов, которые применяются в естественных науках. Кроме нее другими составляющими сциентизма являются, по мнению автора, "утилитаризм", позитивизм О. Конта, социальный эволюционизм в его различных формах и т.д.

Утилитаризм был разработан такими авторами, как И. Бентам, Дж. Ст. Милль, а также сын последнего — Джон С. Милль. На протяжении долгого времени эта концепция была, по словам Честертона, "философией министерства". Каким образом она связана со "сциентистскими" и "коллективистскими" идеями? Прежде всего тем, что основная посылка утилитаризма состоит в следующем. Каждый индивид стремится к достижению счастья. При этом очень часто он может делать это негодными средствами, за счет окружающих. Кроме того, он может просто ошибаться в том, что ему действительно нужно. Устранение подобного рода недостатков входит в обязанности правительства: оно должно просвещать людей, показывать им, в чем состоит их истинное счастье, направлять их деятельность в безопасное русло. Особая роль в этом отводится науке, в частности, естественным наукам, которые должны способствовать появлению и организации "совершенного общества". Последнее должно прийти на смену обществу, основанному на случайных традициях, а не научных принципах и потому неэффективному. Следующей "коллективистской" идеей Бентама автор считает его стремление построить подобное счастливое общество для всех людей. Последнее, правда, он считал трудно достижимым и предлагал ввести его к ограничению неравенства между людьми.

Это положение было в дальнейшем развито многими сторонниками Бентама — Э. Чадвиком, С. Смитом, Т.П. Том-

псоном, которые всячески защищали право государства на внесение постоянных социальных реформ.

Подобно Бентаму, О. Конт пытался сделать социальную организацию и политическую структуру общества более рациональной и систематичной. Целью для этого служило удовлетворение потребностей человека, а основным средством – технократический контроль. Положения О. Конта оказали большое влияние на британскую политическую мысль в лице Бокля, Милля, Морли и др. Позитивисты следовали своему учителю в том отношении, что они точно так же считали, что новое общество должно быть основано не на принципах конкуренции между индивидами, а на принципах "планирования и контроля, предполагающих авторитет разума: социология Конта целиком сводилась к этатизму" (30, с. 259).

Теория эволюции или естественного отбора, развитая Ч. Дарвиным, в социальной и политической мысли играла роль своеобразного "авторитета", на который ссылались, когда необходимо было обосновать ту или иную социальную или политическую программу и т.д. Поэтому в рамках теории социальной эволюции существовало огромное количество самых разнородных течений, как "коллективистских", так и "либертариистских".

Одним из них является гипердарвинизм, согласно одной из версий которого, основным законом эволюционного процесса в его применении к "человеку как социальному животному" является закон коллективизма.

Другие авторы (например, Т. Гексли) делали из учения Дарвина индивидуалистические выводы, особо акцентируя свое внимание при этом на учении о естественном отборе (К. Пирсон) и отождествляя социальную справедливость и счастье общества (фабианство) с неограниченной свободой личности и свободой рынка. Только это, считали они, может привести к воспроизводству здорового социального организма.

Марксизм автор считает разновидностью учения Бентама и позитивизма Конта, поскольку в нем разделяется ес-

тественнонаучный, натуралистический взгляд на изучение общественной жизни (30, с. 268).

Далее автор рассматривает еugeniku, основная цель которой – улучшение социальных порядков путем изменений в биологии человека. Автор при этом ссылается на последние исследования в области "биомедицины" и "генетической инженерии" в США, а также на практическую реализацию принципов еugenики в нацистской Германии и в современной Индии (30, с. 270).

В целом же, проделав историко-эволюционный концептуальный анализ различных типов социально-политической рациональности, автор дает отрицательную (и в этом смысле, как уже отмечалось, саморазрушительную) оценку возможностям социальных наук, построенным на принципах рациональности и дедуктивности. Более того, он считает их даже морально опасными в том случае, если они служат средствам политического руководства правительством жизнью общества (30, с. 286).

Отдавая себе отчет в ограниченности возможностей всякого рода филантропических усилий, осуществляемых средствами религии, культуры, искусства, автор в то же время приходит к заключению о том, что "только поддерживая культуру и искусства, власти могут сыграть позитивную жизнь в общественной жизни..." (30, с. 303).

Как показывает изложение взглядов Гринлифа, такие, казалось бы, отвлеченные положения аналитической философии языка, как предваряющая функция априорных принципов доопытного знания в качестве условия познания (априоризм), нормативность социально-политических действий (рационализм), понимаемых в качестве речевых (иллокуционные акты), и вытекающий отсюда анализ, пояснение высказываний (историко-эволюционный концептуализм), приравнивание политики к этике, а политического действия – к моральному, имеют конкретное применение в социально-политической сфере и оборачиваются вполне определенными в идеологическом отношении выводами. Субъективизм в гносеологии оборачивается субъективностью оценок реалий общественно-политического развития. В конечном счете, теоретико-ме-

тодологический аппарат аналитической философии языка служит оправданию и обоснованию традиционных буржуазных ценностей, попыткам их противопоставления коммунистическим идеалам.

§ 4. Теория предикаций, интерсубъективность и социально-политическая коммуникация

Особое место в аналитической философии языка имеет проблема интерсубъективности. Это неудивительно – актуальность обоснования объективного характера процесса познания и его данных, важности общезначимости, всеобщности знания никогда не подвергались сомнению в истории человеческой мысли. Именно значимостью подобного рода тематики объясняется даже факт появления разного рода скептических, деструктивных теорий познания: от учений софистов и скептиков, Нагарджуны и Беркли до агностических направлений в современной буржуазной философии, в частности, в той же аналитической философии языка с ее утверждением первенства допытного характера процесса познания.

К каким теоретико-методологическим средствам в этих условиях прибегают современные англо-американские исследователи для объяснения адекватности собственных социально-политических рекомендаций, как вообще объясняется сама возможность взаимодействия между людьми, их взаимопонимание, т.е. все то, что составляет стержень любой социально-политической жизни? Другими словами, как преодолевается различие между исходными установками трансцендентальной субъективности и сферой интерсубъективного взаимопонимания? Для решения подобного рода вопросов в аналитической философии языка как раз и привлекается теория предикации, которая в социально-политической сфере принимает вид теории коммуникации. В этой связи "основным, хотя и недостаточно признаваемым, является положение о том, что коммуникация по сути своей – это способ передачи знания" (22, с. 310). В связи с этим имеется в виду, что если говорящий С имеет зна-

ние x о явлении Φ , в следствие чего делает высказывание, указывающее на x и говорящее, что это Φ , и если в этом случае слушатель A не только воспринимает и понимает высказывание, но и принимает его за инстинное, то в этом случае A самостоятельно приходит к заключению о том, что x является предикатом Φ . Если проблемой указания, соотношения знания, значения и объекта занимается, как уже указывалось, теория референции, то теория предикации рассматривает условия истинности и общезначимости как функции употребления высказывания. Теория предикации и теория референции (рассмотренная ранее) связаны и взаимодополняют друг друга. И вот в каком отношении. Развертывание концепции значения утвердительного предположения (пропозиции) в его функции утверждения ведет к необходимости рассмотрения общезначимости функций и правил употребления входящих в него компонентов — предикативных и указательных выражений, дополняющих друг друга.

Что касается теории предикации, то, как отмечает А. Дегутис, "понимание условий истинности и правил обоснования сложных и общих высказываний предполагает понимание условий истинности и правил обоснования элементарных предикативных высказываний; соответственно правил объяснения употребления предикативных высказываний. Поэтому любая общая теория значения в конечном счете должна дать объяснение значения сингулярного предикативного предложения" (4, с. 103).

В теории предикации проявляется своеобразная номиналистическая установка аналитической философии языка. Полагается, "что теоретически невозможно установить границы числу различных способов членения действительности (именно в усвоении правильного употребления предиката заключается способность разграничения классов объектов. — Авт.)... для целей мышления и действия... Еще менее мы можем предполагать, что должно существовать какое-то независимое идентифицируемое основание в действительности, независимое от условий отнесения к действительности для того способа, каким мы различаем элементы действительности; это было бы ошибкой докритической, докантовской

метафизики. Невозможно сообщить смысл оппозиции между сущностью действительности и условиями ее познания нами' (31, с. 12-13); цит. по: 4, с. 106).

Вот как определяется теория предикации Дегутисом. Действительность, естественно, человеку не дана просто так, как она дана животному, т.е. лишь как условие или причина его существования — она дана ему концептуально, а это значит, согласно рассмотренной установке, что она дана языковыми средствами, среди которых существенную роль играют средства классификации и разграничения объектов, т.е. средства, возникающие благодаря становлению правил употребления предикативных выражений.

Таким образом, возможность классификаций и определений объекта — это, в частности, возможность правилосообразного применения предикатов. Эта правилосообразность не может являться следствием какого-то уже состоявшегося познавательного акта, так как любой познавательный акт в аналитической философии языка, пишет А. Дегутис, — это уже применение концептуальных, а значит, лингвистических средств. Например, "видеть объект как такой-то и такой-то" — значит обладать на основе зрительного восприятия истинной мыслью, знать, что объект такой-то и такой-то. Мысли же являются не просто феноменальными данностями (ощущениями, образами, представлениями в их интроспективистской трактовке), а пропозициональными объектами, онтологический статус которых объясним лишь по аналогии с предложениями. Иначе говоря, видение (и вообще сознательное восприятие) свойств объекта не может появляться основой применения к объекту определенного предиката, так как, будучи пропозициональным, оно само предикативно. "Сама возможность видения и, вообще сознательной ориентации в воспринимаемом мире конститутивно связана со становлением практики предикации — таково следствие "номинализма" аналитической философии" (4, с. 107).

Способность усваивать употребление предикативных как общезначимых, "интерсубъективных" выражений пред-

ставляется, таким образом, не поддающейся дальнейшему анализу, нередуцируемой человеческой способностью.

"Итак, можно предположить, — заключает Дегутис, — что факт правилосообразности и интерсубъективной согласованности предикаций объясним существованием естественных классов и определенных естественных способностей человеческого организма, в то время как познание последних основано на интерсубъективной практике предикаций. Таким образом, порочный круг экспликативного анализа предикации размыкается лишь при введении причинного ее объяснения" (4, с. 110). Последнее же, как справедливо, замечает Дегутис, критикуя концепцию значения аналитической философии языка, достижимо лишь путем выхода за сферу компетенции экспликативного анализа аналитической философии. А именно — "требуется дополнение анализа оснований предикации анализом причин предикации, т.е. выход из логико-экспликативного анализа данной предикативной системы к причинному объяснению возможности этой системы" (4, с. 109).

Главное положение аналитической философии языка — о функциональной, историко-эволюционной природе знания, теория о том, что суть знания — в его употреблении и в этом смысле — развитии, росте, передаче и, отсюда — коммуникации; эта теория находит широкое распространение у англо-американских политологов. "Мы рассматриваем коммуникацию в виде такого отношения между оратором и слушателем, которое способно восполнить собой недостающее звено в цепочке передачи знания" (22, с. 311). При этом, повторяем, буржуазные авторы понимают этот рост, развитие, передачу знания как доопытную концептуальную обусловленность процесса познания, постоянно ссылаясь на таких "патриархов" аналитической философии языка, как Л. Витгенштейн (73) или Дж. Остин (12).

Вот что пишут американские политологи Р. Мансбах и Дж. Васкес в книге "В поисках теории: новая парадигма для мировой политики": "Действия предшественников всегда направляют действия современников, особенно это касается межличностных отношений" (40, с. 204). Поэто-

му лучший способ предугадать действия последующие заключается в том, чтобы узнать действия предшествующие современным. Это положение, считают американские политологи, справедливо и для отдельных личностей, и даже для целых государств и международных союзов. В этом смысле, продолжают они, нота протеста, посланная правительством США правительству СССР в разгар "холодной войны", совсем не равнозначна такой же ноте, посланной в то же время США Великобритании. Последняя показалась бы необычной и непредвиденной, если иметь в виду сложившиеся взаимоотношения, а также тот способ поведения, который стороны привыкли соблюдать по отношению друг другу (40, с. 205).

Как отмечает известный английский философ и политолог М. Оукшотт, любое самовыражение на практике принимает форму действия. Последнее же так или иначе определяется обосновывается с помощью слов. Более того, слова неотъемлемая, существенная часть всякого действия. С их помощью привлекается внимание к действию; происходит его наименование с точки зрения намерений индивида, его попыток так или иначе объяснить, обосновать это действие; вступить с его помощью в контакт с другими индивидами; дать или получить совет, подчиняться или повелевать и т.д. и т.п. "С помощью такого рода языка мы сообщаем о наших желаниях, неудовольствиях, предпочтениях, выборе, запросах, одобрениях и ощущениях; мы даем обещания и признаем обязанности, выражаем надежды и предостережения; высказываем снисходительность и раскаяние. Язык, с помощью которого ведутся повседневные дела, — это символический язык. Его слова и выражения — это знаки, основанные на соглашениях поскольку они имеют как приблизительное, так и точное употребление и поскольку сами по себе (вне употребления, — Авт.) не обладают смыслом, используются в качестве средства коммуникации. Это язык, основанный на подражании" (50, с. 211).

Австралийские исследователи Г. Кресс и Р. Ходж изучают политические и идеологические аспекты теории коммуникации. Основная задача их книги "Язык как идеология"

(34) формулируется авторами как попытка "установить связь между формами мысли и общественным бытием, носителями этих форм – людей, живущих в материальном мире... в конкретных обществах, в конкретное время" (34, с. IX). Вместе с тем несмотря на это заявление о "материальности" и "конкретности", авторы ведут свой анализ в полном соответствии с традиционными положениями аналитической философии языка о соотношении знака и значения. Согласно их точке зрения, язык имеет не только непосредственное, но и решающее отношение к сохранению в памяти восприятий и мыслей о мире, так как именно он по преимуществу и конструирует, и направляет восприятие. Все, что имеет именование, легче для классификации и запоминания. Более того, общим знанием для участников коммуникации является только то, что имеет именование. Таким образом, только язык, усваиваемый в обществе, предопределяет, какие восприятия могут потенциально выступать в качестве социально значимых.

Австралийский политолог П. Коркоран во введении к книге "Язык политики и риторика" (21) отмечает, что предметом исследования является "язык политики", различные формы которого анализируются в связи с соответствующими способами выражения в публичных выступлениях. Выделение языка политики в особый предмет исследования базируется на понимании языка как движущей социальной силы и вида "политического поведения", действия.

Язык политики (характерный, в частности, для передовых статей газет, выступлений по телевидению в связи с избирательной кампанией и т.д.) не имеет каких-либо присущих только ему особенностей в лексике и грамматике. Ему свойственно специфическое содержание, а не форма. В формальном отношении язык политики отличается лишь небольшим числом канонизированных выражений и клише.

Язык рассматривается как комплекс средств, обеспечивающих возможность использования языковых сообщений в различных целях, т.е. язык трактуется как своеобразная "технология" и предполагает возникновение, существование и последовательную смену различных средств массовой ком-

муникации (письмо, телеграф, радио, телевидение и т.д.). В задачи работы входит выявление существующего разнообразия средств языковой коммуникации, условий их возникновения и взаимосвязи отдельных средств с предшествующими и последующими. Особое внимание уделяется использованию языка в политических и социальных целях.

Язык политики имеет непосредственное отношение к риторике, ибо последняя традиционно ассоциируется со знанием и умением пользоваться правилами построения и произнесения публичного выступления. Однако, подчеркивает автор, подход к языку, предлагаемый в работе и представляемый термином "язык политики", значительно шире предмета исследования риторики. Взаимоотношение риторики и языка политики выявляется в следующих основных положениях.

1. Эволюция сменяющихся средств коммуникации привела к возникновению различных форм публичных выступлений, дифференцирующихся в своих социальных функциях и политическом значении.

2. Устная и письменная формы политических выступлений находятся в отношениях взаимодополнения. Таким образом, нововведения в области средств языкового выражения (книгопечатание и другие средства коммуникации) видоизменили социальную функцию и политическое значение риторики.

3. Политическая риторика (понимаемая как искусство публичного выступления, речь) в XX в. является устаревшей формой коммуникации, утратившей свою первоначальную социальную и политическую функцию – информировать и убеждать.

4. Современный язык политики в противоположность формальной риторике приобрел на Западе особую социальную функцию, связанную с целями, которым служит использование языка политики: не убеждать, а контролировать; не передавать информацию, а скрывать или искажать ее; не побуждать к размышлению, а препятствовать ему.

Авторы сборника "Язык и политика" (36) (антропологи, социологи, лингвисты, юристы и специалисты по политическим наукам) на примере многочисленных фактов показывают

актуальность изучения языковых проблем во взаимосвязи с политическими проблемами. Социальная значимость и специфичность исследований, которые ведутся в этом направлении, дают основание для выделения в кругу общественных дисциплин так называемой "политико-лингвистики", занимающейся систематическим изучением воздействия языкового варьирования и структуры речевой коммуникации на политику в широком смысле слова. Цель подобных исследований заключается в выяснении того, каким образом язык используется в конкретной политической деятельности, и способен ли язык оказывать влияние на результаты этой деятельности.

Связь языка и политики выражается прежде всего в том общем положении, согласно которому вербальная система коммуникации имеет первостепенное значение для любого правительства, так как нет такого правительства, которое бы не использовало языковые средства коммуникации. В качестве основных указываются следующие типы отношений между языком и политикой: 1) ситуации, в которых правительство пытается осуществить контроль над функционированием средств коммуникации (например, языковая политика правительства, языковое планирование); 2) язык используется в определенных целях и влияет на результаты политической деятельности и правительственных мероприятий; 3) язык и политика находятся в отношении взаимосвязи.

Об актуальности проблем взаимоотношения языка и политики свидетельствуют два направления исследований, сформировавшиеся за последнее время в рамках антропологии: политическая антропология и лингвистическая антропология. Общим для обоих направлений является интерес исследователей к проблемам, которые раскрываются при обсуждении возможностей использования языка в качестве: а) средства, поддерживающего границы социальной дифференциации в обществе, б) средства для достижения политических целей. В круг последних проблем включается изучение: 1) выражения языковыми средствами коммуникативного статуса говорящего; 2) выражения отношений

равенства/неравенства собеседников в акте коммуникации; 3) использования риторических приемов в политических целях; 4) языка как средства манипуляции и контроля в распоряжении отдельных индивидов и правительства.

В исследованиях, посвященных различным политическим проблемам, при освещении взаимоотношения языка и политики ученые склонны рассматривать язык как явление социального порядка, подлежащее анализу на более высоком уровне, чем уровень индивидуального акта коммуникации. Высказывается мысль о том, что "взаимоотношение язык – политика может быть определено эффективным и кардинальным образом на уровне, который представлен языком, как мы его слышим и как мы говорим на нем" (36, с. 432). На уровне индивидуальной интеракции "политика есть искусство, возможно, это искусство обманывать" (36, с. 432). Переход от уровня индивидуального языкового контакта к более высокому уровню сложных социальных отношений означает переход к совершенно новым проблемам во взаимоотношении языка и политики. На этом более высоком уровне выступление (речь) политического содержания может, например, формально адресоваться данной аудитории, тогда как в действительности предназначение этого выступления может быть совершенно другим. Выступая в двух основных функциях – как средство межличностной коммуникации и как средство для достижения социальных и политических целей – язык обнаруживает в этом плане неисчерпаемые возможности. Так, одна и та же угроза (высказывание) может передавать существенно различный смысл в разных ситуациях. "Язык – это ключ к власти и богатству" (36, с. 434).

Известный американский историк и политолог А. Шлезинджер в статье "Политика и проблема языка в Америке" (61) считает, что современный этап характеризуется вниманием к проблеме адекватности отражения фактов реальной действительности в языке политики.

Язык стал объектом всеобщего пристального внимания самых разных специалистов. С ростом массовой коммуникации, расширением тиража массовых издательств, рекла-

мы, профессионализацией обучения связаны те модификации языка, которые ведут к отрыву значения слов от их значения. На этом и основаны те манипуляции в языке политики, которые ведут к "семантическому хаосу". События во Вьетнаме, Уотергейтский процесс обнаружили, что американское общество находится на грани языкового и политического кризисов, что оба кризиса тесно связаны.

Рассматривая язык в качестве средства формулирования мысли, инструмента воздействия на восприятие, автор высказывает идею о существовании "языковых полей" у каждого политического направления. Языковое поле отражает идеологию определенного класса, вводит в оборот и узаконивает тот набор идей, мотивов, установок и ценностей, который вытесняет и изгоняет любые другие.

Анализ принципов и структуры риторики основоположников американской демократии и риторики времен вьетнамской войны позволяет выявить ценностные ориентации американского общества на разных этапах его развития. Одним из показателей деградации демократических принципов является дегенерация языка политики, которая проявляется в манипуляции понятиями, затемнении смысла, использовании жаргона военной бюрократии. Использование специальной лексики типа "умиротворение", "удаление листвы" высказывает ужасную реальность напалмовых бомб в период вьетнамских событий. Так, политические лидеры Америки скрывают свое истинное лицо за вуалью речи. Дело не только в игре словами, но и в самом принципе манипуляции значениями, понятиями, фактами реальной действительности. Буржуазная демократия, как утверждает автор, должна спасти свой язык. Настало время очистить "языковое поле" американской политики. Необходима помощь истинных знатоков языка: писателей, учителей. Они должны объявить войну искажению значений и дискриминации языковых понятий, которая являлась бы борьбой за истину и чистоту языка. Именно это отрицание чистоты и смысла, которое основывается на примиренчестве с языковыми неточностями и является по своей сути самообманом с помощью искусства риторики. Критикуя демагогичность современной амери-

канской политики, автор указывает, что в будущем наиболее существенным и эффективным могла бы стать нормализация языка политики и, в конечном счете, спасение ее самой.

А.С. Зейдervальд, рассматривая роль устоявшихся выражений (языковых клише) в культуре и политике (75), следующим образом подходит к проблеме значения и коммуникации. Значение определяется как "то свойство человеческой коммуникации, которое позволяет ее участнику, как и наблюдателю, не только сознательно и эмоционально следить за коммуникацией и участвовать в ней, но также предсказывать и понимать последующие ближайшие ступени дальнейшего развития коммуникации" (75, с. 18). Функция определяется как свойство человеческой коммуникации, позволяющее коммуниканту осознать определенный ход действия в соответствии со стимулом, полученным от партнера по коммуникации, "и "независимое от какого бы то ни было познавательного и эмотивного усвоения роли или позиций со стороны коммуниканта" (75, с. 20). Значение и функция рассматриваются с точки зрения теории "символической коммуникации".

Социальные и политические функции, выполняемые клише, базируются на двух основных принципах: 1) клише позволяют избежать сознательного размышления, влияя на поведение людей: они не столько стимулируют поведение как таковое, сколько приводят его в действие механически; 2) существенна повторяемость клише: в процессе стимул-реакция нужно повторять стимул многократно, пока организм не приспособится реагировать без вмешательства мышления.

Термин "социальный" употребляется автором по отношению к совокупности ежедневных актов коммуникации (функции называются социальными, если они помогают коммуникации или даже делают ее возможной). Термин "политический" относится к сознательной попытке и применению соответствующей методики воздействия на поведение других людей, приобретения некоторой власти над ними. Эти термины применяются и в более специальном смысле, от-

носясь к обществу (или социальной структуре) и государству.

Социальная функция клише проявляется, например, в ситуации общения, когда говорящий испытывает смущение и не хочет продолжать разговор. Он говорит: "Между прочим, вы знаете, что...". Предполагается, что общение не прервано, однако на самом деле направление разговора существенно изменилось и введена новая тема для обсуждения.

Мобилизующая роль клише видна, например, в торговле (употребление рекламных лозунгов) и особенно в политике. Следует учесть, что функция приведения стимула в действие проявляется не очевидно, а скорее косвенно, поэтому так трудно распознать мобилизующее влияние клише на речь и поведение, но влияют на отношение, тенденции, настроения. Так, клише политической речи прямо не заставляет людей голосовать за одного политического деятеля, а не за другого. Формируя настроения людей, они приготавливают их к определенному направлению в познании, эмоциях, действиях, они пытаются вызвать желание голосовать за выдвигаемую политическую программу. Клише политической речи пытаются ненавязчиво убедить людей в том, что общее содержание предложенного курса "естественно" и "очевидно" является единственно правильным. Действие клише равнозначно промыванию мозгов. Кажется, что клише несут правдивую информацию, — говорят о старой и очевидной истине, и это происходит не из-за их семантического содержания, а из-за повторяющегося употребления.

Современная буржуазная пропаганда широко использует клише. Впервые это отчетливо проявилось в нацистской Германии, когда самые лживые, якобы демократические лозунги получали статус достоверности и законности благодаря власти и влиянию фюрера и с помощью таких тоталитарных методов, как массовые собрания и военные парады. Дальнейшего "усовершенствования" политическая пропаганда добилась в период "холодной войны". Идеологические клише, существенные для человечества, много-

кратно повторялись: "свободный мир", "демократия" и т.п. Семантическая пустота этих клише функциональна, так как она используется для политических махинаций. Например, сопоставление понятий "левый" – "правый", "прогрессивный" – "реакционный", по мнению автора, не позволяет уловить точное значение каждого из них.

Клише осуществляют также функцию социального контроля, поскольку значение и правильное употребление клише отличают истинного представителя данного коллектива.

Человеку, который участвует своей речью и поведением в сохранении политической идеологии, рано или поздно надоедают клише этой идеологии. Тогда ему приходится принимать решение: либо он отказывается от идеологии, либо он активизирует ее агрессивными действиями.

Однако, по мнению автора, роль клише в современном обществе может быть ограничена, для чего уже выработаны некоторые методы. Равновесие между значением и функцией можно сознательно поддерживать и, если нужно, восстанавливать. Возможности для ограничения клише автор видит в более широком привлечении материала религии, научных открытий, социально-политических движений и т.д. Другими словами, подобно Гринлифу, Зейдервельд призывает бороться с издержками "рационализма" рациональными средствами, а одни клише заменить другими (в духе функционального, историко-эволюционного метода анализа оснований познания, понятий аналитической философии). Итак, познание социально-политических реалий не выводится за рамки сознания, являющегося таким образом, самодостаточным, ничем не обусловленным в материальном отношении. Следствием подобного субъективно-идеалистического подхода, как уже отмечалось, является довольно парадоксальная вещь. Буржуазные авторы как бы "уходят" от той предметной области, которую они намереваются изучать – сферы бытия – в сферу "чистого разума".

Такие традиционные средства аналитической философии языка, как априоризм и функционализм в рассмотрении роли значения в процессе познания (в данном случае – социально-политического), с завидным постоянством повторя-

ются и находят свое конкретное преломление в исследованиях, посвященных различным аспектам внутренней и внешней политики, проблемам языка политики, тем или иным аспектам общественного сознания и т.д. Тенденция к субъективизации процесса познания, свойственная аналитической философии языка, стремление ограничить рассмотрение проблемы объективности (или интерсубъективности) значения рамками формально-логической общезначимости, теоретической согласованностью строго построенной в научном отношении на основе определенных, "заданных" априорных принципов, являющихся "объектами веры", в ущерб рассмотрению объективности, как независимости мышления от изучаемой им предметной области, — все это откладывает соответствующий отпечаток и на современную аналитически ориентированную буржуазную политологию. Реальные социально-политические проблемы переводятся в область языка и мышления. Соответственно, решение этих вопросов ставится в зависимость от концептуального анализа тех или иных высказываний (клише), а не от изменения социально-политических реалий. В результате подобный теоретико-методологический подход к явлениям общественно-политической жизни оборачивается узостью и предвзятостью рассмотрения, свойственного буржуазным исследовательским программам. Последнее приводит к теоретической и практической непродуктивности разрабатываемых концепций и парадигм, что и признается в последнее время самими буржуазными авторами (68) при рассмотрении операционно-инструментальной, прикладной функции собственных концептуальных построений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Соч. 2-е изд., т. 4, с. 419-459.
2. Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права: Императивные нормы *ius cogens*. — Тбилиси, 1982. — 406 с.

3. Витгенштейн Л. О достоверности. – *Вопр. философии*. М., 1984, № 8, с. 142–149.
4. Дегутис А. Язык, мышление и действительность: (Очерк теории значения в аналит. философии). – Вильнюс, 1984. – 184 с.
5. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. – М., 1980. – 485 с.
6. Мур Дж. Принципы этики: Пер. с англ. – М., 1984. – 326 с.
7. Нерсисянц В.С. Платон. – М., 1984. – 104 с.
8. Платон. Сочинения: В 3-х т. – М., 1968. – 1971. – Т.1. 623 с.; Т.2. 611 с.; Т.3. Ч.1. 687 с.; Т.3. Ч.2. 678 с.
9. Структура и развитие науки: Из Бостон. исслед. по философии науки. Сб. переводов – М., 1978. – 487 с.
10. США: Консервативная волна: Пер. с англ. – М., 1984. – 312 с.
11. Шамшурин В.И. Современная социально-политическая философия в США: Науч.-аналит. обзор. – М., 1984. – 72 с.
12. Austin J.L. How to do things with words. – Oxford; Cambridge (Mass.), 1962. – IX, 167 p.
13. Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. – München, 1979. – 186 S.
14. Bernstein R.J. The restructuring of social and political theory. – N.Y.; L., 1976. – XXIV, 286 p.
15. Bull H. The theory of international politics, 1919–1969. – In: The Aberystwyth papers: Intern. politics 1919–1969. – London; Oxford, 1972, p. 30–56.
16. Butterfield H. Christianity, diplomacy and war. – L., 1953. 234 p.
17. Carr E.H. The twenty years crisis: An introd. to the study of intern. relations. – L., 1948. – XII, 244 p.
18. Choi C.Y. The contemporary foreign behavior of the United States and Soviet Union: An application of status-field theory. – In: Rummel R.J. Field-theory evolving. Beverly Hills (Cal.), 1977, p. 403–464.

19. Collingwood R.G. The New Leviathan or man, society, civilization and barbarism.—Oxford, 1942.—VII, 387 p.
20. Coplin W.D. Introduction to international politics.—Englewood Cliffs; New York, 1980.—X, 386 p.
21. Corcoran P.E. Political language and rhetoric.—Austin, 1979.—XVII, 216 p.
22. Evans G. The varieties of reference.—Oxford, 1982.—XIV, 418 p.
23. Feyerabend P.K. Against method: Outline of an anarchistic theory of knowledge.—L., 1975.—339 p.
24. Finley M. Politics in ancient world.—L., 1983.—X, 234 p.
25. Finley M. Politics and political theory.—In: The legacy of Greece: A new appraisal. Oxford, 1981, p. 22–64.
26. Fox W.T.R. Interwar international relations research: The Amer. experience. —World politics, Princeton, 1949, vol. I, N 3, p. 67–80.
27. Friedlander R.A. Power politics and international order.—In: The year book of world affairs. L., 1984, p. 43–58.
28. Fumerton R.A. The paradox of analysis.—Philosophy a.phenomenological research, N.Y., 1983, vol. 63, N 4, p. 222–234.
29. Goldstein L.J. Towards a logica of historical constitution.—In: Epistemology, methodology and social sciences.—Dordrecht etc., 1983, p. 19–52.
30. Greenlief W.H. The British political tradition.—L.; N.Y., 1983.—Vol. I. The rise of collectivism. XIV, 336 p.
31. Hampshire S. Thought and action.—N.Y., 1960.—234 p.
32. Hudson K. The language of modern politics.—L., 1978.—VII, 167 p.
33. Kennan G.T. American diplomacy, 1900–1950.—Chicago, 1952.—IX, 154 p.
34. Kress G., Hodge R. Language and ideology.—L. etc., 1979.—X. 163 p.
35. Language and logos.—Cambridge etc., 1982.—XIII, 359 p.
36. Language and politics.—The Hague; Paris, 1976.—XVI, 506 p.
37. Louch A.R. Explanation and human action.—Oxford, 1966.—VIII, 243 p.

38. MacIntyre A. Against the self-images of the age: Essays on ideology a. philosophy.—L., 1971.—X, 284 p.
39. MacIntyre A.C. After virtue: A study in moral theory.—Notre Dame (Ind.), 1981. —IX, 252 p.
40. Mansbach R.W., Vasquez J.A. In search of theory: A new paradigm for global politics.—N.Y., 1981.—XIX, 559 p.
41. Masterman M. The nature of a paradigm.—In: Criticism and the growth of knowledge. Cambridge, 1970, p. 59–89.
42. Mesquita B. de. Theories of international conflict: An analysis a. an appraisal.—In: Handbook of political conflict. N.Y., 1980, p. 361–398.
43. Mesquita Bueno, de The war trap.—New Haven, 1981.—XII, 223p.
44. Minix D.A. Small groups and foreign policy decision-making—Wash., 1982.—XIV, 247 p.
45. Morgethau H.G. Politics among nations: The struggle for power a. peace. —N.Y., 1949. —XV, 489, XIX p.
46. Most A.B., Starr H. International relations theory, foreign policy substitutability and "nice" laws.—World politics, Princeton, 1984, vol. 36, N 3, p. 383–406.
47. Neville R.C. Reconstruction of thinking.—Albany, 1981.—XII, 350 p.
48. Nicolson H. Diplomacy.—L. etc., 1942.—256 p.
49. Niebuhr R. Christianity and power politics.—1940.—XII, 226 p.
50. Oakeshott M. Rationalism and other essays.—L.; N.Y., 1981.—VII, 333 p.
51. Pandit G.L. The structure and growth of knowledge: A study in the methodology of epistemic appraisal.—Dordrecht etc., 1983.—XXII, 231 p.
52. Pocket Oxford dictionary.—Oxford, 1935.—XVI, 1049 p.
53. Pollock I.L. Language and thought.—Princeton, 1982.—XII, 297 p.
54. Putnam H. Philosophical papers.—Cambridge etc., 1983.—Vol. 3. Realism and reason. XVIII, 312 p.
55. Roberts G.K. A Dictionary of political analysis.—L., 1971.—XXII, 229 p.
56. Rose R. Politics in England today.—L., 1974.—XVI, 448 p.

57. Rosenau J.N. The study of global interdependence: Essays on the transnationalization of world affairs.—L.; N.Y., 1980.—IX, 334 p.
58. Rosenau J.N. The study of political adaptation.—N.Y., 1981.—IV, 235 p.
59. Rummel R.J. Field theory evolving.—Beverly Hills (Cal.), 1977.—531 p.
60. Rummel R.J. Understanding conflict a. war.—Beverly Hills (Calif.), 1979.—Vol. 4. War, power, peace. 447 p.
61. Schlesinger A. Politics and the american language.—In: Communication through behavior. St. Paul etc., 1977, p. 74—81.
62. Schuman F. International politics.—N.Y., 1958.—XX, 745 p.
63. Schwarzenberger G. Power politics.—L., 1951.—XXII, 88 p.
64. Searle J.R. Speech acts: An essay in the philosophy of language.—L., 1969.—VII, 203 p.
65. Spykman N. America's strategy in world politics: The United States a. the balance of power.—N.Y., 1942.—7 p.
66. Taylor Ch. Interpretation and the sciences of man.—Rev. of metaphysics, Wash., 1971, vol. 25, N 1, p. 3—51.
67. Taylor T. Power politics.—In: Approaches and theory in international relations. L., 1978. p. 122—140.
68. Vasquez J.A. The power of power politics: A critique.—L., 1983.—XIV, 303 p.
69. Vlastos G. Platonic studies.—Princeton (N.Y.), 1973.—XVI, 43 p.
70. Wight M. Power politics.—L., 1946.—68 p.
71. Winch P. Ethics and action.—L., 1972.—VIII, 231 p.
72. Winch P. The idea of social science and its relation to philosophy.—L., 1958.—143 p.
73. Wittgenstein L. Philosophical investigations.—N.Y., 1958.—X, 232 p.
74. The year book of world affairs. L., 1984.—Vol. 38. VII, 377, IX p.
75. Zijderveld A.C. On clichés: The supersedure of meaning by function in modernity.—L. etc., 1979.—XI, 129 p.

В.И. Шамшурин

ФИЛОСОФСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В США В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

(Научно-аналитический обзор)

Во второй половине 60-х - начале 80-х годов в условиях глубокого кризиса, охватившего все сферы социально-экономической, политической и духовной жизни США, для многих американских исследователей характерно осознание того, что в результате расширения позиций государственно-монополистического капитализма, бюрократизации всех сфер жизни и продолжающейся концентрации экономической мощи монополистических объединений происходят глубокие изменения в социально-политических установках и во всей системе идейно-политических и мировоззренческих позиций все более растущего числа американцев. Это, в свою очередь, ведет к пересмотру ими своего отношения к основным общественно-политическим институтам страны. В последние годы в американской буржуазной социологии и политологии заметно растет интерес к тенденциям развития этих институтов, американской общественно-политической системы в целом. Причем, этот интерес наблюдается на всех отрезках идейно-политического спектра - от правого радикализма до левого радикализма.

§ 1. Индивидуалистско-либератаристские модели общественно-политического развития США

В рассматриваемый период традиционные консервативные идеи и концепции, особенно идеи свободного рынка, свободной конкуренции, индивидуализма и др. пережили как бы второе рождение. Наблюдалось наличие в позициях значительной части американцев консервативной тенденции, перемещение вправо центра политической жизни страны. Признаком оживления консервативных идей являлась широкая популярность в последние годы работ, посвященных безудержной апологетике капиталистической системы и ее основных принципов. Эта тенденция четко проявилась в росте популярности различных вариаций неоклассической практики общества.

Как отмечает социолог либеральной ориентации Дж. Дайзинг, неоклассическая школа, возникнув в 70-х годах XIX в., к 30-м годам XX в. превратилась в "доминирующую экономическую традицию". Ее представители взяли на вооружение так называемый "марджинальный анализ". Как считает Дайзинг, в основе неоклассической теории лежит постулат о рациональном индивиде, согласно которому каждый индивид, контролирующий определенный комплекс ресурсов, включая собственный труд и знания, вступая во взаимодействие с другими индивидами, стремится размещать эти ресурсы таким образом, чтобы получить от них максимальную пользу. Подобным же образом поступают отдельные фирмы и предприятия, обеспечивая наиболее рациональное функционирование всей экономической системы в целом (3, с. 24).

Неоклассическая теория - это прежде всего "микротеория". В ее основе лежит "теория индивидуального выбора". В обществе нет группового сознания, есть лишь индивидуальное сознание. В итоге "индивидуальные решения представляют собой конечную причину всех социальных изменений". ВВП, темпы роста денежной массы, размещение ресурсов и т. д. являются результатом индивидуальных решений (3, с. 26). Крайний вариант такой точки зрения назы-

вается "методологическим индивидуализмом", согласно которому "общество представляет собой совокупность отдельных индивидов плюс результаты индивидуальных действий. Что касается групп и группового сознания, то они суть "фиктивные образования". Более умеренный вариант представляет "этический индивидуализм", отстаивающий индивидуальную свободу в век коллективизма и тоталитаризма (3, с. 27).

Первоначально неоклассики ограничивали свои модели сферой экономики, но начиная с 50-х годов, они стали распространять свои концепции и на другие сферы общественной жизни — политику, межличностные отношения, науку и т. д. Впервые задача использования неоклассических концепций для исследования политики была поставлена Р. Далем и Ч. Линдбломом. Но в законченной и систематизированной форме она была реализована Э. Доунсом, который отказался от проводившегося неоклассиками разграничения между "нейтральным политическим интересом" и "своекорыстным экономическим расчетом", рассматривая и политику как своекорыстное предприятие. По его мнению, политики стремятся быть избранными, чтобы реализовать собственные линии, а избиратели голосуют, чтобы политики отстаивали их интересы. Результатом является обмен определенной политики на голоса. Политики обещают и проводят такую политику, которая максимизирует количество голосов избирателей (4). Такой подход неоклассиков обусловлен их приверженностью идее, согласно которой "класс мелких бизнесменов представляет собой универсальный класс, все мы являемся мелкими бизнесменами, живущими в бесклассовом обществе" (3, с. 72).

Подобным образом приверженцы неоклассической теории Дж. Хоманс, А. Кун и другие рассматривают межличностные отношения как результат сугубо индивидуальных решений, основанных на принципе максимизации личной пользы. Распространение неоклассического подхода на сферу политики и межличностных отношений объясняется его претензиями на универсальность. Утверждается, что если все люди всегда стремятся к максимизации своей пользы, то

они поступят именно так не только в бизнесе, но также в политике, межличностных отношениях и науке. По мнению неоклассиков, организацию науки следует основывать на принципах свободной конкуренции и свободного рынка, в соответствии с которыми знания продаются студентам или другим потребителям по взаимоприемлемой цене.

Попытки использовать неоклассический подход в этих сферах особенно отчетливо обнаружили его недостатки. В нем особенно сильным искажением подвергается система власти, которая анализируется отдельно от экономики и преимущественно как инструмент вмешательства в индивидуальную свободу. Поэтому сторонники неоклассической теории не способны сформулировать адекватную теорию общества, а могут лишь указать на некоторые его внешние элементы, а именно, привычку подчиняться закону, социализацию, консенсус в отношении ценностей и т. д. При этом они упускают из виду, что общество представляет собой необходимую предпосылку для успешного функционирования как рынка, так и нерыночных действий людей. Игнорируя этот кардинальный факт, многие буржуазные политологи правой ориентации превозносят достоинства принципов свободно рыночных отношений и неограниченного индивидуализма. В своих работах они пытаются подвести социально-философскую и морально-этическую базу под капитализм и его ценности. Особенно настойчиво такая цель преследуется в работах идеологов, политологов, политэкономистов право-консервативной ориентации, представляющих социально-философские и идейно-политические позиции. "Новых правых", - коалиции разнородных группировок, вышедших на политическую авансцену во второй половине 70-х - начале 80-х годов. Типичный пример такого рода работ дает книга Дж. Джилдера. По его словам, "капитализм, как и семья, это не такое явление, которое может устареть или исчезнуть". (7, с. 6). В условиях, когда растут численность населения и потребности людей, увеличиваются сложность и многообразие форм жизни, стремительно развивается технология, утверждает он, любая нация способна выжить лишь в рамках капитализма, который обеспечивает разнообразие

форм контроля над материальными ресурсами и свободу реализации возможностей отдельного индивида (7, с. 6).. Максима "успех одних - это также успех каждого отдельно взятого человека", по мнению Джилдера, является "золотым правилом экономики, ключом к миру и процветанию, источником всех благ прогресса" (7, с. 8). В этом плане, считает он, вообще не правомерно говорить о несправедливом распределении материальных благ в обществе. По его словам, рассуждения вроде "верхние 2% всех семей владеют 44% всех... богатств, а нижние 22% ничем не владеют" призваны обосновать "новый миф о статичной Америке" (7, с. 10-11).

Подобно большинству "новых правых" идеологов, Джилдер пытается объяснить американскую общественно-политическую систему в терминах так называемого закона Сэя, сформулированного известным швейцарским политэкономистом XIX в. Ж.-Б. Сэем, согласно которому "предложение создает свой собственный спрос". Суть капитализма, по этому закону, состоит в том, что он сначала инвестиций дает обществу предложение, а уже потом общество, покупая продукты производства, возвращает ему вложенные им средства. Другими словами, спрос имплицитно присутствует в предложении. В капиталистическом обществе, утверждает Джилдер, как рабочий, так и капиталист, получают столько, сколько они способны предложить своего труда и производить. Когда спрос отрывается от предложения, когда люди стремятся покупать больше, чем они могут производить, а государство через программу социальной помощи финансирует спрос, не обеспеченный производительным трудом, уделом общества становится инфляция, ограничение возможностей создания рабочих мест и подрыв самой экономической системы (7, с. 67).

Закон Сэя Джилдер возводит в ранг всеобщего закона, действующего во всех сферах общественной жизни. По его словам, источником общественного развития является принцип предложения. Например, общественное мнение, как его зачастую понимают, вообще не существует. Опросы общественного мнения, проводимые политиками, создают об-

шественное мнение по своему собственному усмотрению. Политические лидеры не просто пассивно реагируют на настроения и потребности публики, а активно внедряют в массы угодные себе идеи и настроения и "создают свои собственные **большинства**" (7, с. 29).

По Джилдеру, "любая система социальной помощи фактически расширяет и увековечивает бедность", отнимая у бедняка стимул к упорному труду и к социальной мобильности вверх (7, с. 122). Сама идея дискриминации и расизма, лежащая в основе социальной помощи, говорит автор, — это фальшивая идея, в действительности же за последние десятилетия расизм и дискриминация в Америке потеряли значимость (7, с. 127). Как считает Джилдер, для решения проблем бедности необходимо прежде всего отбросить саму идею ликвидации неравенства посредством политики перераспределения доходов. По его мнению, успехи общества в достижении равных экономических возможностей не сокращают, а, наоборот, расширяют разобщение между классами: "интеграция (рас и классов) и равные возможности по своей внутренней сути конфликтующие цели". Поэтому в средневековой Англии или на рабовладельческом Юге США в XIX в. классы были ближе друг к другу, чем в современной Америке (7, с. 90). Подобными доводами Джилдер пытается обосновывать тезис, согласно которому решение проблемы бедности в Америке следует искать не на путях ликвидации классовых различий и социального неравенства, а культивирования у людей приверженности труду, семье и вере. Ключевая цель всей политики, направленной на ликвидацию бедности, по его мнению, должна состоять в предоставлении мужчинам возможности получать доходы для содержания своих семей, посредством поощрения частных инвестиций при одновременной ликвидации рабочих мест, созданных правительственными программами. Особенно опасна в данном плане, по Джилдеру, предлагаемая либералами программа "гарантированной занятости для всех" (7, с. 152-153).

Главная ошибка либералов, по Джилдеру, состоит в том, что, выступая за быстрый экономический рост и перерас-

пределение материальных благ, они желают богатства без богачей. Однако, говорит он, "реальное богатство берет свое начало в умах отдельных индивидов", которых невозможно контролировать и направлять по заранее составленному плану. Жизнеспособное общество базируется на людях, способных брать на себя риск, создавать новые предприятия, получать огромные прибыли и снова инвестировать их. Поэтому большинство либеральных политиков, враждебно настроенных к богачам, являются "реакционными защитниками старой плутократии против сил нового и прогресса". Будущее американского капитализма зависит от изъятия власти у этих реакционеров и передачи ее приверженцам всего нового и прогресса в лице богачей, утверждает Джилдер (7, с. 246).

Однако, говорит Джилдер, это отнюдь не значит, что в Америке должно господствовать материалистическое начало. Поскольку экономика управляется идеями, она "отражает не законы материи, а законы сознания. А один из ключевых законов сознания гласит, что вера предшествует сознанию" (7, с. 261). Причем любая творческая мысль носит религиозный характер и является "продуктом веры и убеждения". основополагающими элементами творческой мысли являются "вера, любовь, открытость, конфликт и способность к фальсификации". В условиях капитализма, основанном на законе предложения Сэя, эти элементы проявляются как "вера, альтруизм, инвестирование, конкуренция и банкротство" (7, с. 265).

Другими словами, Джилдер пытается убедить читателя в том, что капитализм представляет собой самую совершенную систему, в силу того, что он основан на принципах индивидуализма, свободно-рыночных отношений и свободной конкуренции, принципов, соответствующих законам сознания. В особенно крайних формах эти и другие консервативные идеи проповедуются приверженцами так называемого либертаризма - идейно-политического течения правого толка, получившего довольно большую популярность в США в последние годы. Либертаристские идеи благосклонно воспринимаются на правом крыле республиканской пар-

тии, и ряд ведущих деятелей нынешней американской администрации считают себя приверженцами либертаризма. Хотя в целом политические воззрения либертариистов носят экстремистский характер, и они вряд ли смогут достичь сколько-нибудь заметного успеха в политическом плане, в условиях неуклонного расширения доли государства либертариотские идеи могут оказать довольно сильное влияние на общественные настроения.

Либертаризм представляет собой довольно разнородное и аморфное течение, в котором уживаются экономисты, социологи, политологи, придерживающиеся самых разных воззрений и убеждений. С точки зрения понимания идейно-политических воззрений современного американского либертаризма большой интерес представляют работы сотрудника университетского колледжа в Бэкинге (Англия) Н. Барри, известного французского буржуазного исследователя А. Арвана, труды ведущих его представителей Р. Нозика, М. Ротбарда, А. Рэнд, Т. Таксила, Р. Ринджера и др. Судя по этим работам, в американском либертаризме можно выделить несколько течений. Это — "чикагская" школа политэкономистов, ассоциируемая с М. Фридманом и его последователями; "австрийская" школа, которая была создана К. Менгером (1840–1921) и дальше развита Визером, Бём-Баверком, Л. Фон Мизесом и Ф. Фон Хайеком; и "вирджинская" школа, основанная Дж. Бьюкененом и Г. Теллоком. Если "чикагская" и "австрийская" школы занимались главным образом экономическими проблемами, то представители "вирджинской" школы применили индивидуалистические методы микроэкономического анализа при изучении поведения государственных служащих, а также политических и общественных организаций.

"Чикагская" школа. Представители этой школы убеждены в том, что поскольку в обществе определенные процессы и события периодически повторяются, то они управляются причинно-следственными законами. Однако в целом соглашаясь с этим постулатом, две главные школы экономического либертаризма — "чикагская" и "австрийская" — существенно расходятся в трактовке проблемы причинности в об-

шественных вопросах, "Чикагская" школа придерживается последовательно позитивистских, в духе О. Конта, позиций. Ее приверженцы, согласно Н. Барри, принимают не только проведение четкого разграничения между фактом и ценностью, но и "довольно сомнительное метафизическое предположение о том, что за исключением математических и формально-логических тавтологий единственные значимые утверждения — это те, которые построены на наблюдении" (2, с. 95-96). В их интерпретации социальной науки твердый "объективный" факт занимает определяющее место в качестве арбитра в решении всех спорных вопросов. Такой подход, по словам Барри, включает разграничение емежду аналитическим и синтетическим элементами, характерное для логического позитивизма: "законы" социального поведения суть обобщения, основанные на опыте, а само сознание неспособно создавать новое теоретическое знание о мире". Любое теоретическое знание, полученное не из опыта, представляет собой чистую тавтологию, и поэтому не способно передавать эмпирическое знание. Периодически повторяющиеся в обществе явления должны существовать в реальности и не могут быть продуктом сознания, направляющего эту реальность (2, с. 96).

Аргументы "чикагской" школы против принципа коллективизма основываются на том, что действия по вмешательству государства в экономику или другие сферы общественной жизни никогда не достигали своих целей, что социализм потерпел неудачу, пытаясь воплотить в жизнь сформулированные им всеобщие законы о человеческом поведении. Но поскольку эти законы сформулированы методом индукции, неудачи вызваны непредвидимыми факторами и при иных обстоятельствах не обязательно могут иметь место. Например, законы о минимальной заработной плате, фиксируя цену за труд выше его рыночной клиринговой цены, всегда вызывают безработицу. Или же инфляция, которая способна в течение короткого периода поднять занятость, в долгосрочной перспективе вызывает еще большую безработицу и т. д.

В этическом плане приверженцы "чикагской" школы также являются позитивистами. По их мнению, моральные категории невозможно обосновать рационально и по своей сущности они носят субъективный характер. Исходя из этого приверженцы "чикагской" школы утверждают, что возражения против государства должны принять форму расчленения политических споров на разногласия, которые можно разрешить методами эмпирической науки" (2, с. 96).

Очевидно, что стремление представителей "чикагской" школы принимать только "голые факты" и то, что поддается точному измерению, ведет к игнорированию важнейших социальных факторов, которые зачастую нельзя свести к эмпирически измеряемым величинам, к гипертрофированию значения и роли чисто экономических факторов.

"Австрийская" школа. Сторонники "австрийской" школы придерживаются методологии, которая прямо противоположна методологии "чикагской" школы. В отличие от представителей "чикагской" школы, которые начинают исследование с наблюдения, "австрийская" школа начинает с "интроспекции". Отказываясь рассматривать человека как некий автомат, действия которого являются результатом простой реакции на внешние стимулы, представители "австрийской" школы считают человеческое сознание творческим источником социальных явлений. В методологическом плане представители "австрийской" школы являются последовательными индивидуалистами. По их мнению действуют, думают, потребляют, инвестируют не такие абстрактные образования, как "классы", "государства" или "общества", а отдельные индивиды. Целеполагающий и действующий человек является важным агентом всех событий, происходящих в обществе. Существуют "естественные" законы, которые рано или поздно обязательно проявят себя, хотя люди и могут в течение определенного ограниченного периода времени сопротивляться им. Именно исходя из этого постулата, представители "австрийской" школы отвергают принцип государственного вмешательства в экономику и другие сферы общественной жизни (2, с. 98).

В австрийской теории присутствует "сильный элемент кантианства", согласно которому сознание по необходимости

конструирует верные теоремы, упорядочивающие и систематизирующие данные, хаотичные и беспорядочные в иных условиях.

Поскольку теоремы экономической науки содержат в себе необходимые истины о мире, то "различия между аналитическими и синтетическими утверждениями подрываются" (2, с. 98). Если так, то "экономические теоремы нельзя отвергать с помощью "доказательства" (2, с. 98). Например, если бы за падением цен последовало падение спроса, то это не отвергало бы закон спроса, а означало, что изменились вкусы потребителей. Либерализм представляет собой "просто прикладную экономическую науку, поскольку он описывает теоретически те институциональные рамки, которые необходимы для человека, чтобы справиться с ограничениями, управляющими действиями людей. Поэтому уничтожение частной собственности нарушает рыночную систему, препятствует нормальному разделению труда и т. д., он разрушает средства, крайне необходимые для достижения счастья и процветания. Замена экономической свободы политическим руководством и предоставление привилегий отдельным группам, включая профсоюзы, подрывают "те механизмы, которые ведут к гармонизации индивидуальных действий на благо общества" (2, с. 99).

Исходя из подобных установок, Ф. фон Хайек утверждает, что в свободном обществе невозможно реализовать требования социальной справедливости. По его мнению, социальная справедливость состоит не только в предоставлении людям того, что они рассматривают как право, но также в том, чтобы предоставить положенную им долю дохода. При этом Хайек указывает, что в рыночной экономической системе распределение доходов основывается не на принципе "заслуг", а на учете того, в какой мере отдельный индивид реагирует на "спрос потребителя", уважая общие законы прав и собственности. Стремление же распределять доходы на основе принципа "заслуг" обязало бы правительство или какую-либо другую власть выработать собственные критерии для финансирования "социальной справедливости". Это привело бы к жесткой экономической сис-

теме, "которая бы потеряла все способности адаптироваться к изменениям" (1, с. 127).

У сторонников "австрийской" школы преимущественно инструменталистский подход к индивидуальной свободе. Особенно выпукло такой подход сформулирован Т. Соуэллом, который считает, что свобода - это не просто индивидуальное право, а инструмент для достижения благосостояния других (анонимного общества). Если индивидуальная свобода существует для служения свободному и процветающему обществу, то единственное ее оправдание лежит в том, что она служит достижению социального порядка (22). Для этого варианта либертаризма, который сформировался главным образом в рамках экономической науки, характерно игнорирование моральных аспектов свободы. Как отмечает Барри, это объясняется тем, что "чикагская" и "австрийская" школы, несмотря на их очевидные методологические различия, в сфере этики придерживаются субъективистских позиций. Так, Л. фон Мизес откровенно отвергая концепцию естественных прав, считал, что именно "технология", т. е. описание объективных средств, приводит к общим субъективным целям. Если у Мизеса и была какая-либо "нормативная моральная философия", то это был утилитаризм. Например, главным критерием справедливости он считал ее способность "сохранить социальное сотрудничество". По его мнению, "социальная полезность" - единственный измеритель справедливости. Эгоизм, утверждал Мизес, ведет к "долгосрочной полезности", что касается "этики самопожертвования, то она не просто иррациональна, но и вредна". Либерализм не требует самопожертвования для достижения общественного блага (2, с. 100).

"Вирджинская" школа. Важным аспектом либертариистской социальной науки является анализ общественных институтов. Причем, этот анализ имеет как научный, так и нормативный аспекты. Научный аспект состоит в приложении "индивидуалистических инструментов микроэкономического анализа к поведению государственных служащих", а нормативный аспект предлагает пути, которыми существующие общественные институты можно перестроить таким образом,

чтобы они могли более адекватно отражать индивидуальные интересы (2, с. 101-102). Основной вклад в разработку этого подхода внесли Дж. Бьюкенен, Г. Тэллок и другие члены "школы публичного выбора", созданной при Вирджинском политехническом институте. Как показывает Дайзинг, представители этой школы для объяснения политической системы широко используют неоклассические модели. По их мнению, политическая арена не может сколь угодно существенно отличаться от экономической сферы, поскольку функционирование обеих зависит от индивидуальных решений. Рациональный индивид расходует свои деньги на рынке и подает свой голос на политической арене в соответствии с "маржинальным расчетом" (3, с. 7). Они разделяют многие позиции с экономистами "австрийской" школы, но в одном пункте между ними существуют глубокие различия. Так, сторонники "вирджинской" школы отвергают идею, согласно которой законы и институты, регулирующие свободно-рыночную экономику, формируются спонтанно сами по себе. Для их построений характерен довольно острый элемент рационализма: они подчеркивают необходимость создания соответствующих институтов и договорную основу правительства. Либерализм "вирджинской" школы состоит в основном в ее глубоко индивидуалистском подходе к общественным явлениям. Так, частная собственность, рыночная экономика и капиталистическая система приемлемы в том случае, если они возникли как результат субъективного выбора составляющих общество индивидов. Различные проявления "добра" и "зла" являются формами субъективного опыта отдельных индивидов, а "коллективные органические организмы, называемые "обществом" или общественностью, не существуют. Этика - это не что иное, как "единодушие". Она не включает такие понятия, как "общие блага", "общественный интерес" и т. д. Процедуры принятия политических решений оправданы в той мере, в какой они воспроизводят "единодушие рынка в какой-либо институциональной форме" (2, с. 102).

"Вирджинская" школа отвергает коллективные действия для решения общественных проблем, поскольку характерный

для нее индивидуализм и субъективизм отрицают, что такие действия служат делу действительного усовершенствования общества. Политическая философия "вирджинской" школы наиболее последовательно сформулирована в работах Дж. Бьюкенена. Его интересуют прежде всего институты которые "отражают индивидуальные интересы более адекватно, чем ортодоксальная демократия". В рамках всеобщей избирательной системы конкуренция за голоса поощряет образование коалиции меньшинств, которые нарушают права собственности отдельных индивидов. При обосновании прав собственности Бьюкенен, как и представители "австрийской" школы, избегает упоминаний моральных принципов. Он оправдывает необходимость ограничения правительства не ссылками на какие-либо моральные соображения, а доводами о том, что правительство не может быть эффективным средством решения социальных проблем. Рынок приемлем потому, что он представляет собой процесс добровольных обменов, при котором будто ни одному человеку не наносится ущерба. Подобными доводами "вирджинцы" отвергают какие бы то ни было социальные и экономические изменения и обосновывают необходимость сохранения существующих порядков.

Далее определяется так называемый "гуманистический" и "этический" либертаризм. Этот вариант либертаризма в академических кругах получил признание лишь после работ Р. Нозика, хотя доктрина естественного права, на которой он основывается, занимает важное место в истории политической мысли. Нозик близки позиции сторонницы либертаризма, известной писательницы и философа Э. Рэнд, которая обосновывает и защищает "этику капитализма" и концепцию "минимального государства".

Этический либертаризм ставит своей задачей формулирование "моральной философии", в которой индивид не предназначен служить для выполнения какой-либо социальной и экономической цели. Наглядный пример отказа от чисто экономического оправдания капитализма как раз и дают многочисленные работы Э. Рэнд, пытавшейся обосновать

мысль о том, что в истории человечества капитализм стал единственной системой, способной обеспечить свободу и неприкосновенность индивида, его права на собственность и свою жизнь. Единственная задача любого государства, подчеркивала она, должна состоять в том, чтобы защищать свободу и право отдельного индивида от физического насилия. За пределами этой задачи государство теряет всякий смысл. Изображая американских бизнесменов как своего рода суперменов, способных справиться со всеми проблемами, возникающими перед обществом, Рэнд настойчиво подчеркивала достоинства "экономической власти" перед "политической властью". Если, говорила она, экономическая власть осуществляется позитивными средствами, предлагающими вознаграждение, стимул, плату, ценность, то "политическая власть осуществляется негативными средствами, поскольку она прибегает к угрозе наказания, штрафов, заключения в тюрьму и смерти. Инструмент бизнесмена - это ценность, а инструмент бюрократа - страх" (цит. по: 1, с. 101). Как считает Рэнд, "моральное оправдание капитализма зиждется на том факте, что это единственная система, соответствующая рациональной природе человека" и основанная на принципе справедливости. Для Рэнд чисто экономический подход, если даже он утверждает дееспособность капиталистической системы, неприемлем, если он не основывается "на разуме, знании, правах и природе человека" (цит. по: 2, с. 105). Одной из важных особенностей различных "эгоистических этических доктрин является отказ от принципа альтруизма". Доктрина, которая определяет этику исключительно в терминах долга и предписывает отдельному индивиду подавить свои желания и принести свои интересы в жертву интересам общества, начисто отвергается приверженцами эгоизма, считающими, что она санкционирует наиболее насильственные аспекты государства. Доктрина эгоизма была очень уязвима в том отношении, что, ее наиболее популярная и грубая версия противоречила самой себе. В настоящее время общепризнано, что невозможно сформулировать, избегая противоречия, личный этический эгоизм, доктрину, согласно которой каждый дол-

жен служить моему интересу. В универсализованном виде она предполагает, что В должен служить интересам А, а А должен служить интересам В. Но интересы и А и В не могут быть одинаково решающими. Однако эту доктрину в наши дни представляют как "безличный этический х эгоизм", согласно которому каждый человек должен преследовать свой собственный интерес. Такой тезис можно легко универсализировать. Это моральный принцип, поскольку он предписывает отдельному индивиду не препятствовать другому индивиду также преследовать свой интерес, примириться с существованием неотъемлемых прав других и принять "структуру моральных правил". Этот "сдержанный эгоизм" составляет основное содержание работ Рэнд (цит. по: 2, с. 106).

Согласно Рэнд, перед отдельным индивиду в обществе открываются два пути выживания: во-первых, путь производительного труда и, во-вторых, паразитизм. Все варианты социализма и стейтизма предполагают паразитизм, поскольку они основываются на принципе, согласно которому доходы, созданные одними индивидами, распределяются в соответствии с определенной "социальной" целью в пользу других людей, не занимающихся производительным трудом. Другими словами, если руководствоваться доктринами социализма и стейтизма, то отдельный индивид должен строить свою жизнь в соответствии с моралью, которая дает приоритет интересам и потребностям других. По Рэнд, капитализм оправдан не потому, что реализация эгоистических интересов отдельных индивидов ведет к совершенному обществу, а потому, что это единственная система, дающая возможность реализовать индивидуальные ценности. Эгоист, признавая права других людей, избегает насилия в пользу взаимобмена. Он признает правительство, но до тех пор, пока оно не ограничивает его действия. Как и у других либертариистских теоретиков, справедливость в области права собственности является "функцией моральной теории относительно того, как эта собственность приобретена", а не "функцией какого-либо общественного соглашения". По мнению Рэнд, право собственности — это производное от права на жизнь. Собственность — необходимое условия для

самого выживания человека. Поскольку человек создает собственность своим собственным трудом, то лишение его этого права, даже с ссылкой на какую бы то ни было социальную цель, означает одно: принесение индивидом в жертву собственных ценностей ради других людей.

Как правильно отмечает Н. Барри, в позициях Рэнд присутствуют отдельные элементы, которые в определенных условиях могут способствовать перерождению ее социальной философии в своеобразную форму стейтизма. В подтверждение этого тезиса Барри приводит два примера: Рэнд решительно поддерживала войну во Вьетнаме и космическую программу правительства США. Такие позиции являлись следствием того факта, что "ее мораль представляла собой не просто философию свободы, но и в крайней степени рационалистическую концепцию хорошей жизни, которая провозглашает определенные позитивные ценности" (2, с. 109). Она не приписывает решающего значения субъективному выбору каждого индивида. Признание той или иной роли за государством предполагает признание необходимости ее расширения при определенных условиях. Это противоречит принципам либертариизма, хотя и продолжает соответствовать телеологическим аспектам ее этики.

Нозик в упомянутой книге основное внимание концентрирует на разработке одного из главных принципов либертариизма, согласно которому интересы и ценности ни одного отдельно взятого индивида не могут быть принесены в жертву интересам и ценностям другого человека или какой-либо коллективной цели. Особенно бросаются в глаза нападки Нозика на принципы социальной справедливости и марксистские концепции эксплуатации, а также его тезис о том, что процесс рыночного обмена занимает нейтральное положение между капитализмом и социализмом. К тому же ударение, которое Нозик делает на нерушимости прав и самостоятельности отдельных индивидов, гарантирует его либертариизм от того, чтобы впасть в хайковский вариант консерватизма. Моральная философия Нозика представлена как доктрина, в которой наличие определенных ограничений на действия детерминирует то, что люди могут и не

могут делать в отношении друг друга: а именно то, что люди не вправе использовать силу и обман во взаимоотношениях между собой. Таким образом, люди наделены правами, которые функционируют в качестве линий ограничения вокруг отдельного индивида. Однако эти права не выводятся из метафизической концепции естественного права или из теории природы человека, а просто утверждаются в качестве средства защиты против потенциальной агрессии не зависимо от вопроса о целях человека. Таким способом Нозик возражает против взгляда о том, что известные доводы об автономности, рациональности и свободе воли отдельного индивида достаточны для формулирования концепции личности как обладателя прав. Он придерживается концепции личности, которая переходит границы рациональности, свободной воли и выбора и включает в качестве дополнительного элемента "способность регулировать и направлять ее жизнь в соответствии с некоторой всеохватывающей концепцией, которую они выбирают" (2, с. 111).

Теория справедливости Нозика полностью зиждется на индивидуалистической теории собственности, которая препятствует отделению различных форм собственности и утверждает, исключительное использование собственности лицом, которому она по праву принадлежит. Притязание на что-нибудь нельзя оправдать каким-либо внешним моральным критерием, поскольку использование любого социального принципа означало бы нарушение индивидуальных прав. Наиболее важное место в воззрениях Нозика, как и других либертариистов, занимает вопрос о государстве. Согласно Нозику, из естественного состояния, характеризующегося наличием "конкурирующих агентств защиты", которых отдельные индивиды могут свободно выбирать или покинуть, возникает своего рода "естественная монополия, которая является результатом спонтанного процесса, а не силы - доминирующее агентство превращается в "ультраминимальное государство", поскольку оно не претендует на какие-либо дополнительные права сверх тех, которыми обладает каждый индивид в естественном состоянии. "Доминирующее агентство защиты" возникает в качестве де-факто монопо-

лии вследствие особого характера защиты системы. Однако поскольку существование ультраминимального государства зависит от запрещения частной системы защиты, то его возникновение оказывается результатом преднамеренных действий. Ультраминимальное государство превращается в минимальное государство, оказывающее защиту всем людям, которые в ином случае стали бы искать другие формы самозащиты. "Минимальное государство у Нозика то же самое, что и "государство - ночной сторож" в классической либеральной теории (2, с. 113).

Наиболее крайней формой либертариизма является анархо-капитализм. Как указывает Барри, "более консервативные версии либертариизма" в определенных условиях признают законность действий государства, если они оправданы соображениями эффективности и соответствуют принципам справедливости. Например, отвергая прогрессивное налогообложение на том основании, что оно носит дискриминационный характер в отношении более состоятельных слоев населения, сторонники консервативных вариантов либертариизма допускают те или иные формы налогообложения, если они отвечают критериям справедливости. Анархо-капиталисты не отвергают государство в какой бы то ни было форме.

Развернутый анализ анархо-капиталистической версии либертариизма дается в книге известного французского исследователя А. Арвона и в статье Н. Барри. Вплоть до 1969 г. либертаристы были тесно связаны с теми силами, которые составляли ультраконсервативное крыло республиканской партии. Для них борьба против государства перешла быть одним из аспектов антиавторитаризма в целом, который отвергал любые внешние ограничения, с какой бы стороны они ни исходили. Борьба приняла форму тотального отказа от любой возможности исправить капитализм какими бы то ни было формами политического вмешательства". Поставив перед собой задачу защищать экономическую систему, всецело основанную на принципах *laissez faire* либертаристы стали рассматривать любые меры государственного вмешательства как "заговор международного коммунизма". Новый стимул активизации правых либертаристов дал моральный и полити-

ческий кризис конца 60-х годов, порожденный вьетнамской войной. Заимствовав некоторые антистейтстские идеи "новых левых", либертариизм превратился в самостоятельное политическое и идеологическое движение. В этом плане показательны взгляды Дж. Таксита, предпринимавшего попытку примирить в соединить правое и левое течения либертариизма, течения, благосклонно относящиеся к капитализму, и течения, поддерживающие социалистические принципы.

Для утверждения автономии либертариисты стали в определенной степени игнорировать идеологическую линию, которая традиционно разделяла правых и левых. Правые элементы в либертариизме воодушевляются идеями Э. Рэнда, а левые — идеями "новых левых", которые вели борьбу против вьетнамской войны и в защиту гражданских свобод. Связующим звеном для всех либертариистов является защита индивида против государства. Признавая за каждым человеком право строить свою жизнь так, как он считает нужным, но в той мере, в какой его действия не оставляют угрозу для других членов общества, они отвергают все формы индивидуального или коллективного, законного или незаконного принуждения. Они против законов, запрещающих употребление наркотиков, азартные игры, порнографию, они против системы социальной помощи государства. Другими словами, выступая за "суверенитет индивида", либертариисты по сути дела основываются на индивидуалистском анархизме XIX в.

Либертаристская доктрина представляет собой попытку разработать аргументы в пользу восстановления капиталистической системы в форме "анархо-капитализма", т. е. капитализма, основанного на принципах *laissez faire* и являющегося антиподом "государственного социализма". Как считают либертариисты, государство основывается на насилии. Средства принуждения, создаваемые государством и используемые им по своему усмотрению, дают ему возможность установить систему эксплуатации и рабства. Такая интерпретация государства, как отмечает Арвон, сформировалась задолго до появления на исторической арене анар-

хистов и либертаристов. Еще средневековый арабский философ Ибн Халдун проиллюстрировал эту доктрину, показав, что арабские завоевания привели к образованию государства. В XVI в. французские историки приписывали образование французского государства завоеванию франков, а в XVIII в. английские историки — образованию Англии нормандскому завоеванию.

Что касается либертаристов, то они опираются в основном на взгляды Ф. Оппенгеймера, который утверждал, что существуют лишь два средства обогащения, исключаящие друг друга, — "метод производства и добровольного обмена или метод свободного рынка, которые он называет "экономическими средствами", и метод грабежа с помощью насилия, который он называет "политическим средством". Для Оппенгеймера государство представляет собой "политические средства" (цит. по: 1, с. 109).

Эта идея была дальше развита в книге одного из самых влиятельных правых либертаристов А. Дж. Нока "Наш враг — государство" (1928). Из современных либертариотов она нашла детальную разработку в работах М. Ротбарда, Д. Фридмена и др. Считая, что минимальное правительство неизбежно проявляет тенденцию к расширению до тех пор, пока оно не закрепостит все общество, нынешние американские либертариисты выступают за "чистый и простой анархизм". Для них антистейтизм означает отсутствие политической власти в какой бы то ни было форме. Поэтому либертариисты сделали центральным пунктом своей философии безусловную защиту свободного рынка. По их мнению, все зло, все недостатки современного общества — это результат не крайностей капитализма, а произвольных ограничений, налагаемых политической властью на рынок, который не может эффективно функционировать до тех пор, пока он не будет подчиняться собственным законам. Либертариисты решительно дистанцируются от консерваторов, полностью отвергая государство, Консерватизм выступает против вмешательства государства в экономическую сферу, но признает за ним функции сохранения порядка. Он против интервенционистского государства, но за государство в качестве поли-

цейского. Либертаризм же отрицает всякое государство. Он считает, что полиция, справедливость и другие общественные институты могут функционировать, руководствуясь рыночными законами.

Острой критике подвергают либертариисты вмешательство государства в социальную сферу. По их мнению, действия правительства США в этой сфере не только не разрешили проблемы социального неравенства, но, наоборот, увеличили неравенство и привели к сокращению производительности труда, которая является единственным средством роста экономики и повышения уровня жизни. Либертариисты отвергают все социальные программы государства, полагая, что они воспитывают в трудящихся иждивенческие настроения, лень, нежелание трудиться в полную силу и т. д. Производительность труда, утверждают они, можно развить лишь в рамках свободно-рыночных отношений в процессе реализации принципов свободной конкуренции. В этом плане за их спиной проглядывается тень Э. Карнета, который был горячим приверженцем социал-дарвинистской идеи выживания наиболее приспособленных в конкурентной борьбе за место в жизни. Особенно развернуто позиции анархо-капитализма по важнейшим социально-философским и идейно-политическим вопросам изложены в работах Р. Ринджера, М. Ротбарда и др. Лейтмотивом этих работ является апология буржуазного индивидуализма в его самых крайних формах. По словам, например, Ринджера, индивидуальная свобода, которая выше всех целей, составляет основу "естественного права", не подвластного никаким человеческим законам. Независимо от каких бы то ни было моральных или гуманистических соображений, утверждает Ринджер, средства достижения любой цели аморальны, если эта цель "требует нарушения прав хотя бы одного человека" (19, с. 14). Как утверждает Ротбард, наиболее последовательно индивидуальная свобода реализуется в условиях капитализма, основанного на принципах ничем не ограниченной конкуренции. По его словам, капиталист — это человек, который упорно трудился, накопил средства, ограничивая свое потребление, и в процессе целой серии добровольных соглашений приобрел

права собственности на капитал и заплатил рабочим за их услуги в трансформировании этого капитала в товары. При этом никто не мешал самим рабочим делать накопления, приобретать капитал и пустить его в собственное дело. Капитализм, говорит Ротбард, в чистом виде или "свободный рынок представляет собой систему добровольных и поэтому взаимовыгодных актов обмена прав собственности между специализированными производителями." "Это "режим чистой свободы - либертариотское общество", в котором человек пользуется абсолютной свободой, его права собственности не "распределяются" государством или какой-либо другой внешней силой (20, с. 40). Как утверждает Ротбард, человек может пользоваться свободой только в том случае, если признается неприкосновенность его права собственника. Либертариист берет за исходную основу тезис, согласно которому "не обязательно терять абсолютную свободу в качестве цены, необходимой платы за появление цивилизации, ибо все люди рождены свободными и ни при каких условиях не нуждаются в цепях" (20, с. 41). По словам Ротбарда, любая концепция прав имеет смысл только как "право собственности", поскольку любое право теряет свой "абсолютный характер", если в его основе не лежит право собственности. Например, человек, обладает не просто "правом на свободу слова", а "правом нанять какой-нибудь зал" и обратиться к собравшейся публике, не "правом на свободу печати", а "правом написать или опубликовать памфлет и продать этот памфлет, тому, кто желает его купить". Таким образом, говорит Ротбард, в каждом из этих случаев речь прежде всего идет о праве собственности (20, с. 113-114). Ротбард проводит резкое разграничение между моральной и политической философией. Политическая философия формулирует норму справедливости, правила владения собственностью и т. д., которые можно заставить соблюдать, в то время как мораль занимается тем, как мы должны жить. В этом плане принуждение придерживаться моральных ценностей было бы аморальным актом. Анархо-капиталист может признать аморальность шантажа, употребления наркотиков и порнографии, но тем не менее он против

того, чтобы сделать их объектами права. Последнее же сопряжено с вмешательством в личную свободу и права собственности других. Исходя из этих позиций, либертариисты подвергают развернутой критике всю систему государственно-монополистического регулирования и особенно буржуазно-либеральное государство благосостояния: в США в этом плане они идут значительно дальше представителей других направлений консерватизма. По словам, например, Ринджера, само понятие "всеобщее благосостояние" бессмысленно, ибо то, что является благом для одного, может быть злом для другого. "В таком случае отремление обеспечить всеобщее благосостояние оборачивается нарушением естественных прав одних людей, чтобы удовлетворить желание других людей", (19, с. 174). Исходя из подобных посылок, Ринджер отвергает правительственный контроль над заработной платой, ценами, в сфере экономики в целом. По его словам, "регулирование бизнеса... способствовало разрушению жизненного нерва американской мечты - свободного предпринимательства" (19, с. 145). Причем, утверждает автор, "регулирование бизнеса более всего бьет по бедным", лишая их средств и возможностей противостоять репрессивному правительственному регулированию и отстаивать свое право начать собственный бизнес". "Американская мечта, которая отчасти символизировалась свободой начать мелкий бизнес с небольшими средствами, стала для такого человека мифом", - говорит Ринджер" (19, с. 170).

В отличие от тех буржуазных идеологов, которые пытаются представить буржуазную демократию как самую совершенную форму правления, либертариисты ставят одной из своих главных целей развенчание важнейших постулатов буржуазного демократизма как антипода человеческой свободы. По словам Ринджера, при всех различиях по форме все правительства в истории человечества в той или иной форме носят "тоталитарный и авторитарный характер", поскольку их цель всего состояла и состоит в ограничении свободы отдельного человека. По самой своей природе, говорит автор, демократическое правительство поощряет "иррациональное

и деструктивное стремление" человека жить за счет других людей. "Демократическое правительство становится инструментом, с помощью которого каждый гражданин пытается жить за счет своего соседа. Достигается это с помощью принципа "правления большинства", которое по словам Ринджера, представляет собой "моральный каннибализм", поскольку-де оно дает право одной группе людей на основании ее численного превосходства "грабить" другую группу просто в силу того, что находятся в меньшинстве (19, с. 32-35). Повторяя избитые положения всякого рода антидемократических концепций, Ринджер утверждает, что с древнейших времен люди во всех обществах разделялись на "высших", "средних", и "низших". По его словам, этот "фундаментальный факт" не может быть изменен никакими действиями правительства, ибо это означало бы изменение самой природы человека, в основе которой лежит неравенство способностей разных людей.

Позиции либертаристов в целом отражают действительные тупики современного государственно-монополистического капитализма, кризисные явления в системе "государства благосостояния", которые в 30-50-х годах разрешив ряд проблем, раздиравших капиталистическую систему, в 60-70-х годах породили новые еще более сложные проблемы, оказавшиеся неразрешимыми для периодически сменявших друг друга у власти администраций республиканцев и демократов. Ринджер и другие либертаристы во многом верно подмечают тот факт, что именно государственное регулирование в условиях государственно-монополистического капитализма, призванное на словах ограничить монополии, зачастую служит важным фактором, стимулирующим дальнейшую концентрацию экономической мощи в руках узкой группы корпораций и монополий. В то же время социальные программы федерального правительства, которые рассматривались правящими кругами страны в качестве универсального средства разрешения всех социально-классовых конфликтов, оказались неэффективными, а в ряде случаев способствовали дальнейшему обострению и утяжелению этих конфликтов. Все это способствовало росту

среди довольно широких слоев населения страны недовольства политикой федерального правительства, умонастроений в пользу пересмотра важнейших механизмов государственно-монополистического регулирования и "государства благосостояния". Подобные умонастроения как раз и служат питательной почвой либертаристских идей. Либертаристы представляют дело таким образом, будто все пороки современного американского общества коренятся в отходе от первоначальных принципов индивидуализма и свободы, сформулированных "отцами - основателями Америки". Они настойчиво проводят мысль о том, что только такие традиционные ценности, как награда за заслуги, упорный труд, опора на собственные силы и т. д., могут обеспечить социальную мобильность, успех и реализацию "американской мечты".

В глазах либертариотов идеальное состояние свободы - это полное отсутствие всякого правительства, поскольку любое государство является антиподом индивида как человека и врагом свободы. Согласно Ротбарду, любая собственность - это "частная" собственность на добровольных началах. Она основана на "продаже товаров и услуг другим людям и таким же образом пополняется сама. Лишь государство приобретает свой доход принудительно через налогообложение, которое представляет собой "принудительный захват собственности" подданных государства, или "кражу" в колоссальных масштабах. По словам Ротбарда, государство - это "огромный механизм институционализированного преступления", "преступная организация". Поэтому, продолжает он, "либертарист является "аболиционистом", выступающим за уничтожение государства" (20, с. 254).

Ра рассматривая общество как простой агрегат, состоящий из автономных индивидов, либертаристы считают совершенным лишь "атомистическое общество", противостоящее государству как враждебная сила. Другими словами, решение всех проблем современного американского общества Ротбард и Ринджер предлагают на путях возврата к прошлому. Они настойчиво пытаются обосновать необходимость возвращения к ововольно-предпринимательскому капитализму XIX в., основанному на принципах свободной конкуренции и неогра-

нической частной инициативе, исключаящих какое бы то ни было вмешательство государства в экономическую и социальную жизнь общества.

Несостоятельность взглядов Ротбарда, Ринджера, равно как и всех либертаристов, состоит прежде всего в непонимании закономерного и исторически неизбежного характера процессов экономического и социально-политического развития. Игнорируя реальности современного мира, Ротбард и Ринджер доводят отрицание роли государства в общественной жизни до крайних форм анархизма. Если в глазах классических либералов "наилучшим" было то правительство, которое "правит как можно меньше", то для нынешних либертаристов "наилучшее" правительство - это правительство, которое вообще не правит. Их не устраивают любые правительства потому, что они, по словам Ротбарда, нарушают "неотчуждаемое право человека на собственность". Поэтому естественно, что индивидуализм либертаристов при всех его рассуждениях о гуманистических ценностях в конечном итоге оборачивается "приобретательским индивидуализмом"; "свободный человек" оборачивается "экономическим человеком", преследующим свой эгоистический материальный интерес за счет интересов и вопреки интересам всего общества. Понимаемая так свобода ведет не к гармонии и автоматическому решению всех проблем, как полагают либертаристы, а к утверждению волчьего закона борьбы всех против всех.

Как убедительно показал еще К. Маркс, развитие индивидуальности человека, реализация его истинно человеческих потенций не может зависеть от владения им собственностью, поскольку человеческая свобода может быть достигнута там, где общественный выбор делается коллективно. Человек фактически теряет свободу, когда рынок ставит свои императивы для индивидуального выбора. Частнособственнические и "свободно" - рыночные отношения по самой природе ведут к неравенству состояний и власти, давая меньшинству возможность лишить свободы неимущее большинство. Другими словами, отождествляя свободу с собственностью, либертаристы по сути дела отрицают свободу

волеизъявления за теми, кто ею не владеет. В то же время противопоставляя государство и частную собственность, либертариисты упускают из виду тот кардинальный факт, что именно социальная дифференциация общества, обусловившая установление частнособственнических отношений между людьми и возникновение социальных классов, привели к возникновению государства. Классики марксизма убедительно показали, что буржуазное государство - не антипод собственности, а гарант ее защиты, инструмент господства имущего меньшинства над неимущим большинством. Именно с помощью государства имущие классы организуются для защиты своих частнособственнических интересов против посягательств со стороны неимущих классов.

§ 2. Социально-философские и идеологические аспекты консервативного подхода в буржуазной политологии

В отличие от большинства праворадикальных течений, часть идеологов "новых правых" отчетливо сознают невозможность возврата к принципам свободного рынка и неограниченной свободной конкуренции и признают за правительством позитивную роль как в социальной, так и экономической сферах. В современную эпоху сдвигов, пишет, например, известный политолог правоконсервативной ориентации, К. Филиппс, нет пути назад, и возвращение к прошлому невозможно.

По словам другого консервативного идеолога Г. Стейна, консерватизму следует уделить гораздо больше внимания определению соответствующих функций правительства и эффективных путей реализации этих функций. Правительство должно осознать, что оно призвано управлять, что у него есть комплекс позитивных обязательств, от которых оно не вправе уклоняться. А коль скоро за правительством признаются установленные законом функции и расходы, тогда следует решить, каковы их границы. С. Франсис, отвергая доктрину *laissez faire*, призывает открыто признать, что идея классического либерализма о государстве как "ночном стороже" представляет собой иллюзию. У. Рашем, противопостав-

ляя себя "экономическим консерватором", придерживающимся принципов *laissez faire*, называет себя "социальным консерватором", выступающим за активную роль правительства в экономической сфере.

В рассматриваемой связи интерес представляет позиция известного политолога консервативной ориентации М. Новака, который пытается синтезировать принципы индивидуализма и стейтизма. По его словам, в настоящее время "общественно-политическая мысль республиканцев становится менее индивидуалистской, более социальной, а общественно-политическая мысль демократов - менее стейтистской и в большей степени настроенной использовать другие общественные институты". По его словам, для правильного понимания американской системы необходимо отказаться от двух популярных ее толкований: во-первых, от концепции, согласно которой Америка представляет собой нацию индивидуалистов; и, во-вторых, от идеи, согласно которой в США господствует свободно-предпринимательская экономика или, наоборот, "смешанная экономика социал-демократического типа" (16, с. 4).

Как утверждает Новак, истинно американская социальная философия основывается на двух совершенно разных постулатах. Во-первых, говорит он, секрет психологии американцев состоит в том, что они по своей натуре не индивидуалисты и не коллективисты; для них характерна склонность к объединению друг с другом. Во-вторых, американская общественная система конституируется из трех автономных, но взаимозависимых институтов, организованных вокруг разных осей и ценностей; политической, экономической и морально-культурной систем. Согласно Новаку, "дуалистическая система мышления", характерная для американцев, заставляет их считать, что человек должен отдать предпочтение либо государству, либо отдельному индивиду, либо экономической, либо политической системе. В действительности же, утверждает он, все три компонента общественной системы США взаимно усиливают и одновременно сдерживают друг друга. Одна из главных целей политической системы состоит в "достижении всеобщего благосостояния", поощрении торговли и промышленности, узаконивании различных

ассоциаций граждан. В свою очередь в легитимизации политической системы важную роль играет экономическая система призванная обеспечивать материальные потребности граждан, давать им возможность удовлетворить эстетические, религиозные и моральные потребности. Согласно Новаку, американскую общественно-политическую систему нельзя считать стейксистской, но в то же время она не основана на принципах *laissez faire*. По его словам, в США с самого начала государство выполняло задачи, крайне важные для развития экономики, но в специфически американском духе. Большей частью государство стремилось не контролировать экономическую деятельность, а обеспечить необходимые для нее инфраструктуры и условия (16, с. 4). Как считает Новак, американский путь составляет третий путь, пролегающий между индивидуализмом и коллективизмом. Американский путь преодоления индивидуализма, по его словам, лежит не через приверженность государству или какому-либо коллективу, а через создание разнообразных общин и ассоциаций (16, с. 8).

При этом Новак характеризует американскую систему как "демократический капитализм", который отвергает как "совершенно независимую свободно-предпринимательскую систему", так и "демократический социализм". "Демократический социализм" наделяет государство абсолютной властью над экономикой, а приверженцы свободного предпринимательства подчиняют государство экономике. "Идеал демократического социализма, — пишет Новак, — состоит из двух координированных систем, которые в некоторых отношениях независимы друг от друга, а в некоторых — взаимозависимы, но не подчиняются друг другу" (16, с. 11). Согласно Новаку, государство — не единственный общественный институт, способный решать проблемы, стоящие перед обществом. Кроме него существует множество других институтов, служащих в качестве промежуточного звена между отдельным индивидом и обществом. Это церковь, школа, профсоюзы, разного рода братства, местные организации и другие добровольные ассоциации (16, с. 14). Как считает Новак, современным условиям в наибольшей

степени соответствует "социальная политика, коренящаяся в местных общинах" и поощряемая федеральным правительством. Социальная политика, по его словам, должна основываться на признании того, что высокая мораль зависит от удовлетворения местных потребностей. В деле привязывания местных общин к национальным идеалам важную роль играют мощная система средств массовой информации и федеральное правительство, связывающее воедино всех американцев. В то же время федеральное правительство "обеспечивает гармоническое единство всех трех систем - политической, экономической и морально-культурной, - создавая тем самым основу для демократического капитализма" (16, с. 19-20).

В концепции Новака нашел отражение тот факт, что в современном буржуазном обществе, хотя принципы индивидуализма и рыночной конкуренции, вытекающие из самой частнособственнической природы капитализма, и сохраняют значимость, государство проникло в важнейшие сферы экономической и общественной жизни. Государство действительно регулирует политическую, экономическую и морально-культурную подсистемы, но от этого капитализм отнюдь не стал демократическим. Здесь отметим то, что первоначально, в домонополистический период, капитализм также рядился в тогу либерализма и демократии, провозглашая принципы равных прав, равных возможностей и т. д., утверждая, будто буржуазная демократия предполагает равенство всех классов и служит в одинаковой мере всем классам и стремится к достижению примирения и гармонии интересов различных частей общества. Более того, в классическом либерализме, составившем идеологию буржуазии периода домонополистического капитализма, демократия отождествлялась с политическим равенством и правлением большинства. Однако в буржуазном обществе, основанном на принципах частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком, эти принципы не могли быть превращены в жизнь, поскольку, как отмечал В. И. Ленин, демократия в соответствии с догмами классического либерализма "означает только формальное равенство" граждан перед

законом. В этом отношении ничего не изменилось и не могло измениться и в наши дни, поскольку капитализм сохранил свою частнособственническую, эксплуататорскую природу.

Если дальше в пересмотре традиционной индивидуалистской трактовки американской общественно-политической системы США идет известный консервативный политолог и публицист Дж. Уилл. По его словам, для американцев характерен неограниченный и эгоцентрический индивидуализм, который угрожает подорвать их чувство социального единства и питает безразличие к благу всего общества. Они также во все более растущей степени озабочены своим материальным благополучием и во все уменьшающейся степени способны сдерживать свои умножающиеся аппетиты. Таким образом, говорит он, американцы представляют собой народ, находящийся в опасности застрять в постоянном детстве, нацию, подверженную своего рода замедленному варварству изнутри. Эта опасность, по мнению Уилла, имеет глубокие корни, поскольку "либерально-демократические общества эжидутся на неверной основе". Если, — говорит он, — мы живем не так возвышенно, как мы способны жить, то это объясняется нашей социальной философией, которая "освящает низкие помыслы, самолюбивые устремления. Признание "отцами-основателями" отсутствия у людей благих намерений обусловило утверждение пороков, слишком легко принятых как неизбежные. Ибо народ, который в самого начала объявляет, что он "может обходиться без лучших мотивов", а без своекорыстного интереса не может, такой народ не склонен поощрять самоограничение, самопожертвование и умеренность в какой бы то ни было сфере, столь необходимые для демократии.

Это, по словам Уилла, объясняется тем, что "интеллектуальной почвой", на которой выросла политическая практика "отцов-основателей", явилась современная им политическая философия. Согласно Уиллу, некоторые уже давно умершие мыслители определили задачу сегодняшнего правительства, но их определение неадекватно и в долговременной перспективе опасно. Те политические мыслители определили

в качестве первой задачи правительства мир и безопасность, поскольку самосохранение рассматривается как главный индивидуальный интерес. Но они не могут объяснить, почему граждане должны рисковать жизнью ради защиты всего общества. Они определяют задачу правительства как обеспечение ооводы, но они не обращаются к социальным условиям и обычаям, которые требуются для ее сохранения. Они определяют задачу правительства как обеспечение условий для стремления к счастью, но счастье понимается как удовлетворение бесконечных материальных потребностей. Для определения этого положения Уилл предлагает консервативное государство, призванное возродить и реализовать традицию политической философии, идущей от Аристотеля до Э. Берка. Эта традиция, по его словам, убедила бы правительство в том, что руководство государством - это руководство душами людей, что правительству следует вмешиваться в вопросы формирования моральных ценностей граждан. Уилл также рекомендует консерваторам принимать "аффирмативную доктрину государства благосостояния", в качестве важного условия достижения социального единства и национальной мощи. Он за "государство благосостояния на консервативных началах", призванное реализовать консервативные цели, - поддержание семьи и общины, бороться против тенденции современного буржуазного государства "стандартизировать и задушить разнообразие". При этом Уилл за то, чтобы передать часть функций государства по формированию моральных ценностей граждан промежуточным институтам - церкви, семье, общине. Таким образом, часть "новых правых" и "новых консерваторов", представленных Дж. Уиллом, пытаются решить стоящие перед современной американской общественно-политической системой вопросы с помощью возврата к традиционным ценностям: "коммунитарным" формам жизни, общинным связям и т. д. Разумеется, в современном индустриально развитом обществе по сути дела подорвана социальная основа традиционных общинных связей; на смену им пришли связи, детерминируемые социальным положением, профессиональным и интеллектуальным статусом. В социокультурном отношении главными особенностями

современной территориально-социальной, или соседской общины, например, является не неповторимое своеобразие взаимоотношений ее членов, индивидуальность и приверженность ценностям, выработанным в данной общине, и передаваемым из поколения в поколение, а конформизм в отношении комплекса ценностей и установок, выработанных далеко за пределами общины на общенациональном уровне.

Индустриальное развитие и урбанизация создали для консерваторов неразрешимую дилемму. В то время как "консервативные политики сочиняли гимны индивидуализму, местничеству, воскресному пиетизму и семейным добродетелям, - пишет либеральный политолог Ш. Волин, - консервативные банкиры были заняты подрывом многих местных центров власти и авторитета, начиная от мелкого бизнеса, кончая поселками и городами. Они создали императивы технологических изменений и массового производства, которые трансформировали опыт и ценности рабочего и подвергли эрозии большинство местнических особенностей, установившихся личностных и семейных черт" (23, с. 6).

Проблемы соотношения американских идеалов и американских общественно-политических институтов рассматривает видный идеолог консерватизма, профессор Гарвардского университета С. Хантингтон. По его словам, во всех господствующих концепциях американского политического процесса - прогрессистской (концепция классового конфликта), консенсусной и плюралистической - специфику американской политики усматривают в особенностях социальной структуры США: либо в ее расколе на противоборствующие классы (парадигмы классового конфликта), либо в господствующем положении в ней среднего класса (консенсусная парадигма), либо в ее делении на заинтересованные группы (плюралистическая парадигма). Такая интерпретация приводит к двум последствиям. Во-первых, американская политика лишается динамических качеств, поскольку определяющие ее структурные характеристики общества принимаются за относительно постоянные. Так, консенсусная концепция исключает возможность существенных перемен в отношении среднего класса к своим основным принципам

и ценностям. Согласно концепции классового конфликта, на смену конфликту между одними классами (например, землевладельцами и безземельными) приходит конфликт между другими классами (капиталистами и рабочими), но основная дихотомия в обществе (богатые и бедные) неизменно сохраняется. Наконец, плюралистическая концепция допускает перемены в составе множества заинтересованных групп, но не в формах взаимодействия этих групп в политике и не в самой плюралистической природе американского общества. Во-вторых, традиционные концепции постулируют главенствующую роль в американской политике экономических и материальных интересов.

"Усматривать в американской политике исключительно отражение социальной структуры, — пишет Хантингтон, — значит упускать из виду телеологическое — как отличающееся от механического — измерение этой политики. Способы, которыми индивидуумы, группы и классы действуют в политике, в решающей степени формируются не только под влиянием их собственных представлений о своих прямых интересах, но также и идеологическим климатом и общими ценностями и устремлениями, которые они все признают законными. Соединенные Штаты не знали идеологического конфликта в европейском духе, и все же политика в этой стране была насыщена страстью в большей мере, чем политика любой европейской страны". В Америке, продолжает Хантингтон, "идеологический консенсус представляет собой источник политического конфликта, поляризация вызывается скорее моральными вопросами, чем экономическими, а политика заинтересованных групп дополняется, а временами и вытесняется политикой моралистической реформы. Америка избежала классовых конфликтов, но только для того, чтобы испытать духовные потрясения. Именно центральная роль моральной страсти отличает американскую политику от политики в большинстве других обществ и именно данную ее особенность труднее всего понять иностранцам" (12, с. 10-11).

Согласно Хантингтону, в течение всей истории США существовал консенсус "в поддержку либеральных, демократических, индивидуалистских и эгалитарных ценностей", сос-

тавивших "американское кредо". Лишенные логической стройности и даже в чем-то иногда противоречащие друг другу элементы американского кредо имеют тем не менее определенную общую направленность: они выражают собой этику неприятия власти. Их объединяет нацеленность на ограничение власти и сферы влияния правительственных институтов. "Американское кредо отрицает законность всего того, без чего в той или иной мере не способно обойтись ни одно правительство в мире, — иерархию и неравенство, произвол власти, секретность и обман, сложившиеся формы руководства и подчинения. Американское правительство, таким образом, сталкивается с идеологическим вызовом, исходящим не извне, а изнутри, не со стороны импортированных марксистских доктрин, но со стороны взращенного в своем отечестве американского идеализма. Стабильности политических институтов угрожает не глубоко коренящиеся расколы, а глубоко осознанный консенсус... Чем сильнее приверженность американцев своим политическим убеждениям, тем враждебнее или циничнее они становятся по отношению к своим политическим институтам. Как следствие разрыва между идеалами и институтами степень законности американского правительства находится в обратной зависимости от веры в американские политические идеалы" (12, с. 41).

В целом, считает Хантингтон, в течение всей американской истории существовал "разрыв между идеалами, в которые американцы веровали, и институтами, которые эти идеалы воплощали". Этот разрыв "порождал постоянную дисгармонию между нормативными и экзистенциальными измерениями американской политики" (13, с. 1).

Касаясь сути и последствий этого разрыва, Хантингтон приходит к весьма интересному примечательному выводу. По его мнению, распространенность в американском обществе этики неприятия власти в условиях, когда осуществление реальной власти сопровождается нарушениями принципов равенства, порождает "парадокс власти": власть в США способна действовать эффективно лишь до тех пор, пока она остается невидимой. Этика неприятия власти, широкие возможности придавать огласке действия властей,

как и наличие в обществе тяги к разоблачению власти - все это создает обстановку, когда "сокрытие власти становится ее первым императивом". Поскольку "обозримость власти есть то, что наиболее в ней уязвимо, то самое эффективное, что может сделать власть для поддержания своего существования и исполнения своих функций, - это прибегнуть к маскировке" (12, с. 78). Поскольку гласность не только более всеобъемлюща, но и более губительна для власти в США, чем в любом другом обществе, то в американских условиях требуются и большие усилия для сокрытия власти с тем, чтобы сохранить ее действенность и законность. Возникает порочный круг: из-за того, что власть вызывает неприязнь, ее скрывают, что в свою очередь служит причиной для еще большей неприязни. Таким образом, как указывал Э.Шиле, имеется тесная связь между гласностью и секретностью, действующая в ущерб конфиденциальности. В США мания гласности подрывает возможности конфиденциального ведения дел порождает и увеличение секретностью. В свою очередь, в среде, в которой секретности отводится роль спасительного средства, эвристически неотделимыми от нее элементами оказываются теории заговора. Рассредоточение власти между институтами и группами, моралистический компонент, присущий американской политике, глубокая враждебность, свойственная воззрениям американцев в отношении к власти, - все это благоприятствует тому, что американское общество особенно восприимчиво к теориям заговора. Со времени основания США каждое поколение американцев едва ли не каждое десятилетие обнаруживало секретную власть заговорщиков: в разное время подозрение падало на иллюминатов и масонов, католиков и мормонов, банкиров, евреев и коммунистов, угрожавших якобы основным институтам республики. Вместе с тем, следует признать, что поскольку в США имеется больше стимулов для конспирации власти, чем в других странах, то и теории заговора, которые также более распространены в США, чем в других обществах, вероятно, и более оправданы в американских условиях. "Таким образом, - пишет Хантингтон, - секретность необходима для того, чтобы утаивать реальности власти, а обман необ-

ходим для того, чтобы представлять эти реальности отличными от того, чем они являются на самом деле. Второе - естественное продолжение первого: секретность - заслон для власти, обман - покров для секретности. Обман становится неотъемлемым элементом отношений между правительством и обществом, политическими лидерами и их сторонниками. Лицемерие, которое охватывает всех граждан на какое-то время - разменная монета участия как граждан, так и их лидеров. Правительственные институты устроены так, чтобы выглядеть более открытыми и восприимчивыми к общественному мнению, чем они есть на самом деле. Политические лидеры также должны делать вид, что они выражают волю граждан в большей степени, чем это имеет место в действительности. У них нет иного выбора, кроме как расшаркиваться перед демократией, соблюдая приличия, как бы сильно они при этом не пытались уклониться от ее реальностей" (12, с. 4).

На различных этапах своей истории американцы, по словам Хантингтона, пытались ликвидировать разрыв между американскими идеалами и американскими институтами путем реформирования последних. Подобные попытки предпринимались в периоды революции конца XVIII в., джексоновских реформ 20-30х годов XIX в., "прогрессивистской эры" начала XX в., 60-х - начала 70-х годов. Цели реформ в большей мере достигались в более ранние, чем в поздние периоды. Это Хантингтон объясняет тем, что в ранние периоды действия американцев за утверждение свободы, равенства, демократии и народного суверенитета были направлены на разрушение или модификацию традиционных политических и экономических институтов, а в более поздние периоды - современных институтов, появившихся в процессе исторического развития. Другими словами, говорит Хантингтон, "в более ранние периоды история и прогресс (в смысле реализации американских идеалов) шла рука об руку; в более поздние периоды достижения американских идеалов включало в большей степени восстановление прошлого, чем реализацию будущего, прогресс и история во все более растущей степени действовали в противовес друг другу" (13, с. 2).

Стремление к "интеллектуальному и эстетическому самовыражению", которое преобладало у молодежи 60-70-х годов, по мнению Хантингтона, представляло собой "романтическую луддистскую реакцию против бюрократических и технологических тенденций постиндустриализма" (13, с. 10). Как отмечает автор, в США любая централизация, вызванная расширением правительственной бюрократии, несколько нейтрализуется господством принципов плюрализма, который способствует распылению власти в бюрократических агентствах, конгрессистских комитетах, заинтересованных группах, что препятствует подчинению низших звеньев власти высшим. Очевидно, что, отвергая конфликтные, консенсусные и плюралистические концепции американской общественно-политической системы, Хантингтон по сути дела предлагает синтез всех этих трех конструкций. Однако в этом синтезе доминирующее положение занимает идея консенсуса. Здесь отодвигаются на задний план или вовсе отрицаются объективные социально-экономические факторы, определяющие мотивы и поведение участников конфликта. На передний план выносятся резкие, бурно выраженные коллизии идей, эмоций, которые при глубоком изучении оказываются поверхностными и периферийными, поскольку конфликтующие стороны вовсе не ставят под сомнение существующие социально-экономические структуры, капиталистические производственные отношения и их политическую надстройку.

В своих попытках утвердить консенсусную модель общественно-политической системы и придать ей убедительность путем показного вкрапливания в нее отдельных элементов конфликтности Хантингтон в конечном итоге скатывается на путь откровенной апологии не только американских идеалов, но и американских институтов, т. е. существующей системы власти в США. Это особенно наглядно обнаруживается в его рассуждениях о взаимоотношениях Америки с внешним миром. По его словам, в современную эпоху сложная экономика и вовлеченность в мировые дела создают потребность в иерархии, бюрократии, централизации власти, большом правительстве и организации вообще. А это ведет к дальнейшему расширению разрыва между

"американским демократическим идеалом" и реальной действительностью. В то же время, говорит Хантингтон, разрыв между идеалами и институтами стал проблемой и в отношениях Америки с внешним миром. Стремление сократить разрыв между американскими ценностями и общественно-политическими институтами в других странах предполагает "экспансию американской мощи", что, в свою очередь, ведет к расширению власти господства и ограничению свободы (13, с. 15). Однако, утверждает он, для правильного понимания этой проблемы необходимо отказаться от "мифа об американском подавлении", который был выдвинут представителями школы "политического реализма" в 50-е годы. По мнению Хантингтона, "характерное для американского общества противоречие между американской силой и американской свободой, они переносят на противоречие между американской силой и свободой других стран за границей". В 60-70-х годах, по словам автора, такая позиция вела многих интеллектуалов к убеждению о том, что вовлечение Америки в политику других стран "враждебно свободе и поощряет репрессии в тех странах", (13, с. 24). В действительности же, утверждает автор, американская мощь за границей служит делу свободы, плюрализма и демократии. Поскольку США являются "самой свободной, самой либеральной, самой демократической страной в мире", то любое увеличение мощи и влияния США на международной арене способствует поощрению свободы и прав человека в мире и тем самым сокращению разрыва между американскими идеалами и политическими институтами других стран (13, с. 25). Другими словами, при всех претензиях на объективность и оригинальность Хантингтон в конечном счете выступает выразителем интересов и позиций тех консервативных и правых социально-политических сил США, которые видят главную свою миссию в том, чтобы реализовать лозунг "Америка превыше всего!".

§ 3. Буржуазно-либеральные концепции общественно-политической системы США

Проблемы путей и моделей развития общественно-политической системы США широко дискутируются в левой части идейно-политического спектра. Разрабатывая эти проблемы, исследователи либеральной ориентации во многом руководствуются положениями, сформулированными Дж. М. Кейнсом, представителями структурно-функциональной школы и их последователями. В наиболее последовательной форме данный аспект американской буржуазной политологии анализируется в книге П. Дайзинга (3).

Неоклассическая наука, на которой зиждилось большинство консервативных политологических и политэкономических концепций, представляло собой "науку индивидуального рационального решения", науку "человеческого субъекта," отличную от естественной науки, "науки о вещах". Социальный объект - экономика - следовало рассматривать косвенно через субъекта, поскольку, как социальное, она является результатом индивидуальных решений. Дж. М. Кейнс пересмотрел такой взгляд, используя свой подход к правительству как действующему лицу, относящемуся к экономике как к объекту. По Кейнсу, экономика как объект отделена от правительства и имеет свою собственную независимую динамику. Но это объект, за который правительство несет ответственность, и оно должно иметь определенные прерогативы в регулировании экономики. Поэтому, утверждал Кейнс, ученый должен выявить динамику объекта и найти те элементы, с помощью которых можно было бы дать этой динамике нужное направление (3, с. 85-86).

Другими словами, Кейнс "объективизировал" общество. По пути Кейнса пошел крупный буржуазный социолог Т. Парсонс, который разработал теорию структурного функционализма, рассматривающую общество как целостную систему, состоящую из нескольких подсистем, взаимодействие между которыми обеспечивает выживание и функционирование самой системы. Кейнсианско-функционалистский подход рассматривает правительство как главное действующее

лицо при принятии решений, ответственное за благосостояние всего общества.

Как считает Дайзинг, точка зрения или перспектива "объективной системы" дает возможность "изучать структуры и динамику системы как таковые, не сводя их к индивидуальному рациональному выбору." Это самое большое преимущество кейнсианской экономической теории и различных вариантов функционализма и системного анализа. У функционалистов социализация как систематический и доступный для понимания процесс приходит на смену концепции произвольных индивидуальных предпочтений, а функциональные потребности политических систем заменяют "неоклассическое морализирование относительно индивидуальных устремлений к власти". Концепция "функциональной рациональности" дает возможность сгладить конфликты и найти политические средства решения социальных проблем. Другими словами, функционализм и системный анализ предлагают "политически ориентированную науку взамен науки, провозглашающей бессилие правительства" (3, с. 150).

Наряду с функционализмом в послевоенный период Дайзинг выделяет подход, сформулированный Дж. Шумпетером, У. Ростоу, также их последователями. Это - теория развития капитализма и теория демократического элитизма. По мнению Шумпетера и Ростоу, капитализм развивается в результате скачков и "волн", а не равномерно, "скорее качественно, нежели количественно". Каждый скачок начинается в каком-либо конкретном секторе экономики, трансформирует этот сектор, распространяет свое влияние на другие сектора и затухает. За ним следует скачок в каком-либо другом секторе и т. д. Скачок, или революция, возникает в результате появления новых возможностей (новых земель, новых источников энергии и т. д.) или спроса на новый продукт, новых изобретений, как, например, двигатель внутреннего сгорания. Необходимы также предприимчивые люди, которые могут использовать эти новые возможности и создать новые отрасли экономики с новыми формами жизни, тем самым способствуя разрушению старых форм жизни и связанных с ними классов. Новый способ про-

изводства распространяет свое влияние на всю экономику, политическую систему и культуру в течение примерно одного столетия. Постепенно новый способ производства становится общепринятым, а ассоциируемый с ним класс господствующим. И так до начала следующей революции. Возникновение и развитие капитализма определялись появлением новых "уникальных возможностей и смелых, умных и творческих индивидов для их использования" (3, с. 150). А это, в свою очередь, стало возможным в результате упадка феодальных и деспотических структур. В феодальной Европе возможности для реализации творческих потенций отдельного индивида были открыты в военном деле и в сфере религии. Но в течение нескольких столетий творческие умы распространили идеи и технические нововведения с этих сфер на другие. Схоластическое учение, имевшее своим началом сочинения Аристотеля, отошло от него и послужило развитию рационализма, во многом обусловившего появление науки и технологий; военные кампании и крестовые походы уступили дорогу путешествиям для открытия торговых путей и рынков. В итоге, новые ресурсы и технические новшества стали привлекать творческие умы в торговлю и промышленность. Таким образом, "религиозно-военные новаторы постепенно создали общество, благоприятное для их преемников - ученых, изобретателей, исследователей, - которые, в свою очередь, открыли путь для коммерческих и промышленных предпринимателей" (3, с. 160).

В основе такой трактовки общественно-исторического развития, согласно Дайзингу, лежит элитистская теория. Шумпетер и его последователи сформулировали "теорию демократического элитизма, согласно которой элиты управляют всегда и во всех обществах, но управляют демократически, если несколько групп элит, представляющих конфликтующие заинтересованные группы, конкурируют между собой за массовую поддержку" (3, с. 178). Согласно Шумпетеру, общество - это объект или система, включающая полуавтономные подсистемы: производство и распределение, классы, ассоциируемые с конкретными занятиями; политическую систему; и "культур-

но-ценностно-идеологическую систему". Предоставленные сами себе, все социальные системы впадают в состояние упадка; например, классы стратифицируются в касты, идеи превращаются в схоластические догмы. Однако, модернизирующая элита, субъект, всегда выполняет функции обновления и перестройки. У Шумпетера и его последователей отношения субъект - объект диалектический характер. "Субъект-новатор творит изменения в объекте, а объект формирует и ограничивает субъект" (3, с. 163). Во многом данный подход близок к кейнсианско-парсонсовской функциональной системе. Но различие между ними состоит в том, что в кейнсианско-парсонсовской системе объект носит более сложный характер, в то время как для элитистов динамика представляет собой лишь простую комбинацию регулярно повторяющихся приемов - технических приемов производства, бюрократической рутины, стилей жизни, стилей искусства, а также непредсказуемых нововведений. Исследования функционалистов и кейнсианские модели отличаются объективизмом, а исследования элитистов являются примером "субъективно-объективной диалектики" (3, с. 168).

В отличие от традиционных элитистских концепций, выдвигавшихся в качестве альтернативы не только марксизму, но также разного рода буржуазно-либеральным концепциям демократии, концепция "демократического элитизма" возникла в рамках современной либеральной идеологии. Показав несостоятельность основных постулатов "плюралистической" концепции, согласно которой в США власть более или менее равномерно распределяется между конкурирующими друг с другом заинтересованными группами, сторонники этой концепции считают, что реальная власть в действительности принадлежит единой элите, управляющей страной в интересах всего общества.

Общепринятая идея, утверждали Дай и Зайгнер, предполагает, что "либеральные ценности", такие как уважение к личности и равенство возможностей всех людей, свобода слова и печати, религиозная свобода и т. д., наилучшим образом обеспечиваются посредством расширения участия масс в политической жизни. Одним словом, по их мнению,

согласно этой теории, народ рассматривается как фундамент демократии и защитник свободы (6, с. 19).

В действительности же, заявляют Дай и Зайглер, "Америкой управляет элита, а не массы", ибо "ключевые решения в области политической, экономической и социальной жизни страны принимаются незначительным меньшинством" (6, с. 3). Власть в Америке, утверждают авторы, сосредоточивается в крупных частных и общественных институтах: "корпорациях, банках и финансовых учреждениях, университетах, юридических фирмах, церквях, профессиональных ассоциациях, в военной и правительственной бюрократии, которые всецело находятся в руках элиты" (6, с. 128). По их мнению, хотя "демократия и представляет собой форму правления народа", все же "ответственность за ее сохранение лежит на плечах элиты" (6, с. 4). Вот почему, пишут авторы, хотя символы американской политики и выводятся из демократической политической мысли, действительность американской политики часто лучше можно понять с точки зрения элитистской теории. Если бы сохранность демократической системы "зависела от наличия активных, образованных и информированных в политических вопросах масс, то, согласно Даю и Зайглеру, в Америке она давно бы исчезла, поскольку американский народ в целом "плохо информирован и апатичен" в политическом отношении и отрицательно относится к демократическим и либеральным ценностям. Элита более образована и привержена демократическим ценностям как в принципе, так и на практике. Массы обладают более низким уровнем образования и склоняются к либерализму в экономических вопросах, оставаясь антилиберальными в остальном. Элита же либеральна и в экономических и в политических вопросах.

Более того, утверждают авторы, именно простой человек, которого общепринятая демократическая теория рассматривает как основу демократии, очень легко поддается влиянию антидемократических идеологий, в то время как элита является "главной защитницей демократических ценностей" (6, с. 20). Другими словами, мудрое правление элиты является необходимым условием сохранения демократии, и в этом, по их мнению, состоит "ирония демократии".

Согласно Даю и Зайглеру, элита может эффективно выполнить свою роль защитницы свободы и собственности лишь в том случае, если она сумеет "изолироваться от антидемократических настроений масс". Массы, по их мнению, должны заниматься "проблемами повседневной жизни, своей работой, семьей, профсоюзами, хобби, церковью", что отвлекает их от более сложных проблем общественной политики. При этом они взяли на себя задачу доказать оосместимость принципов элитизма и демократии. Будучи показателем кризиса идеологии либерализма, эта концепция в то же время представляет собой попытку части приверженцев либерализма приспособить ее к реальностям современного буржуазного общества, характеризующегося прогрессирующей концентрацией экономической власти в руках "властвующей элиты" в лице узкой монополистической верхушки. Не в силах отрицать эти явления, буржуазные идеологи тем не менее пытаются сохранить за современным капиталистическим обществом эпитет "демократическое", объединив по сути дела несовместимые понятия "демократия" и "элитизм". В новой книге Дай во многом отказывается от слишком апологетической настроенности прежней работы и предлагает "олигархическую модель" власти и формирования американской политики. По его словам, "в Америке огромная власть концентрируется в руках узкой группы людей, Несколько тысяч человек из 215 миллионов американцев решают вопросы войны и мира, заработной платы и цен, налогов и прибылей, образования и воспитания, здравоохранения и благосостояния, рекламы и связи, жизни и досуга" (5, с. 3). Эта узкая группа людей стоит "на вершине институциональной структуры Америки", в их руках находится контроль над всеми "крупными институтами, направляющими жизнь всех американцев", корпорациями, банками, Белым домом, конгрессом, юридическими фирмами, фондами, университетами, средствами массовой информации и т. д. Другими словами, пишет Дай, "люди наверху", — это те, которые "занимают самые высшие позиции в институциональной структуре американского общества" и обладают высшей властью

вершить делами во всех сферах общественной жизни (5, с. 11-12).

Дай выделяет несколько групп элиты, которые тесно взаимосвязаны между собой, Центральное место он отводит корпоративной элите, поскольку, по его словам, "контроль над экономическими ресурсами" обеспечивает основу власти. За ней следует "правительственная элита", в которую входят высшие чиновники исполнительных, конгрессистских, военных и юридических ведомств федерального правительства; президента, вице-президента, министров, заместителей и помощников министров федерального правительства; советников президента в Белом доме, председателей комитетов конгресса, лидеров большинства и меньшинства в обеих палатах конгресса, членов Верховного суда, членов федерального резервного бюро и комитета экономических советников (5, с. 53-54). Как утверждает Дай, в современной Америке власть сосредоточена также в руках тех, кто контролирует средства массовой информации. По своему могуществу они равняются на корпоративное и политическое руководство страны. Причем власть определять то, что американцы увидят и услышат, принадлежит трем частным корпорациям - "Американ бродкастинг компани" (ABC), "Нэшнл бродкастинг корпорейшн" (NBC) и "Коламбия бродкастинг систим" инк. (CBS). Далее, согласно Даю, национальная элита включает руководителей таких "специализированных институтов и организаций, как "влиятельные юридические фирмы, главные филантропические фонды, общепризнанные и культурные организации и престижные частные университеты". Все они в совокупности составляют "гражданский истеблишмент" (5, с. 112). Дай убедительно показывает, что разные группы элит, переплетаясь друг с другом, образуют единую олигархическую систему власти, "национальную элиту", играющую ключевую роль в формировании и принятии решений по всем важнейшим вопросам, касающимся всех сторон общественной жизни современной Америки. Как показывает Дай, цементирующей основой единства "национальной элиты" является корпоративное и личное богатство, которое "переходит в различные фонды, университеты и полити-

ческие группы" для "исследования, изучения, планирования и формулирования национальной политики" (5, с. 211). Очевидно, что по сравнению с представителями концепции "плюралистической" демократии и других апологетических направлений буржуазной идеологии Дай дает более реалистическую картину того, в чьих руках находится реальная власть в современной Америке.

Однако сам Дай также далек от понимания действительной сущности власти в буржуазном обществе и факторов определяющих ее социально-классовую природу. Так, отвергая социально-классовую трактовку власти в буржуазном обществе, он пытается подвести идейную базу под "функциональную" и "ролевую" концепции власти. По его словам, власть в современном обществе носит в своей основе институциональный характер. "Власть, — пишет он, — является атрибутом не отдельных индивидов, а социальных организаций... истинная сущность власти состоит в ее способности к контролю", что в свою очередь предполагает наличие в общественной системе определенных ролей. Власть — это "способность или потенциальная возможность людей, выполняющих определенную роль принимать решения, оказывающих влияние на поведение других людей" (5, с. 6). Поэтому власть является "атрибутом ролей в социальной системе" (5, с. 7). При этом Дай видит в концентрации власти неизбежный и естественный результат урбанизации, индустриализации, роста социальных, экономических и политических организаций, который с необходимостью предполагает формирование узкой олигархии или "национальной элиты", превращающийся в самостоятельную надклассовую силу, способную рационально управлять обществом в интересах всего общества. По его словам, "высшие корпоративные руководители в целом придерживаются либеральных, социально ответственных позиций и взглядов в отношении общественных проблем... разделяют с правительством интерес в стабильном росте, предотвращении кризисов, в плановом, научном и технологическом развитии". Причем, понятие "корпоративная ответственность" включает "стремление принести в жертву часть прибылей, чтобы осуществлять

большую роль в формировании социальной политики, хотя прибыли сохраняют существенное значение для накопления капитала и сохранения корпорации" (5, с. 50-51).

Несомненно, власть в современном буржуазном обществе немислима без организационной, институциональной основы и действительно она выполняет функцию контроля и руководства. Однако констатация этого очевидного факта сама по себе не объясняет действительную сущность власти в современном буржуазном обществе. Дело в том, что сами организации и институты, в которых сосредоточена реальная экономическая и политическая власть в капиталистическом обществе, носят социально-классовый характер. Организации и институты составляют костяк его структуры, и элита, которая вершит делами этих организаций и институтов, защищая их целостность и интересы, тем самым стоит на страже осуществляющей системы. Тот факт, что реальная власть сосредоточена в руках узкой олигархии или "национальной элиты", состоящей из 4000 человек, отнюдь не значит, что эта олигархия представляет собой самовладеющую надклассовую силу, способную выжить и функционировать без породившего и постоянно воспроизводящего ее класса буржуазии.

Главный просчет Дая состоит в том, что при анализе сущности власти в современной Америке он обратил внимание лишь на формы осуществления власти, игнорируя при этом ее источники - и социально-классовую природу. Сам процесс воспроизводства властвующей элиты, в котором решающую роль играет господствующий класс буржуазии, как нельзя лучше доказывает, что любая форма власти в конечном счете определяется характером господствующих социально-экономических отношений. Власть, независимо от форм ее осуществления, в конечном счете всегда находится в руках того класса, который владеет средствами производства и занимает господствующее положение в экономике страны.

Элита, как бы она ни была концентрирована и могущественна, не является самостоятельным социально-экономическим классом, не может быть самостоятельной полити-

ческой силой, а в высокоцентрированной форме представляет власть буржуазии как класса в целом.

В левой части идейно-политического спектра особенно настойчиво разрабатывается проблема кризиса буржуазной демократии, либерализма и всей общественно-политической системы США. Как констатирует Дайзинг, в 60-70-х годах многие исследователи либеральной ориентации пришли к выводу, что деятельность правительства определяется большим бизнесом, военно-промышленной коалицией, блоком агробизнеса, и стали рассматривать его не как субъекта, стоящего "отдельно и над обществом", а как интегральную часть системы, как часть объекта. Другими словами, в их глазах правительство из инструмента решения проблемы превратилось в часть проблемы. Такой сдвиг особенно отчетливо прослеживается на примере известного экономиста либеральной ориентации Дж. Гэлбрейта. В 1952 г. для Гэлбрейта правительство представляло собой беспристрастного арбитра, призванного сохранить равновесие между различными центрами власти, а в 1955 г. "беспристрастного кейнсианского менеджера экономики". Будучи убежден в позитивной роли правительства в решении социальных и экономических проблем, в 1960 г. Гэлбрейт стал одним из советников президента США Дж. Кеннеди. Но в 1967 г. правительство стало "частью техноструктуры", и в качестве одного из руководителей либеральной организации "Американцы за демократические действия" Гэлбрейт в 1968 г. выступил против правительства Л. Джонсона и его войны во Вьетнаме.

Гэлбрейт проводит аналогию между частной корпорацией и правительством. По его словам, правительство как организация напоминает частную корпорацию, и его деятельность можно объяснить объективно, как результат "бюрократического симбиоза", а не субъективно, как результат ошибок и просчетов отдельных государственных деятелей. Другими словами, Гэлбрейт объективизировал правительство. Гэлбрейт и теоретики бюрократии в отличие от элитистов считают, что "сами элиты детерминируются императивами роста и выживания и являются пленниками идеологического мышле-

ния, которое они постоянно внедряют в массы" (3, с. 239).

Согласно Дайзингу, разграничение фактов и ценностей приводит также к разграничению "детерминизма и свободы, материальных условий (объекта) и идей (субъекта)". Либо общественное сознание детерминируется объективными условиями труда, императивами сохранения организации и пропагандой корпораций, либо оно освобождается силой идей. Изменение материальных условий приносит с собой изменения в способах мышления, но отнюдь не свободу. Как отмечал Дж. Шумпетер, "идеи и ценности являются отражением материальных условий и изменяются лишь с изменением этих условий. Но сами эти условия изменяются субъектом. Существует скорее диалектика объекта - субъекта, нежели дуализм объекта - субъекта" (3, с. 226).

Как считает Дайзинг, точка зрения, представленная Гэлбрейтом и его сторонниками, самая остротенная по сравнению с вышерассмотренными от существующей системы и поэтому самая объективная из них. Объективность позволяет найти объективные объяснения общественных явлений, которые другие школы рассматривают как субъективные. Неокейнсианская и структурно-функционалистская точка зрения побуждает своих приверженцев смотреть на правительство как на свободного и рационального искателя решений. Политика правительства рассматривается как отремление решать субъективно сформулированные проблемы. Задача ученых усматривается в том, чтобы изучить ошибки и неудачи для их исправления и недопущения в будущем. Что касается Гэлбрейта и его сторонников, то, по их мнению, политика правительства объективно детерминирована, и поэтому ее успехи и неудачи легко можно объяснить. Например, неудача реализовать кейнсианские меры против циклических экономических кризисов и инфляции определяется "экопансионистскими императивами" правительства и планирующего сектора. "Бюрократическо-институционалистская" точка зрения Гэйбрейта в одном очень важном аспекте превосходит как кейнсианскую, так и элитистскую точку зрения. Это - ее интерес к фактам. Кейнсианская и элитистская точки зрения требуют от ученого лояльности к правительству.

По их мнению, правительство не должно обманывать народ, Но если, того требуют интересы национальной безопасности, то оно вправе обманывать и скрывать факты. В итоге они принимают официальные факты как истинные. Сторонники "бюрократическо-институционалистского" подхода из опыта знают, что помимо официальной политики существует неофициальная политика совершенно иного сорта: "бюрократическое маневрирование", "грязные трюки", ЦРУ, партизанские войны и программы дестабилизации, "секретная дипломатия". Поэтому, по их мнению, объективная наука должна за официальными фактами искать действительные факты, а за ними - секретные факты. Любое теоретизирование, ограничивающееся официальными фактами, рискует превратиться в "онаученную версию правительственной пропаганды" (3, с. 240). Однако, как считает автор, при всех своих достоинствах гэлбрейтовская точка зрения по внутренней своей сущности неустойчива в силу резкого противоречия между реально существующим положением вещей и тем, что должно было бы быть. После примерно 20 лет ожиданий "освобождения убеждений" гэлбрейтовские институционалисты должны двигаться либо влево, либо вправо. На левом фланге марксистская точка зрения предоставляет "долгосрочную теорию", которая способна объяснить длительную живучесть "ложного сознания" и пути его преодоления. На правом фланге гэлбрейтовский "новый социалист" постоянно подвержен искушению руководствоваться каким-либо "новым либеральным видением", предполагающим возвращение к кейнсианской точке зрения" (3, с. 242). Одной из важнейших тем американской буржуазно-либеральной политологии последнего десятилетия стала проблема "плюрализм - корпоративизм - бюрократическая система". В данном контексте большое внимание уделяется проблеме соотношения американской общественно-политической системы и демократии, либерализма, будто бы лежащего в основе этой системы и демократии. Эта тема особенно развернуто разрабатывается в работах профессора Калифорнийского университета (г. Сакраменто) П. М. Голдстина, профессора права в национальном центре юридических наук при университете

им. Джорджа Вашингтона А. С. Миллера, профессора Йельского университета Д. Йейтса, известного политолога К. Сильверта и др.

Лейтмотивом большинства работ авторов либеральной ориентации является тезис о том, что кризис американской буржуазной демократии и либерализма является результатом глубоких изменений, происшедших в современном мире, показавших несоответствие провозглашаемых правящими кругами идеалов и реальной действительности. Как считает Сильверт, самым разочаровывающим аспектом современной Америки является то, что "свобода и ответственность", рассматриваемые как основные американские ценности, находятся в вопиющем несоответствии с реальным положением вещей. По его словам, мировоззрение "отцов-основателей" США претерпело глубокие изменения в течение нескольких лет после провозглашения конституции: "их революционный либерализм начал выхолащиваться консервативным утилитаризмом, делая все труднее примирение духа законов с их практической реализацией" (21, с. 19). В результате важнейшим фактором американской системы стал конфликт "двух великих противоречий": столкновения мировоззрений, которое "расширяет дистанцию... отделяющую первоначальные либеральные идеи от... утилитарной мысли", растущего несоответствия в политической системе между "принципом гражданственности и привилегией, между нацией и социальным классом" (21, с. 17).

Сильверт делает попытку провести демаркационную линию между либерализмом и утилитаризмом. По его словам, в последние десятилетия XVIII - начале XIX в. произошли изменения, приведшие к победе научного духа и утилитаризма, провозгласивших общество, "простым агрегатом индивидов", в котором "каждый индивид руководствуется желанием избежать боль и жаждой удовольствия". Такой подход, как утверждает Сильверт, несовместим с классической либеральной концепцией, согласно которой общественные институты создают условия для лучшей реализации человеческой природы. "Классическая либеральная мысль, - пишет он, - социальна, в то время как утилитарная мысль асоциаль-

на и представляет собой вульгарный психологический редукционизм" (21, с. 27). При этом Сильверт настойчиво проводит мысль о том, что утилитаризм, а не либерализм, лежит в основе большинства направлений современной общественной и политической мысли. Этим, по его мнению, объясняется тот факт, что в настоящее время "государство и правительство вместо того, чтобы говорить и действовать во имя всеобщего политического единства, превратились в агентов особых групп и ... даже агентов особых индивидов". Отрыв обязанностей от привилегий, говорит Сильверт, представляет собой "этическое нарушение социального контракта", и когда это начинают осознавать более или менее значительные группы людей "общественный договор" расторгается также в "нотеоретическом повседневном смысле". Тогда "консенсус" и "законность" нарушаются, а законы, законодатели и исполнители превращаются в посмешище. Теряется способность поставить под контроль средства решения общественных проблем, и в итоге "страна впадает в анархию", "Такова, - пишет Сильверт, - наша современная ситуация" (21, с. 41).

Голдстин усматривает корни нынешнего кризиса в том, что американская общественно-политическая система с самого начала носила "имперский характер". По его словам, с самого начала становления нации американцы руководствовались стремлением к безудержной и неограниченной экспансии, которая открывала новые рынки, позволившие получить огромные прибыли, что в свою очередь давало основания для "экономического оптимизма", исторически ассоциировавшегося с либерализмом. По словам Голдстина, традиционная поддержка либералами расширения военных и экономических возможностей государства способствовала утверждению тезиса о том, что постоянная экспансия является жизненно важным фактором сохранения американской системы. Поскольку империализм давал возможность получить огромные прибыли, часть которых используется для повышения заработной платы и социального вспомоществования внутри страны, он стал "решающим буфером" против революции. Именно экспансия, по Голдстину, содействовала

утверждению "американской идеи равных возможностей и внутренне присущего ей отрицания социально-классовой системы". В этом смысле Голдстин называет "имперскую политику" "аналогом либерализма Милля" (8, с. 64).

Эту же проблему в несколько ином аспекте рассматривает и Сильверт. По его мнению, отражением отхода США от первоначальной либеральной идеи является двупартийная внешняя политика, основанная на "теории всемирного монолитного коммунистического заговора" и "теории домино". Обе теории рассматривают любые изменения в мире как угрозу жизни и безопасности всех американцев и обосновывают вмешательство США в дела других стран. Такая политика, говорится в книге, представляет угрозу демократии. Проанализировав политику Америки, в отношении Чили и Кубы, автор приходит к выводу, что правящие круги США "принесли в жертву честь, обещания, договоры, честность и демократию внутри страны и за границей, чтобы предотвратить создание национальных систем в этих маленьких странах", которые не угрожали и не могли угрожать безопасности США (8, с. 68).

Тему кризису либерализма рассматриваемая группа исследователей анализирует в тесной взаимосвязи с проблемой несовместимости либерализма с действительной демократией и кризиса демократического идеала в США. Они подвергают всестороннему критическому анализу так называемую "плюралистическую" концепцию буржуазной демократии, пользовавшуюся широкой популярностью в американской буржуазной идеологии в 50-60-х годах. Так, Голдстин в своей книге убедительно показывает несостоятельность позиций тех авторов, которые пытаются отождествлять демократию и либерализм. По его словам, американская общественно-политическая система и лежащий в ее основе либерализм недемократичны в силу того, что "большинство (американцев. - Авт.) манипулируется меньшинством" (8, с. 78). Свой тезис Голдстин демонстрирует путем анализа так называемой концепции "либерального равновесия". По его словам, все действия людей определяются стремлением "к чувству гармонии", придающему

смысл самому существованию. "Направляемые доктринальной приверженностью идее равновесия", утверждает Голдстин, люди руководствуются "некоторой априорной верой в гармонию", или "концепцией равновесия". Консерваторы, реакционеры и революционеры, независимо от декларируемых ими целей, отправляются от того или иного варианта "концепции равновесия" (8, с. 4). Причем любая политическая система руководствуется какой-либо одной концепцией экономического, социального и политического равновесия. В США такой концепцией стал либерализм. Как считает Голдстин, "доктрина, теория и идеология либерализма стали ожиданием, проникшим глубоко в сознание и умонастроения тех, кто формировал американскую нацию" (8, с. 6). Ньютонская концепция равновесия, лежащая в основе американского конституционализма, оправдывает привилегированное положение богатей за счет неимущих аргументами о наличии непосредственной связи между "высшей рациональностью и богатством", о том, будто это "соответствует естественному закону". Однако, пишет Голдстин, в рамках такого подхода невозможно было достичь равновесия, поскольку "действительным результатом конкурентного капитализма является не равновесие между предпринимателями, а уничтожение конкурентов" (8, с. 27). Поэтому, говорит Голдстин, совершенно естественно, что либерализм в конечном итоге превратился в стремление "установить власть и контролировать ее", опираясь не на веру в человека и разум, а на веру в "либеральную систему власти" (8, с. 10). По мнению Голдстина, хотя на словах либеральная традиция делает ударение на естественных правах, политическая доктрина либерализма интересуется лишь "рациональной организацией власти". В противоположность демократу, который связывает естественный закон с суверенитетом народного большинства, либерал лишь на словах признает такой суверенитет, предав дело защиты и расширения прав людей в руки государства, которое представляет самую большую угрозу этим правам, совершенно справедливо отмечает Голдстин.

В настоящее время в США, как и во всем мире, утверждает Сильверт, наступило время великой дискуссии о том, хотят ли люди "воссоздать демократию или продолжать погружаться в элитистский авторитаризм". Причем, по его словам, конфликт между "псевдодемократическим демократом и истинным демократом" носит не количественный, а качественный характер. Это "не столкновение между капиталистами и социалистами, или между левыми и правыми в общепринятом смысле этих терминов", а "между авторитаризмом и демократией, рабством и свободой" (21, с. 97-98).

Большую угрозу демократии, по мнению Сильверта, представляют превращенцы теории "пост индустриального общества" и технократы всех разновидностей, ищущие технические и научные решения для всех общественных проблем. "Они подрывают великую идею либерализма, Если в работах Локка и Адама Смита подводится этическая база под институциональное поведение, то технократы поднимают на щит аморального бога Полезности. Они подрывают центральную идею демократического правления", предусматривающую принципы самоуправления в разделенных, но взаимодействующих сферах общества и передачу народом контроля "над межинститутокими спорами, государству". Технократы "разрушают этику демократии". В отличие от "классической демократической теории, предполагающей передачу индивидуальной политической воли политическому сообществу в обмен на равенство перед законами", технократы предлагают передать власть обладателям технического знания. "Если, - пишет Сильверт, - верх одержат идеи технократов, то мы не выживем ни как нация, ни как демократия" (21, с. 87-88).

Если Сильверт говорит о возможности перерождения Америки в антидемократическую систему, что Голдстин пишет об этом как о свершившемся факте. По его словам, в настоящее время, когда "эре имперской экспансией" США пришел конец, многие американцы обнаружили, что "великие либеральные гарантии прав, разделение социального мира на политическую, экономическую и личную сферы испаряются в бюрократическом левифане" (8, с. 114). Корпора-

тивная система во все более растущей степени укрепляет свои позиции, в результате чего возможности простого человека неуклонно сокращаются, и концепция независимого индивида теряет смысл. Осознание, того, что человек может эффективно действовать лишь в рамках организаций и корпораций, оказывает глубоко дезориентирующее влияние на людей, воспитанных на либеральной идее равных возможностей (8, с. 71).

Несмотря на укрепление корпоративной системы во всех сферах американского общества, говорит Голдстин, приверженцы либерализма продолжают цепляться за старую концепцию равновесия, тем самым становясь на путь "политического банкротства" (8, с. 41). Голдстин идет еще дальше, утверждая, что не знавшая границ "имперская экспансия" США на запад была "корпоративным мероприятием", выражением капитала, искавшего инвестиционные рынки, что определяющую роль в ней сыграли интересы и цели корпоративного предпринимательства. Несомненно, в данном аспекте общественно-исторического развития США позиция Голдстина отмечается большей объективностью по сравнению с теми буржуазными авторами, которые резко противопоставляют *laissez faire* капитализм корпоративному или государственно-монополистическому капитализму. Дело в том, что в США свободно-предпринимательский *laissez faire* капитализм, на определенном историческом этапе и занимал господствующие позиции, однако никогда не существовал в чистом виде. Как показали основоположники макроизмаленинизма, между *laissez faire* -капитализмом и "корпоративным" капитализмом не существовало и не могло существовать каких-либо непреодолимых граней, поскольку они представляют собой две, хотя и отличные друг от друга, фазы развития одной, капиталистической, системы производственных и социально-классовых отношений. В этом контексте тезис Голдстина о том, что в той мер, в какой либерализм принимает экономическую экспансию, он неизбежно связан с "идеологией корпоративизма", что реализация либеральных принципов ведет к возникновению "корпоративной цивилизации", способствующей "разрушению либеральной сис-

темы власти", сам по себе верен и не вызывает возражений. Однако никак нельзя согласиться с Голдстином, когда он, во-первых, вообще стирает различия между *laissez faire* и "корпоративным" в капитализме и, во-вторых, исходя из того, что при "корпоративном" капитализме нарушаются принципы индивидуализма и "свободной конкуренции", утверждает, будто при корпоративизме капитализм вообще отсутствует. Отметим, что капиталистические ценности вовсе не сводятся к принципам *laissez faire* и "свободной конкуренции". Главный признак капитализма, как общественно-политической системы — это прежде всего частно-собственнический и социально-классовый характер общественных отношений. Естественно в современном буржуазном обществе возникновение крупных корпораций, выдвигание на передний план различных экономических, социальных конгломератов, группировок и организаций, определяет "корпоративный", "групповой" или "коллективный" характер производственных и социальных процессов. Но как и в эпоху *laissez faire* капитализма, здесь отдельный предприниматель действует в своих личных эгоистических интересах, но преследует эти интересы в тесном сотрудничестве с другими, такими как он сам, капиталистами "коллективно", одновременно отстаивая "коллективный" интерес своей корпорации и организации. В общегосударственном масштабе такая "коллективность" способствует достижению единства интересов всего класса капиталистов, выдаваемых за интересы всего общества. Это единство конкретно выражается в влиянии буржуазного государства и монополий в системе государственно-монополистического капитализма, сохраняющего в неприкосновенности частно-собственнический характер социально-классовых отношений.

Тем более неверно говорить об отсутствии "рынка" и "капитализма" в государственно-монополистический период капитализма. Отождествляя периоды *laissez faire* капитализма и "корпоративного" капитализма, Голдстин фактически игнорирует то, что в экономике США вплоть до последней трети XIX в. господствующие позиции занимали фермерские, мелкобуржуазные, индивидуально-предприниматель-

ские хозяйственные единицы, что, в частности, нашло отражение в идеологии индивидуализма. Это дало возможность придать индивидуалистическому идеалу самодовлеющую значимость, рассматривать его не просто как один из многих элементов системы ценностей и принципов функционирования буржуазного общества, а как единственную цель всякого разумного общества вообще. Самостоятельность и опора на свои собственные силы, индивидуализм и свободная конкуренция стали более чем теорией. Они были подняты до уровня стандартов образа жизни, кредо, которое принято значительной частью американского народа в качестве руководства к жизни.

Однако неизбежным и закономерным результатом реализации принципов свободной конкуренции и индивидуализма оказались концентрация и централизация производства и возникновение монополий, которые в свою очередь уничтожают свободную конкуренцию, подрывая тем самым идеологию индивидуализма и либерализма. Начавшись в последней трети XIX в., этот процесс особенно широкий размах приобрел в XX в. и завершился возникновением "корпоративного" или государственно-монополистического капитализма, отвергающего индивидуализм, и свободную конкуренцию. В значительной степени верность этого тезиса показал в своей книге А. С. Миллер. По его словам, в США примерно до середины XIX в. главными единицами социального действия были отдельный независимый индивид и государство. Причем конституция страны всячески ограничивала прерогативы в пользу отдельного индивида, оберегая его права и свободы, так как ортодоксальная конституционная доктрина основывается на протестантской этике, стержневым принципом которой является индивидуализм (14, с. 27). Господствующие позиции в экономике занимали отдельные независимые предприниматели, действующие на свой страх и риск и вступающие во взаимодействие друг с другом через рынок в процессе свободной конкуренции. Однако, говорит Миллер, начиная со второй половины XIX в. на авансцену вышли крупные корпорации, которые отодвинули на задний план и со временем совсем вытеснили

независимого предпринимателя. В конечном счете, согласно Миллеру, ведущие позиции в американской экономике заняли 500 суперкорпораций, раскинувшихся по всему миру и оказывающих глубокое влияние на жизнь всех американцев, на политику и юридически-правовую систему. По его словам, концентрация экономической мощи в этих корпорациях достигла такой степени, что позволяет им разделить политическую власть с государством (14, с. 50-51). Одним из важнейших конституционных изменений Миллер считает возникновение "позитивного" государства, которое взяло на себя ответственность за экономическое благосостояние всей страны. По его словам, "позитивное государство подорвало концепции классической конституционной теории", подобно тому, как современная деловая корпорация подорвала концепции классической экономической теории. Причем, по его словам, "существует тенденция к слиянию экономической власти (суперкорпораций) и политической власти (позитивного государства)" (14, с. 113).

В итоге, говорится в книге, в лице корпорации между государством и индивидом появилась еще одна единица социального действия, осуществляющая "групповую деятельность". Независимый естественный индивид сохранил свою значимость лишь как член одной из многих "плюралистических социальных групп". Таким образом, заявляет автор, в течение 200-летней истории США, сохранив в неизменном виде основную текучесть конституции, "без особого шума вступили в новую общественную систему, называемую корпоративным обществом" (14, с. 1). В результате в настоящее время конституция США, "как она была написана в 1787 г., превратилась в ширму, (14, с. 1), прикрывающую действительность корпоративного общества.

Миллер проводит аналогию между конституцией США и библией, называет их обеих "теологическими документами", поскольку в глазах американцев конституция, как и библия, священна. Подобно христианству, которое ассимилировало учения Коперника, Дарвина и Эйнштейна без изменения древнего библейского текста, утверждает Миллер, конституция институционализировала любые изменения в американском

обществе, аргументируя их при этом языком конца XVII в. (14, с. 5). Такое положение он объясняет тем, что конституция США основана на общем праве и представляет собой "комплекс прецедентов", что в свою очередь, превратило ее в "живой инструмент управления". Исходя из этого тезиса, Миллер проводит различие между "книжным" и "позитивным правом", зафиксированным в первоначальном тексте конституции, с одной стороны, и, с другой стороны, - "действующим" или "живым правом", которое складывается из поправок к конституции, законодательных актов, правительственных, юридических и административных решений (14, с. 140-141). "Живое право" - это "поток решений", принимаемых каждым поколением американцев в соответствии не с буквой, а с собственной интерпретацией конституционного текста. В результате, пишет автор, подобно тому, как каждое поколение интеллигенции создавало собственную версию прошлого, каждое поколение американцев по-своему, "переписывает конституцию", что по сути дела превратило в "посмешище официальное конституционное право" (14, с. 18).

Миллер верно констатирует тот факт, что наступление корпоративизма произвело глубокие перемены в структуре американского общества, подорвавшие саму основу федеральной конституции. Нарушены традиционные принципы федерализма: на смену "двойному федерализму", предписывавшему разделение функций управления между общенациональным и штатным правительствами, пришел "национальный федерализм", предполагающий концентрацию власти в руках центрального правительства. Возник "договорный федерализм", предписывающий делегирование власти частным организациям и т. д. (14, с. 205). В результате чрезмерной концентрации власти в руках исполнительной ветви, т. е. президента, нарушился принцип разделения властей между законодательной, юридической и исполнительной ветвями. Выход на авансцену "плюралистических социальных групп" привел к формированию "частных правительств", важнейшим из которых является деловая корпорация (14, с. 214). Пришла в упадок система представительного правления, поскольку фактическая власть очутилась в руках бюрократии,

возглавляемой элитой, которая, как правило, назначается, а не избирается.

Миллер совершенно верно констатирует, что корпоративизм представляет угрозу человеческой свободе, ибо в обществе, где господствует союз "большого правительства" и "большого бизнеса", свобода означает лишь свободу примкнуть к какой-либо группе или организации (14, с. 188). При этом главным признаком корпоративизма он считает приверженность "коллективному" или "групповому" действию. Исходя из такой предпосылки, он причисляет к корпорациям не только крупные экономические объединения, но и такие общественно-политические институты, как церковь, университет, профсоюз, разного рода фонды, как он говорит, "современные гильдии" вроде Американской ассоциации адвокатов и Американской ассоциации политических партий и т. д., поскольку-де всех их объединяет "групповое поведение, которое, как правило, организовано иерархически и преследует заранее поставленную цель" (14, с. 20).

Более того, главную угрозу свободе человека он видит в том, что корпоративное государство будто выдвигает на передний план общественный интерес в ущерб интересам отдельных индивидов. По его словам, признание (как это делал, например, бывший президент США Дж. Кеннеди) наличия некоего "трансцендентального интереса", рассматриваемого как нечто большее, чем "сумма частных интересов", равносильно утверждению, что "в современную эпоху государство превратилось в антропоморфическую сверхличность, реальность которой так же действительна, как и реальность человеческих личностей" (14, с. 31-32).

Особенно много внимания роли бюрократии в американской общественно-политической системе уделяет Д. Йейтс. Как считает Йейтс, американская система правления превратилась в бюрократическую демократию в том смысле, что принятие политических решений приобрело бюрократический характер, Бюрократическая демократия - это политико-административная система, совершенно отличная от той, которая была сформирована "отцами-основателями" и более поздними сторонниками демократической теории.

Как считает Йейто, наилучший путь правильного понимания американской системы правления таков. Следует сконцентрировать внимание на "двух нормативных концепциях: плюралистической демократии и административной эффективности", которые зачастую вступали в резкое столкновение друг с другом (25, с. 6). Концепция плюралистической демократии в США представлена Дж. Мэдисоном, Т. Джефферсоном и некоторыми другими "отцами-основателями", а в наши дни Д. Труменом, Р. Далем и др. Они характеризовали американскую политическую систему как сложенный механизм, состоящий из мириад групп, уравнивающих и сдерживающих друг друга в процессе реализации своих интересов. Эта "плюралистическая модель" предполагает наличие в обществе множества центров власти, вступающих в соглашения и компромиссы, в результате которых принимаются взаимоприемлемые решения. Эта модель не оставляет места бюрократии в традиции американской демократической теории.

Плюралистическая демократия имела свои недостатки, например, "осознанное ударение на представительность и фрагментацию правительственных институтов с целью предотвращения концентрации власти" (25, с. 20). В результате она не смогла обеспечить механизм рационального принятия решений или же сильного руководства исполнительной власти. К тому же она создавала возможности для злоупотреблений властью.

В ответ на эти недостатки плюрализма возникла "модель административной эффективности". Наиболее видным приверженцем этой модели был В. Вильсон. Эта модель, представляющая собой прямую противоположность плюралистической модели, делает ударение на оовершенно других ценностях и целях. Она придает первостепенное значение категории "эффективность". В противоположность плюралистам Вильсон защищал принцип концентрации власти в руках исполнительной ветви и критически оценивал доктрину "сдержек и противовесов". Во многом отвергая "групповой плюрализм", Вильсон обосновывал необходимость введения профессионализма в систему управления, т. е. государст-

венных служащих, подобранных, исходя из их профессиональной компетентности. Инструментом профессионализации управления стала бюрократия, которая основывалась на принципах "иерархии и специализации функций". Причем "логика бюрократической организации" была заимствована из опыта деятельности частных предприятий. В целом "идея бюрократии" занимает ключевое место в модели "административной эффективности" (25, с. 27). Важную роль здесь играет также ударение на планирование и централизованный фиксальный менеджмент. Все это предполагает усиление прерогатив исполнительной власти, призванной координировать и направлять различные компоненты власти.

Как считает автор, "плюралистическая модель - это преимущественно политическая модель и восходит своими корнями к конституционным теориям государства, так же как и к теориям свободы и прав" (25, с. 30). Модель "административной эффективности" в определенном смысле "частичная теория", поскольку она концентрирует внимание в большей степени на административном процессе, взятом сам по себе, нежели на всей политико-административной системе. Еще более важно то, что модель "административной эффективности" носит на себе печать организации бизнеса. В целом "модели плюралистической демократии и административной эффективности систематически вступают в конфликт по таким параметрам, как централизация против децентрализации, распыление власти против концентрации власти, наделение властью граждан и политиков против наделения властью экспертов и бюрократов" (25, с. 33). В оценке соотношения этих двух моделей в США наметились два направления. Представители одного направления обосновывали необходимость отделения системы управления от политики. Представители другого направления рассматривали президента и бюрократию как комбинацию моделей плюралистической демократии и "административной эффективности". Как считает сам Йейтс, в XX в., особенно после "нового курса" в американской государственно-политической системе модель "административной эффективности" приобретала все более растущий вес за счет плюралистической модели. "В

последние десятилетия, в ответ на внешние давления, порожденные все более растущими политическими проблемами, модель "административной эффективности" получила преобладание над прежней господствующей моделью плюралистической демократии, в результате чего власть перешла к президенту и ~~бюрократам~~ (25, с. 50). Сформировалась "бюрократическая демократия", в которой административный компонент политико-административной системы взял на себя ответственность за принятие решений и их реализацию. В классической теории "сдержек и противовесов" условием для достижения "равновесия власти" было существование множества конкурирующих между собой центров власти. "Равновесие власти" достигалось также вследствие того, что различные центры власти осуществляли различные функции и само разделение функций служило в качестве системы "сдержек и противовесов". В настоящее время при господстве системы бюрократической демократии "нельзя говорить о действительном разделении властей. Так, президент оказывает большое влияние на законодательный процесс. В то же время бюрократия приобретает законодательную роль, превратившись в решающую силу при выдвигании законодательных предложений, и выполняет исполнительные функции, когда она принимает ключевые решения в сфере реализации государственной политики. Она играет также роль судебных властей, особенно в сфере регулирования при рассмотрении апелляции на свои собственные решения и организует слушания для решения конфликтов относительно административного права. Другими словами, говорит Йейто, бюрократия, превратившись одновременно в законодателя, администратора и судью", представляет "угрозу фундаментальным нормам плюралистической модели" (25, с. 115). Как же политологи буржуазно-либерального направления мыслят себе пути выхода из создавшегося положения? Интересна в этой связи позиция Дж. Гэлбрейта. По его мнению, американское общество пронизано моральным злом. Оно во всевозрастающих масштабах воспроизводит неравенство, бедноту и нищету, развращает людей, разрушает окружающую среду, держит развивающиеся страны под империалистическим гнетом. Правительство не способно

исправить ни одно из этих зол. "Объективизация правительства, - утверждает, Дайзинг, - дало Гэлбрейту возможность увидеть, что правительство в слишком большой степени является зависимой частью планируемого сектора, чтобы обладать сколько-нибудь ощутимой свободой действий в отношении корпораций" (3, с. 224). Но кто же должен реформировать это общество? Ответ Гэлбрейта прост - правительство. По его словам, правительство - часть проблемы, но оно одновременно и средство решения проблемы. Как считает Дайзинг, Гэлбрейт по сути дела имеет в виду не один, а два типа правительства. Одно из них - существующее в данный момент правительство, которое не обладает свободой реализовать какие бы то ни было реформы. Оно детерминируется собственными императивами бюрократического роста и его многочисленными связями с корпоративным сектором. "Оно коррумпировано и беспомощно". Другой тип - это "идеальное правительство", которого можно привести к власти с помощью активизации электората и расширения избирательной базы. "Такое правительство получало бы свою власть непосредственно от народа и поэтому было бы независимо от корпораций". Не нуждаясь в том, чтобы проявить предпочтения в отношении какого-либо особого сектора, оно могло бы "контролировать планирующий сектор и подчинить его целям всего общества". В силу "предвзятости народного правительства все важнейшие инструменты контроля, всеохватывающее планирование и постоянный контроль над ценами и заработной платой отали бы эффективно работать в противоположность тенденциозным формам контроля, осуществляемым прежним правительством" (3, с. 224). По схеме Гэлбрейта, существуют также два электората. Один - это реально существующий электорат, который не свободен, коррумпирован символической политикой правительства, корпоративной рекламой и пропагандой неоклассических экономистов". Этот электорат верит в суверенитет потребителя, свободное предпринимательство, неуклонный рост потребления, в мудрость и моральность элиты. В итоге он не обладает ни властью, ни свободой. Второй - это идеальный электорат, который должен

быть освобожден от всех этих догм и выбирать политических деятелей либерального толка, выдвигаемых или поддерживаемых либеральными организациями типа "Американцы за демократические действия". Результатом было бы "либерально-реформистское правительство, освобожденное от власти корпораций" и решительно настроенное ликвидировать эту власть и реформировать эту систему (3, с. 225).

Большинство буржуазно-либеральных политологов предлагают решение проблем кризиса демократии и либерализма на путях трансформации сознания, морально-этических ценностей, идейно-политических установок. Как считает, например, Гэлбрейт и его последователи из лагеря либералов, поскольку в настоящее время большинство народа поработано ложными убеждениями, его освобождение можно достичь посредством распространения истинных убеждений. Истинная роль ученого состоит в том, чтобы стать "профессиональным советником народа, а не правительства. Настоящий либеральный ученый — это тот, кто освобождает людей, а не тот, кто становится техническим слугой планирующей системы" (3, с. 225).

Другими словами, либеральный ученый видит главный путь реформирования системы в перевоспитании и переобучении народа, распространении правильных идей, поскольку "власть идей освободит народ от ошибок и безумия" (3, с. 226). Здесь лежит одна из главных точек соприкосновения между воззрениями Гэлбрейта и кейнсианско-системного анализа. В обоих случаях резкое разграничение между фактами и ценностями совпадает с резким разграничением между субъектом и объектом. Наука носит объективный и фактографический характер, а моральные оценки, ответственность, вера, надежда и т. д. всецело связаны с субъектом. Профессиональный ученый связывает объект и субъект в силу своей двойной роли ученого и советника. Вопрос Г. Беккера "На чьей стороне мы стоим?" и его аргументы о том, что социальный ученый как ученый в оценке данных и в своем выборе должен занимать сторону либо власти имущих, либо лишенных власти, имеют смысл для элитических и критических интеллектуалов, но не для

кейнсианцев, приверженцев системного подхода и Гэлбрейта с его последователями. Для них вопрос о том, стать на ту или иную позицию или нет, — это личная, а не научная проблема: "как ученые — они нейтральны" (3, с. 226).

Первым шагом в пересмотре политических и экономических отношений, по Сильверу, является их органическое слияние с этикой, что позволит рассматривать "политическую экономию" не как "политизированную экономику", а как комплекс различных функций, объединенных на основе коммунитарной этики. "Демократическая политическая экономия, — утверждает автор, — должна начать и закончить личностью в обществе, рассматривая ее одновременно и как цель и как средство". Причем, по его словам, "лишь возврат к этике трудовой теории стоимости способен примирить экономику и политику" в рамках единой политической системы (21, с. 117). Поэтому предварительным условием реконструирования политической экономии является возрождение и реформирование первоначальных либеральных идей американской культуры. В еще более откровенной форме приоритет идей и фактора сознания перед фактами реальной действительности мы находим у Голдстина. Он утверждает, что в меньшей степени изменяются факты действительности, чем формы восприятия людьми этих фактов. По его словам, в Америке свободный рынок и, следовательно, свободнопредпринимательские капиталистические отношения, никогда не были реальностью, и люди теперь якобы начинают сознавать, что в "рыночной цивилизации рынок отсутствует", что "в стране, где господствуют капиталистические ценности, нет капитализма" (8, с. 40). Исходя из этого, Голдстин делает вывод, что "кризис либерализма представляет собой кризис восприятия" людьми действительности (8, с. 115). Поэтому, утверждает Голдстин, "разрешение либерального кризиса требует революционного изменения в самой концепции равных возможностей", замену либеральной идеи "экономического равенства" "демократической идеей, согласно которой все люди должны пользоваться равными правами, не просто быть лучшими среди других, а найти лучшее в самих себе, творческие, эстетические и гу-

манистические измерения в своих личностях" (8, с. 99–100). Определяющую роль в этой "революции" автор отводит науке. По его мнению, наука в настоящее время становится "единственной организационной силой", способной справиться с современными проблемами. Осознав факт ограничения корпорацией возможностей отдельного индивида, утверждает Голдстин, ученые, приобретающие все возрастающую самостоятельную роль, начинают борьбу за контроль над политикой корпораций. При этом, как считает автор, они должны найти опору в рамках "реальностей постиндустриального общества" (8, с. 127).

Другими словами, согласно представителям буржуазного либерализма, кризис американской общественно-политической системы можно разрешить путем перестройки умонастроений людей с помощью науки, не затрагивая суть самой системы. Однако они упускают из виду тот факт, что личность человека, социальные типы людей, характер их взаимоотношений в конечном итоге складываются в процессе социализации, в котором определяющую роль играют господствующие в обществе социально-классовые отношения, ценностные системы, социально-психологические установки и т.д. Разумеется, наука способна так или иначе влиять на этот процесс, но характер и формы использования и развития самой науки определяются типом общественно-политической системы. Но либералы не желают признать это и ищут пути преодоления кризиса американской общественно-политической системы не в ее перестройке, а в "рациональном" использовании науки и в изменении форм сознания людей. Поэтому естественно, что предлагаемый путь выхода из кризиса представляет собой не более чем очередную утопию, лишенная какой-либо реальной основы.

§ 4. Социал-демократы о закономерностях общественно-политического развития США

Большое внимание проблемам кризиса общественно-политической системы США и дальнейших путей ее развития уделяют представители левого радикализма. В наиболее

разработанном виде позиции этого течения представлены одним из руководителей и идеологов левого крыла американской социал-демократии М. Харрингтоном. Харрингтон видел два альтернативных пути развития современной капиталистической системы: либо люди сознательно и демократическим путем создадут новое общество в соответствии с принципами свободы социальной справедливости, либо новое общество образуется вопреки их воле хаотически, попирая эти принципы, и разрушит западный идеал свободы. В последующих своих работах он обосновал тезис о том, что в 70-х годах американский капитализм вступил в период заката. Отвергая различные концепции трансформации капитализма в постиндустриальное или посткапиталистическое общество, он доказывал, что экономический кризис 1973-1974 гг. являлся одним из проявлений кризиса капиталистической системы в целом. Как считает Харрингтон, в 70-х годах США достигли поворотного пункта в своей истории. Характерное для того десятилетия одновременное сочетание высокой инфляции и безработицы подорвало все общепринятые теории и основанные на них политические курсы. В этом плане, по его мнению, положение напоминает период великого экономического кризиса 30-х годов: в 80-х годах, так же как и 30-х годах, американская система претерпит глубокие изменения, которые окажут глубокое воздействие на все сферы общественной жизни страны (10, с. 39).

Лейтмотивом последних работ Харрингтона является мысль о том, что кризис, переживаемый в настоящее время капиталистической системой, носит структурный характер и порожден закономерностями функционирования самой капиталистической системы. "Мы переживаем, - говорил Харрингтон на пленарном заседании конференции социалистов в Вашингтоне в 1980 г., - структурный кризис. Старый либерализм, несмотря на все его достижения, выдохся. Безработица и инфляция движутся в одном направлении, и снижать одну путем повышения другой уже невозможно". Естественно, говорит Харрингтон, что "неравное распределение богатств - важное условие существования и функционирования капиталистической системы". Поскольку капиталисты принимают

ключевые решения относительно инвестиций в экономику, они должны получить все более растущие прибыли. Другими словами, система не способна работать без "базового субстрата несправедливости" (10, с. 42). Однако эта же несправедливость, по мнению автора, периодически становится главным препятствием для нормального функционирования системы. Ограничение потребления большинства народа ведет к недостаточности или отсутствию достаточного спроса на товары, производимые гигантскими корпорациями. "Государство благосостояния" в значительной мере было реакцией на эту проблему. Предполагается, что незначительное повышение инфляции в результате увеличения покупательной способности населения посредством трансфертных и других социальных выплат стимулирует полную занятость. После введения Р.Фузвельтом этой системы она фактически работала в течение двух коротких периодов: в период второй мировой войны, когда военные расходы федерального правительства достигли 50% всего ВВП страны, и в период президентства Дж.Кеннеди. Суть вопроса состоит в том, что трансфертные выплаты представляют собой не просто благотворительность, а "структурную потребность системы". Без них экономический цикл "бума и спада" оказался бы значительно более длинным и более суровым (10, с. 42). В период "Великого общества" 60-х годов правящие круги США и буржуазные идеологи стали утверждать, что традиционный экономический цикл, состоящий из фаз подъема и спада, стал достоянием истории, и процветание стало "нормальным состоянием" американской экономики (10, с. 37). Как указывает Харрингтон, эти утверждения оказались лишь благими пожеланиями, поскольку и в нынешних условиях традиционный экономический цикл является одним из центральных причин и элементов кризиса "государства благосостояния". За одно только десятилетие с конца 60-х годов американская экономика пережила три спада. В целом, утверждает Харрингтон, экономический цикл и в наши дни продолжает свой "разрушительный путь". В этом плане новым моментом является "политизация" цикла. Дело в том, что все кризисы последнего десятилетия были

в определенной степени вызваны преднамеренно самими предпринимателями. По его словам, благосостояние способствует росту боевитости профсоюзов, падению производительности, ослаблению производственной дисциплины, и в итоге корпорации начинают открыто "ратовать на спад". Они перестают рассматривать спад как ненормальное явление, считая, что он выполняет полезную функцию, заставляя менеджеров повысить эффективность производства и в то же время способствуя снижению учетных ставок и инфляции (10, с. 38). Как считает Харрингтон, эти моменты коренятся в неплановой экономической системе, ориентированной на максимальную прибыль, которой соответствует несправедливое и неравномерное распределение богатств. Как пишет Харрингтон, "в настоящее время американская экономика — это отнюдь не миф Адама Смита, в котором отдельные индивидуальные инвесторы решают судьбы производительности и новой технологии". Источником ее инвестирования являются "коллективные и общественные" фонды. "Соединенные Штаты, — пишет он, — являются во все более растущей корпоративной коллективистской страной. На командных постах экономики доминирующее положение занимают многонациональные олигополии с таким же чувством социальной ответственности, как и у банков, которые помогли японским сталеплавильщикам ликвидировать рабочие места в Америке. Правительство, которое играет важную роль в функционировании системы, независимо от того, кто находится у власти, благоприятствует корпорациям". По словам Харрингтона, эта "конвергенция между корпоративными и правительственными приоритетами является результатом того, что "высший социальный класс", т.е. собственники многонациональных корпораций, играют непропорционально большую роль в формировании государственной политики. Они контролируют процесс инвестирования, решают, какую технологию развивать, где ее размещать и какую на нее назначить цену. При желании они могут наращивать всю систему. Поэтому очевидно, что если "государство благосостояния" представляет собой попытку модифицировать капитализм, то корпорации, в свою очередь, также обладают воз-

возможностями модифицировать "государство благосостояния" и приспособить его к своим интересам (42, с. 30).

Касаясь путей решения стоящих перед капиталистической системой проблем и поисков выхода из кризиса, Харрингтон приходит к выводу, что существуют "жесткие институциональные ограничения на деформирование системы до тех пор, пока решающая функция инвестирования монополизирована корпоративной элитой" (9, с. 27). Решение проблем, порожденных кризисом, согласно Харрингтону, осложняется тем, что стагфляция толкает друг против друга те социальные группы, которые на самом деле должны действовать сообща. Социальные группы, находящиеся на нижних и средних ступенях социальной лестницы, борются друг с другом, вместо того чтобы объединиться против корпораций богатей на вершине системы, которые ответственны за все нынешние проблемы. Противоречия существуют даже внутри отдельных социальных групп. Например, одни группы рабочих обвиняют в инфляции другие группы рабочих. В такие времена неопределенности и обособления достижение социального единства затруднительно (9, с. 37). По аналогии с тезисом Дж.Гоббса, который характеризовал естественное состояние как борьбу всех против всех, "государство благосостояния" можно характеризовать как состояние борьбы между различными группами. Конфликты между бедняками, рабочим классом и средним классом делают положение корпоративных богатей более безопасным. Но тем не менее в этот период изменений и неопределенности те же меры, которые сделали для них так много, представляют угрозу их положению. Во-первых, "государство благосостояния" породило "новую групповую борьбу". Дело в том, что в нынешних условиях "организация, в которой человек работает, становится также значимой, как и то, чем он занимается внутри данной организации" (9, с. 45). Наглядное представление об этом дает "объединенный фронт членов профсоюзов и работодателей" против мер, направленных на охрану окружающей среды. "Каждый человек в определенной отрасли индустрии от президента до самого низшего служащего чувствует общий интерес в противодействии мерам в защиту общества" (11,

с. 48). Этот феномен наблюдался в конфликте между фермерами и самостоятельными водителями грузовиков, в период нехватки дизельного масла в 1979 г. Для разрешения кризиса было вынуждено вмешаться федеральное правительство. Следует обратить внимание на то, что здесь не было "классической борьбы между рабочими и боссами или бедными и богатыми" (там же). Этот конфликт, по словам Харрингтона, представлял собой "драматический пример проявления новых социальных конфликтов, возникающих из самого аппарата "государства благосостояния" (там же). В центре стояла правительственная политика, а не частный капитал, и обе сруппы состояли из работающих людей.

Все эти моменты, согласно Харрингтону, усугубляются тем, что "государство благосостояния" – это "первое агностическое общество в истории Запада". Здесь религия играет все уменьшающуюся роль. Миллионы людей оказались освобожденными от старых ценностей, но на смену им не пришли, как полагали классические марксисты, идеи солидарности всех людей в этом мире. Более того, "они гниют в период манипулируемого и коллективизированного индивидуализма, в котором потребление характеризуется как гражданская добродетель". Результатом является "кризис атеистического гуманизма так же, как и религии" (10, с. 48). "Экономические и социальные изменения, вызванные "государством благосостояния", усилили начавшийся уже давно кризис религиозной веры, и отсутствие религиозной веры сделало кризис "государства благосостояния" еще более трудным" (10, с. 50). Харрингтон исходит из того, что современный кризис капитализма носит глобальный характер, и поэтому его невозможно разрешить в рамках одной, отдельно взятой страны (9, с. 29–30).

Поэтому Харрингтон проявляет интерес к проблеме решения современного кризиса на глобальном уровне сотрудничества между всеми развитыми индустриальными и развивающимися странами. В данном плане он следует в русле популярных в настоящее время на Западе концепций о "новом мировом порядке".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arvon H. Les libertariens americains: De l'anarchisme individualist á l'anarcho-capitalisme. — P., 1983. — 160 p.
2. Barry N. Review article: The new liberalism. — Brit. j. of polit. science, L., 1983, vol. 13, N 1, p. 93-123.
3. Diesing P. Science and ideology in the policy science. — N.Y., 1982. — 460 p.
4. Downs A. An economic theory of democracy. — N.Y., 1957. — 310 p.
5. Dye Th. Who's ruling America?: The Carter years. — Englewood Cliffs, 1979. — VII, 253 p.
6. Dye Th., Zeigler L.H. The irony of democracy: An uncommon introd. to Amer. politics. — Belmont (Cal.), 1972, — XX, 398 p.
7. Gilder G. Wealth and powerty. — N.Y., 1981. — XII, 306 p.
8. Goldstiene P.M. The collapse of liberal empire: Science a. revolution in twentieth cent. — New Haven: London, 1977. — 139 p.
9. Harrington M. Decade of decision: The crises of Amer. system. — N.Y., 1980. — 354 p.
10. Harrington M. Why the welfare state breaks down? — Dissent, N.Y., 1980, vol. 27, N 1, p. 37-50.
11. Harrington M. A path for America: Proposals from the democratic left. — Ibid., 1982, vol. 29, N 4, p. 405-421.
12. Huntington S.P. American politics: The promise of disharmony. — Cambridge (Mass.), 1981. — VIII, 303 p.
13. Huntington S.P. American ideals versus American institutions. — Polit. science quart., N.Y., 1982, vol. 97, N 1, p. 1-37.
14. Miller A.S. The modern corporate state. — Westport, 1976. — XVI, 271 p.
15. Novak M. The American vision: An essay on the future of democratic capitalism. — Wash., 1979, — 60 p.
16. Novak M. Mediating institutions: The communitarian individual in America. — Public interest, N.Y., 1982, N 68, p. 3-20.
17. Nozik R. Anarchy, state, and utopia. — N.Y., 1974, — XVI, 367 p.

18. Rand A. Capitalism: The unknown ideal. — N.Y., 1966. — IX, 309 p.
19. Ringer R. Restoring the American dream. — N.Y., 1979. — 320 p.
20. Rothbard M. The ethics of liberty. — Atlantic Highlands (N.Y.), 1982. — X, 268 p.
21. Silvert K. The reason for democracy. — N.Y., 1977. — 136p.
22. Sowell Th. Knowledge and decisions. — N.Y., X, 422 p.
23. Wolin Sh. The new conservatives. — New York rev. of books, 1976, vol. 23, N 1, p. 6—11.
24. Will G. Statecraft as soulcraft: What gov. does. — N.Y.: L., 1984, — [2], 186 p.
25. Yates D. Bureaucratic democracy: The search for democracy a. efficiency in Amer. government. — Cambridge (Mass.); London, 1982. — 224 p.

К.С. Гаджиев

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ МИРОВОГО ПОРЯДКА В КОНЦЕПЦИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ США

(Научно-аналитический обзор)

В данном обзоре предпринята попытка показать идеологические основы некоторых концепций мирового порядка западных, в основном американских, политологов. Термин "новый мировой порядок" используется в обзоре в том значении, как он понимается в западной науке, естественно, не признающей того факта, что создание нового мирового порядка исторически связано с социалистической революцией.

Взгляды западных идеологов на мировой порядок имеют весьма существенное значение для изучения внешнеполитической стратегической линии Запада, поскольку в целом "англо-американская теория стратегии — это комплекс взаимосвязанных представлений о международном порядке и его сохранении" (2, с. 23).

Выявление теоретических основ концепций мирового порядка помогает уяснить истинную сущность позиций американского империализма в отношении конкретных проблем международной политики и способствовать созданию определенной теоретико-методологической базы для эмпирического изучения актуальных проявлений внешнеполитической линии Вашингтона.

В буржуазной научной литературе на сегодня не существует общепринятого значения термина "мировой порядок". Чаще всего его приравнивают к системе международных отношений и связывают с идеями развития общественных и

политических отношений, альтернативных существующим. Однако нередко буржуазные идеологи рассматривали мировой порядок как средство для поддержания существующей системы. Известный американский политолог, профессор Гарвардского университета С.Хоффман писал, что в годы "холодной войны" "Америка была поглощена соперничеством великих держав, которое превалировало над идеей установления мирового порядка; точнее, мировой порядок, к которому стремились американские лидеры, рассматривался в качестве плотины против коммунизма" (8, с. 7). Таким образом, очевидно, что одно из представлений о мировом порядке — это поддержание стабильности в смысле сдерживания коммунизма. Отсюда вытекает особая "антикоммунистическая мораль", т.е. представление о том, что, борясь с распространением коммунизма, США как образец демократии выполняют свой моральный долг перед мировым сообществом, становится во главу угла американской внешнеполитической стратегии наиболее консервативно мыслящими представителями политической науки США.

Влиятельным направлением в американской политологии является школа "политического реализма". В настоящее время к администрации Рейгена близки именно представители этой школы. Например, Фред Чарльз Икле¹⁾, которого американские ученые относят к "политическим реалистам", считает, что создание любого нового международного порядка не может привести к отмене ядерного оружия; именно сохранение этого оружия является необходимым условием для того, чтобы избежать ядерной войны (цит. по: 13, с. 294).

Икле полагает, что при современном международном порядке невозможно запретить ядерное оружие. Представление Икле о ядерном сдерживании является типичным для большинства официальных лиц и специалистов по вопросам национальной безопасности в США вот уже на протяжении

1) Фред Чарльз Икле — заместитель министра обороны в администрации Рейгана. — Прим. авт.

20 лет. Среди сторонников политического реализма такие теоретики, как Р.Нибур, Г.Моргентау, Дж.Кеннан, У.Липпман, Г.Киссинджер и др. В вопросе об установлении нового мирового порядка (без уничтожения ядерного оружия) они интерпретируют американскую внешнеполитическую установку как попытку совместить своекорыстные, прагматические интересы нации, с одной стороны, и высокоморальные соображения — с другой.

Либералы, многие из которых называют себя радикалами или прогрессистами, выступают за то, чтобы Америка активнее боролась со всеми проявлениями зла во всем мире — военнопromышленным комплексом, большим бизнесом, растрачивающим природные ресурсы и разрушающим окружающую среду, и т.д. Они видят главную задачу Америки в том, чтобы "вести охваченную опасностями планету к новой морали и политическому порядку, основанному не на равновесии сил, а на принципах справедливости, защиты прав человека, удовлетворении его потребностей и новом равновесии между национальным самоопределением и глобальной взаимозависимостью" (8, с. 85).

И наконец, существует точка зрения умеренных "идеалистов", которые отказываются от гегемонистских претензий и выступают за использование "американской морали" в интересах международного сотрудничества. Они, как и прогрессисты, настаивают на важности транснациональных и международных сил, на значимости общих для всего человечества проблем, на необходимости для США различать консерватизм и политическую стабильность в мире, антикоммунизм и демократию, защиту капитализма и политическую демократию. Однако они сознают, что одна Америка уже не способна переделать мир.

Важнейшими отличиями консервативного и либерального крыла буржуазной политологии являются их различные трактовки вопроса о том, считать ли целью внешнеполитической стратегии Запада поддержание социально-политического статус-кво (что типично для консерваторов) или же ограничиться контролем над ходом и направлением процессов социально-экономического и политического развития (как

это предлагают либералы). Либеральный политолог С.Хоффман пишет, что мировой порядок не является формулой управления сложившейся ситуацией. Это связано в особенности с тем, что последняя несет в себе зародыш своего собственного разрушения как на международном уровне, так и часто внутри страны (8, с. 189). Либералы полагают, что мировой порядок не может быть достигнут с помощью мировой революции. Здесь, по их мнению, необходима глубокая, постепенная и контролируемая трансформация всей системы международных отношений, а уже затем — и внутренней политики отдельных стран. Позже Хоффман вновь проводил эту мысль. Нереалистичность нынешней американской внешней политики заключается в том, пишет американский политолог, что в ее основе лежит "меттерлиховский подход", отождествляющий стабильность и статус-кво (7, с. 34). Хоффман призывает руководителей США способствовать изменениям там, где это неизбежно.

Каким же образом нужно способствовать поддержанию или установлению того мирового порядка, который был бы приемлем и желателен для США? Другими словами, какова здесь роль силы, в каких границах допустимо ее применение во внешней политике? На сугубо теоретическом уровне решение этой проблемы обычно усматривается в виде ответа на вопрос о том, оправдывает ли цель средства. Сотрудники Стондордского университета Г.Крейг, президент Американской исторической ассоциации, и А.Джордж, бывший президент Ассоциации международных исследований, выделяют в связи с этой проблемой три школы (3, с. 270).

Представители первого направления, признавая необходимость высокой моральности поставленных целей, допускают все же возможность применения аморальных способов их достижения. Крейг и Джордж считают возможным причислить к ним некоторых политологов школы "политического реализма" правой ориентации. К этому же направлению относятся, по мнению авторов, идеологические фанатики (как, например, Гитлер) и крайние националисты и террористы. Эти люди настолько верят в моральную оправданность и величие своих целей, что для их дости-

жения готовы использовать любые средства, которые окажутся эффективными.

Последовательными противниками такой позиции выступают сторонники "перфекционистского" направления. Они считают, что как бы благородны ни были поставленные задачи, они должны решаться лишь методами, основанными на критериях человеческой нравственности. Самым буквальным образом придерживаются этой позиции пацифисты, которые не признают насилия и использования военных средств даже в случаях самообороны. Крейг и Джоридис считают, что в целом на той же платформе находятся те, кто выступал в свое время с острой критикой политики "холодной войны". Эти люди не были коммунистами и не отличались симпатиями к Советскому Союзу, но они опасались, что политика "холодной войны" порождающая такие кризисы, как берлинский (1948) или кубинский, может привести к развязыванию ядерной войны.

Как правило, люди, принимающие политические решения в США, являются сторонниками третьего направления - "нонперфекционистского". Они полагают, что решение проблемы и средства достижения цели зависят от конкретных обстоятельств. Главное, по их мнению, - выяснить, при каких условиях и какие цели оправдывают то или иное средство. Приведем по этому поводу рассуждение С.Хоффмана. Он считает, что наряду с моральной оценкой цели должны также оцениваться с двух других точек зрения. Он предлагает отказываться от нереальных целей, то есть от тех, достижение которых крайне затруднено. И с другой стороны, он указывает на наличие более неотложных, по сравнению с моральными, целей. "Благородные цели могут быть скомпрометированы ошибочным выбором средств их достижения. Последние должны быть соразмерны как с преследуемой целью, так и с местом этой цели в общей иерархии целей. Поэтому необходимо выбирать средства, которые не влекут за собой издержек, превышающих размеры возможных потерь в случае их неприменения" (6, с. 33). К этому направлению относят обычно большую часть представителей школы "реальной политики". "Большинство поли-

тиков и их советников в такой стране, как Соединенные Штаты, — утверждают Крейг и Джордж, — считают себя последователями nonперфекционистского подхода. Но они, как правило, следуют nonперфекционизму и делают это не только потому, что лежащие в его основе общие положения слишком расплывчаты, но и потому, что на процесс принятия решений часто оказывают влияние другие, более мощные силы, чем сила моральных соображений" (3, с. 276).

Итак, противоречие между попытками морализации международной политики и свободной в применении силы ее субъектами в значительной мере является причиной исторических идеологических различий, в подходах к этике применения (или неприменения) силы в международных отношениях.

Современные буржуазные ученые пытаются критически пересмыслить господствующие в области применения норм морали в международных отношениях идеи и концепции, восходящие к теории естественного состояния войны всех против всех английского философа и политического мыслителя Т.Гоббса, теории морали государств, впервые сформулированной С.Пуфендорфом, теории справедливости Дж.Ролса и взглядам немецкого социолога М.Вебера. Согласно мысли Гоббса, до возникновения государства люди находились в естественном состоянии взаимной вражды и только с помощью государства удалось положить конец такому состоянию и утвердить определенный морально-правовой порядок. Гоббс развивает эту мысль, утверждая, что в международной сфере сохраняется состояние "войны всех против всех". Таким образом о моральных нормах во взаимоотношениях между государствами не может быть и речи.

Американский политолог Стэнли Хоффман полагает, что сам тезис о том, что государство на международной арене находится в естественном состоянии "войны всех против всех; не соответствует действительности. На исторических примерах Хоффман пытается доказать, что это положение неверно, затем он дает вывод об ошибочности тезиса в масштабах всего мира (6, с. 14).

С развернутой критикой гоббсовской теории выступил и профессор политических наук Суартморского колледжа Чарльз Бейтц. В своей книге "Политическая теория и международные отношения" (1), ставя перед собой задачу разработки более удовлетворительной политической теории международных отношений, он пересматривает господствующие в этой области концепции, большое место уделяя именно критике Гоббса.

По мнению Бейтца, государство, как и любой другой институт, призванный обеспечить благосостояние и права людей должно отвечать определенным моральным требованиям, если оно претендует на законность. В отношении отдельного государства существование правовых норм общепризнано. Но в международных отношениях господствующие политические буржуазные теории их отрицают. Доказывается, что в межгосударственной системе отношений не может быть универсальных моральных (как, впрочем, и любых других) принципов, пригодных для всех государств (1, с. 13). Под господствующими теориями подразумеваются прежде всего концепции представителей школы "политического реализма", которые исходят в своих теоретических разработках из взглядов Гоббса.

Вслед за Гоббсом Бейтц утверждает, что невозможно говорить о моральных ограничениях, когда дело касается отдельного человека; однако, Бейтц не согласен с Гоббсом тогда, когда дело касается таких же ограничений государствам. Гоббс писал, что отдельный индивид может действовать в соответствии с моральными нормами лишь в том случае, если он убежден в том, что все остальные также будут руководствоваться этими нормами. Где нет такой уверенности, там не может быть и моральных правил (1, с. 28-29). Гоббс полагал, что в естественном состоянии нет места утверждениям о правом и неправом, справедливом и несправедливом. Государства не будут держиваться норм морали во взаимоотношениях, поскольку не уверены, что остальные государства поступят таким же образом и поскольку не существует высшей власти, которая была бы в состоянии регулировать отношения между госу-

дарствами и применять санкции против нарушений норм международного сотрудничества.

По мнению Ч.Бейтца, гоббсовское положение "о войне всех против всех" могло бы соответствовать действительности, если бы субъектами международных отношений были бы государства примерно равной моши и если бы не существовали нормы международного сотрудничества. Бейтц подробно образом доказывает отсутствие в реальной жизни данных условий. Во-первых, государства не являются единственными действующими лицами в международных отношениях, существуют и всегда существовали также различные коалиции, союзы. Кроме того, после второй мировой войны резко возросло значение транснациональных организаций. На внешнеполитические решения отдельных государств особое влияние могут оказывать такие транснациональные организации, как, например, многонациональные корпорации. Во-вторых, государства на международной арене не обладают равной мощью. В-третьих, политика любого государства, по мнению Бейтца, даже его внутренняя политика не может быть полностью независима от политики других государств, поскольку безопасность и благосостояние любого государства в определенной степени зависит от безопасности и процветания других государств. Что касается вопроса безопасности, то все великие державы имеют общий интерес — предотвращение ядерной войны, что определяет некоторую степень доверия и предсказуемости в их отношениях друг с другом (1, с. 42—43). Этот принцип взаимозависимости работает также и в сфере экономических отношений. В-четвертых, в настоящее время, как считает автор, различные сферы международных отношений характеризуются наличием высокой степени добровольной приверженности общепринятым нормам морали и правилам международной жизни. Развита широкая сеть международных организаций. Бейтц делает общий вывод о том, что сейчас существует определенный комплекс норм и правил сотрудничества, которые связывают все государства, поскольку у них есть целый ряд общих интересов, которые можно реализовать лишь в том случае, если они будут придерживаться этих правил.

Интересно отметить, что некоторые другие буржуазные политологи, признавая тезис о взаимозависимом мире, тем не менее утверждают, что, поскольку государства остаются главными действующими лицами в системе международных связей, здесь в этой сфере продолжают преобладать конфликты и слабая приверженность общим нормам поведения государств (8, с. 111). Как думает, например, С.Хоффман, в настоящее время общепризнанных нормах межгосударственного сотрудничества, в связи с угрожающим скачком в сфере вооружений, идеологическими и национальными противоречиями, неравномерным распределением силы сохраняются многие признаки состояния войны между государствами.

Итак, среди западных идеологов существуют противоположные оценки относительно того, насколько сильно развиты в настоящее время нормы межгосударственной морали.

Противоречия и споры вызывает и вопрос о том, о какой морали идет речь. Ведь существует и точка зрения, согласно которой единственными субъектами прав и обязанностей являются индивиды. По другим представлениям мораль понимается как атрибут государства. Некоторые авторы (например С.Хоффман) занимают по этому вопросу компромиссную позицию. Он и не согласен с тем, будто "государства представляют собой самостоятельные сущности, обладающие особыми правами, независимо от человеческих существ, которые их составляют" (6, с. 59). Те авторы, которые утверждают, что государства являются субъектами международной морали (Ч.Бейтц), по сути повторяют тезис, выдвинутый еще в XVII в. С.Пуфендорфом.

Современные исследователи, соглашаясь с С.Пуфендорфом в отношении принципа самоопределения государства, с тем положением, что государство должно самостоятельно решать свои внутренние проблемы и распоряжаться богатствами своей территории, выступают с критикой его тезиса, согласно которому нет никаких моральных норм, регулирующих взаимоотношения между государствами.

Они пытаются найти основу для выработки возможных норм сотрудничества. Ч.Бейтц, например, за такую основу берет принцип справедливости. В зависимость от принципа

справедливости Ч.Бейтц ставит даже принцип самоопределения. "Вмешательство во внутренние дела, колониализм, империализм и зависимость в моральном отношении неприемлемы не потому, что они нарушают право на независимость, а потому, что они несправедливы", они "нарушают принципы справедливости, которыми должны определяться отношения между государствами, а также отношения между индивидами внутри самих государств" (1, с. 69). Весьма значим тезис Бейтца о том, что в отдельных случаях право на независимость государства может быть нарушено, если этого требует реализация принципа справедливости. По его мнению, "только те государства, чьи институты удовлетворяют соответствующим принципам справедливости, могут на законном основании требовать к себе уважения как независимые источники целей" (1, с. 81). Бейтц развивает эту мысль далее: если социальные и политические институты того или иного государства не соответствуют общепринятым принципам справедливости, другие государства вправе вмешиваться в его внутренние дела для содействия принятию им справедливой конституции (1, с. 81-82).

Таким образом, этот буржуазный идеолог подводит теоретическую базу под политику США, направленную на вмешательство американцев во внутренние дела других государств. Даже буржуазные авторы (С.Хoffман) видят главную уязвимость данной теории в том, что Бейтц не был в состоянии четко изложить, что он подразумевает под принципами справедливости (6, с. 57). Что это за принципы справедливости, которым должны удовлетворять общественнополитические институты других стран? Может быть, здесь подразумевается форма правления (демократическая или авторитарная)? Нет. Это оговорено у Ч.Бейтца. "Форма правления независимого государства не имеет значения, если она ставит своей целью достижение в стране справедливости в отношении всех своих граждан" (1, с. 104). Но совершенно очевидно, что справедливость в данном случае трактуется на буржуазный манер.

Если Бейтц видит мировой порядок, основанный на принципах справедливости, понимаемых, конечно, в буржуазном

смысле, и оправдывает американское вмешательство в дела других государств с помощью этого принципа, то другой известный западный идеолог Сэмюэль Хантингтон, профессор Гарвардского университета, более откровенен в своих представлениях о мировом порядке. Путь к мировому порядку, по его мнению, — это процесс сокращения разрыва между американскими ценностями и институтами других стран. Практически это означает навязывание американских ценностей другим странам и народам, т.е. то же самое активное вмешательство США в дела других государств, что проповедует в своей теории Ч.Бейтс. Хантингтон не стесняется признавать, что сама внешняя политика США должна содействовать распространению этих ценностей в окружающем мире, а это стремление сократить разрыв между американскими ценностями и институтами других стран предполагает "экспансию американской мощи", что в свою очередь ведет к расширению господства и ограничению свободы (10, с. 15). Хантингтон понимает трудность обоснования этого тезиса и с моральной и с практической точек зрения. Действительно, как обосновать с точки зрения морали решимость США создавать в других государствах институты, в то время как было бы естественно, что эти институты должны отражать ценности и представления народов самих этих государств? Кроме того, США понимают, с какими трудностями они столкнутся, пытаясь формировать институты других обществ. Затем, нельзя недооценивать реакцию безусловного раздражения у мирового общественного мнения на проведение подобной американской политики и недовольство других государств, что сокращает возможности реализации других целей и повлечет за собой трудности экономического характера и осложнения в сфере национальной безопасности. Американские теоретики понимают, что попытка повлиять на институциональное развитие других государств вызовет неимоверный рост военной мощи США и повлечет за собой расширение экономических возможностей американского правительства. Это безусловно создает угрозу демократии внутри страны.

Несмотря на все эти слабые места в своей концепции, Хантингтон все же пытается обосновать правомерность навязывания американских ценностей другим народам. Он пишет, что попытка изменения американцами государственных институтов может быть оправдана, если данные институты представляют прямую угрозу американским институтам и ценностям. Правда, автор сам понимает сомнительность данного тезиса, признавая, что зачастую бывает весьма трудно определить, представляют ли эти институты реальную угрозу для США. Чтобы как-то придать весомость тезису о прямой угрозе, Хантингтон связывает ее с существованием авторитарных режимов в любой форме (!) и на любом континенте (!), рассматривая их как потенциальную угрозу либеральным демократическим институтам США (10, с. 2). Одновременно Хантингтон считает, что американские ценности принимаются и поддерживаются в определенной мере во многих государствах, поэтому, мол, оправдана некоторая институциональная перестройка в других странах в соответствие с американскими ценностями. Хантингтон полагает, что не существует конфликта между расширением государства и свободной и правами индивида вне Америки; т.е. он, признавая, что власть и свобода несовместимы внутри страны, считает их вполне совместимыми за границей. "Конфликт между американской силой и американскими принципами в действительности исчезает, когда он имеет отношение к американскому влиянию на другие страны" (10, с. 25). В другой своей работе Хантингтон пишет: "Соединенные Штаты на практике самая свободная, самая либеральная, самая демократическая страна в мире, в которой права граждан в правовом отношении защищены гораздо лучше, чем в любом другом обществе. Вследствие этого любое расширение власти и влияния Соединенных Штатов в мировых делах в общем выливается... в содействие свободе и права человека в мире" (11, с. 249). Но США могут служить примером для других стран не только в силу того, что они являются образцом демократии, но и при условии, что они будут играть сильную, лидирующую роль в мире. Америке будут подражать только тогда, пишет Хантингтон, когда по-

верят, что свобода связана с силой и является ее источником. Хантингтон доходит до утверждения о маловероятности антидемократического использования американской силы, поскольку, считает он, американские лидеры, поддерживая политическую культуру Америки, разделяют и присущие ей демократические идеалы. Помимо этого, продолжает Хантингтон, политический плюрализм, свойственный американской системе, не дает руководству возможности злоупотреблять властью.

В последней своей работе Хантингтон указывает пути влияния США на демократическое развитие других стран. Правда, вначале он оговаривается, что способность США влиять на развитие демократии в других странах ограничена. Соединенные Штаты не многое могут сделать, чтобы изменить основную культурную традицию и специальную структуру другого общества или обеспечить компромисс между враждующими группировками внутри этих обществ. В определенных же рамках Хантингтон допускает действия, которые все-таки позволяли бы США влиять на развитие демократии в других странах. Он указывает на четыре направления такого влияния (12, с. 218).

Во-первых, США могут способствовать экономическому развитию бедных стран и более справедливому распределению доходов и богатства в этих странах. Во-вторых, они могут поощрять развивающиеся страны в развитии рыночной экономики и благоприятствовать росту и укреплению буржуазных слоев населения. В-третьих, — перестроить свои собственные экономические, военные и политические силы таким образом, чтобы более интенсивно влиять на международные дела, чем прежде. Наконец, они могут создать программу, направленную на то, чтобы помочь элите развивающихся стран войти в "транзитную зону", которая приведет эти страны к более демократическому порядку. При этом Хантингтон утверждает, что перспективы развития демократии в других странах не являются особенно обнадеживающими, если не будут соблюдены два основных условия. Во-первых, развивающиеся страны должны развиваться более быстрыми экономическими темпами и, во-вторых, США

должны восстановить свою гегемонию в мире 40-50-х годов.

Убеждение Хантингтона в том, что новый мировой порядок должен быть создан путем навязывания другим странам определенных представлений о государственном устройстве не разделяется либеральными идеологами. С.Хоффман полагает, что внешняя политика США не должна быть направлена на утверждение во всем мире исключительно американских идеалов. "Стремление Вашингтона к созданию новой системы мирового порядка предполагает участие других государств в управлении этим порядком" (8, с. 215). Хоффман настаивает на идее бесперспективности крестового похода за демократию. Он связывает свою точку зрения с убеждением, что "при отсутствии мировой идеологии, существует потребность в идеологической эрозии — не просто в прекращении идеологии... а в ее ослаблении" (8, с. 243). Поэтому, считает он, Америка не должна выдвигать образ мирового порядка, основанный исключительно на собственном идеале социального порядка и способный вызвать враждебность тех государств, которые не разделяют одобрительного отношения Америки к некоторым режимам или же американскую веру в рыночную систему. Хоффман выступает за идеологическую эрозию, поскольку считает важнейшим средством достижения "мирового порядка" солидарность капиталистических стран, их осознание общей ответственности, общего чувства долга. Отсюда необходимость общей веры или, если это невозможно, смягчения идеологической жесткости Соединенных Штатов.

Известный американский политолог, профессор социологии И.Горовиц уверен, правда, что в мире уже произошло уменьшение роли идеологии, которая как он считает, уже больше не является, например, основой международных союзов или же препятствием к созданию таких союзов. Он приводит в качестве примера ОПЕК. Как пишет автор, члены ОПЕК — развивающиеся страны имеют соответствующую социальную организацию. Однако они во многом отличаются друг от друга. Хотя в целом ОПЕК считается картелью нефтедобывающих арабских стран, в нее входят неарабские

развивающиеся страны, такие как Индонезия, Нигерия и Венесуэла, представляющие не только совершенно разные религии и культуры, но и занимающие разные идеологические позиции. Да и среди самих арабских стран насчитываются и консервативная Саудовская Аравия, и радикальный Алжир. В экономике этих стран также существует большое количество элементов, которые не вписываются в рамки ни капиталистической, ни социалистической идеологии. Притом Горовиц считает, что такие идеологические смещения произошли не только в развивающихся странах, но и в социалистической системах. Это смещение он показывает на примере поведения стран НАТО и ОВД в ответ на действия ОПЕК. Этим странам не удалось разработать какую бы то ни было общую программу действий в период до или после эмбарго 1973 г.

Профессор социологии в Нью-Йоркском университете И.Кристол пытается обосновать аморальные действия США на международной арене по-другому и говорит о невозможности создания нового мирового порядка. Содружество наций, живущих в соответствии с нормами международного права, было красноречиво описано еще в XVIII в. И.Кантом. С тех пор оно стало органической частью идеологии западного либерализма. Притом утопическим являются не сами нормы международного права. Появление этих принципов международного права еще за два столетия до Канта самым существенным образом способствовало изменению характера международных отношений. Они стали менее "макиавеллистскими", менее силовыми, чем они были и могли бы быть. Но концепция международного права, которая господствовала до Канта, была более скромной по своим задачам и более реалистической в своих оценках, чем понятие о международном праве, которое существует в наши дни. Эта концепция признавала, например, что вмешательство одних стран в дела других государств в определенных случаях является необходимым и неизбежным, и что нарушение национальных границ не всегда нужно рассматривать, как антиморальную акцию, агрессию. Рассматривая сегодняшний уровень международного права, И.Кристол полагает, что она покоится скорее

на принципах "докантовского" понимания международного права, чем на принципах, которые провозгласили Лига Наций или Организация Объединенных Наций (14, с. 27). Более ранние, но актуальные ныне концепции международного права упоминаются еще в "Утопии" Томаса Мора (1515). Эти мысли получили наиболее глубокое развитие у Дж.С.Милля; они вполне совпадают с политикой администрации Рейгана в Центральной Америке (14, с. 27). Кристол считает, что старый либеральный интернационализм, который являлся основой американской внешней политики после второй мировой войны и базой для образования ООН, сейчас переживает процесс дезинтеграции. Этот американский идеолог считает, что и СССР, и разрывающиеся страны пренебрегают принципами Устава ООН. Содружества наций не существует, и великие принципы Устава ООН искажаются в угоду "реальной политике". Соединенные Штаты якобы поставлены перед выбором — вести активную политику сверхдержавы, которой они и являются на самом деле, или возвратиться к периоду квазиизоляции, при котором США смогут сохранить свою моральную чистоту. Либеральное крыло демократической партии выступает за второй вариант внешнеполитической стратегии. Эта позиция основана на вере, что левые тоталитарные режимы будут развиваться в сторону укрепления демократии. Кристол уверен в нереальности такой мечты. Он призывает исходить из интересов США, а не из моральных принципов Устава ООН и будущего мирового порядка. Но далеко не все авторы настаивают на снижении роли идеологии и моральных принципов во взаимоотношениях США с внешним миром. Напротив, буржуазные политологи не жалеют усилий, чтобы найти идеологические обоснования американского взгляда на международные отношения, подвести идеологическую основу под действия США в изменяющемся не в пользу Америки мире. Возникновение новой глобальной ситуации требует от западных авторов новых трактовок проблем демократии. Увеличение мощи и влияния развивающихся стран на мировой арене потребовало от американской идеологии двойного толкования демократии: во-первых, в смысле достижения справедливости в рамках

отдельной страны и, во-вторых, в смысле достижения справедливости между различными странами на мировой арене (9, с. 13). Традиционная международная политическая теория фактически игнорировала проблему справедливого распределения материальных благ на международном уровне. Буржуазные авторы вынуждены признать, что так называемые принципы справедливости только лишь по отношению к национальному государству должны стать общепринятой нормой международных отношений. Доказательство этого тезиса основывается на анализе и критике теории справедливости Дж.Ролса, который ввел понятие "социальной кооперации", рассматривая государство под углом зрения сотрудничества в целях получения блага для всех членов общества. "Социальная кооперация" создается на договорных принципах справедливости, подразумевающих справедливое распределение материальных благ и обязанностей членов общества. Материальные блага создаются на основе совместной деятельности людей, и только при этом условии возможно справедливое распределение благ. Ч.Бейтц пытается распространить теорию справедливости Ролса на международную систему. Если Ролс рассматривает в качестве "социальной кооперации" только отдельное государство, то Ч.Бейтц, считая национальные государства взаимозависимыми системами, представляет себе "социальную кооперацию международного сообщества" (1, с. 132). Для чего понадобилось Бейтцу утверждение принципа справедливости между государствами? Да просто чтобы научным образом обосновать "законность" обеспечения доступа западных стран к материальным ресурсам развивающихся стран. Вот каким образом он это делает.

Прежде всего Бейтц выделяет два элемента в международном сообществе, рассматриваемом им в качестве "социальной кооперации". Это, во-первых, сама кооперативная деятельность людей, которую он характеризует как человеческий компонент материального развития и, во-вторых, минеральные ресурсы, извлекаемые из любой части земли и составляющие естественный компонент материального развития общества. Ресурсы, естественно, расположены на зем-

ле неравномерно. Бейтц стремится доказать, что адекватный доступ к ресурсам для всех стран является необходимым условием для реализации принципов социальной кооперации внутри каждой страны; кроме того, он будет способствовать развитию справедливых политических институтов и экономики и даже будет гарантировать всем членам общества защиту прав человека! Все эти выкладки совместимы с концепцией представления государства в качестве "социальной кооперации". Но ведь Бейтц говорит и о существовании глобальной схемы социальной кооперации, когда государства вступают между собой во всякого рода отношения. Бейтц делает вывод, что если социальная кооперация составляет базу справедливого распределения, то можно полагать, что международная экономическая взаимозависимость является базой, на основе которой должен функционировать принцип справедливого распределения на глобальном уровне. Существующее неравенство в международном распределении материальных благ обусловлено не столько фактором взаимозависимости государств, сколько внутривнутриполитическими факторами в самых слаборазвитых и бедных странах, хотя взаимозависимость и сопровождается расширением разрыва в доходах между богатыми и бедными странами. Участие в международной торговле и инвестициях, как правило, способствует увеличению неравенства внутри слаборазвитых стран, потому что при господствующим там политических условиях выгоды от торговли и отчисления от прибылей иностранных фирм получают представители высших классов; и потому, что в политическом отношении иностранцы-инвесторы склонны поддерживать правительства, проводящие политику неравного распределения материальных благ внутри страны (1, с. 148). Возникла такая ситуация, что в условиях взаимозависимого мира ограничение принципа справедливости внутренними рамками отдельных государств привело к тому, что в ущерб бедным государствам богатые нации смогли (по мнению Бейтца) реализовать у себя принципы справедливости. Но справедливость внутри отдельной страны может иметь моральное основание лишь в том случае, если она совместима с принципами справедливости для всей глобальной системы "социальной кооперации".

Из всего этого Бейтц делает вывод о том, что принципы справедливости следует реализовать прежде всего на мировом уровне в целом, а потом уже на уровне национальных государств.

В отличие от Бейтца другие западные теоретики полагают, что интенсивная растущая взаимозависимость сама по себе не только не приводит к сокращению неравенства внутри развивающихся стран, а, напротив, способствует тому, что в процессе социального и экономического развития эти страны будут продвигаться в сторону развития внутренней демократии. Горовиц, например, утверждает, что эти страны во все большей степени будут характеризоваться усложнением внутрипартийной системы, произойдет постепенное уничтожение классовых привилегий, будет расти участие граждан в общественно-политической жизни своей страны. Горовиц не сомневается в том, что в будущем на смену военному руководству, которое стоит у власти в большинстве развивающихся стран, само собой придет гражданское правительство (9, с. 177). Что касается Бейтца, то при рассмотрении его концепции остается неясным, каким образом будет обеспечена справедливость на национальном уровне (после достижения международной справедливости). У Горовица же все ясно — она будет обеспечена сама собой путем постепенной и неминуемой демократизации развивающихся государств. Хантингтон видит разрешение этой проблемы в торжестве демократии на американский манер в рамках других государств, демократии, которая обеспечивается активным вмешательством США.

Что же касается путей достижения международной справедливости, то большинство теоретиков едины в своем мнении, они настаивают на необходимости преодоления системы национального суверенитета¹⁾. Причем безразлично,

1) Среди немногочисленных ученых, не разделяющих эту точку зрения, — Д.Дэдни, старший исследователь Института проблем мира (США). Он говорит о возможности создания мирового порядка, в основе которого лежит альтернативная система международной безопасности, переход к которой не требует упразднения суверенных государств или учреждения всемирного правительства (4, с. 40).

предусматривается ли консервативная схема создания единого международного управления под эгидой США или концепции либерального толка о формировании мирового правительства на демократической основе. С.Хоффман, например, считает, что понятие независимости государств теряет смысл в новых условиях международной взаимозависимости. В попытках каждого государства отстаивать свой суверенитет он видит путь к увеличению международной напряженности. Он усматривает в этом противоречие между состоянием мировой экономики и системой международных отношений (8, с. 134). Кроме того, он считает, что интересы развития этих стран требуют отказа от политики достижения независимости, поскольку она противоречит задачам сотрудничества, достижения компромиссов и импорта передовой технологии. Ему вторит Р.С.Йохансен, старший научный сотрудник и председатель исследований в области политических наук Института международного порядка. Он пишет: "Политика глобальной безопасности предполагает, что в ядерный век государства не могут быть в полной безопасности и в то же время полностью суверенны" (13, с. 323). Очевидно, что западные идеологи ведут наступление на принцип суверенитета государств по двум направлениям — рассматривая его как фактор, мешающий созданию в перспективе единой хозяйственной системы, и как тормоз в создании единой системы безопасности.

Буржуазные идеологи сегодня по-разному трактуют проблему международной безопасности как составной и главной части мирового порядка. Существует, например, мнение, что политика должна стремиться скорее к стабилизации, чем к изменению международного порядка. Эта точка зрения может быть оправданной: современная система международной безопасности предполагает весьма определенную возможность предотвращения ядерной войны; не существует реальных средств для изменения современной системы с целью сделать ее более надежной.

Другая группа ученых убеждена в том, что изменения, произошедшие в технологии, и последствия этих изменений в военном деле привели к тому, что современная междуна-

родная система не обеспечивает безопасности людей и не отвечает их основным нуждам. Западные ученые считают, что мир перешел от эпохи, когда оружие могло достаточно надежно обеспечивать безопасность государств, к эпохе, когда оружие уходит из-под контроля человека (4, с. 39). Ученые, придерживающиеся этой точки зрения, связывают угрозу международной безопасности с несколькими факторами. Опасность, по их мнению, исходит из стремления к приобретению потенциала первого удара. Принципы самоограничения сверхдержав могут быть подорваны, если вновь появится мечта о создании контрсилового оружия. Мечта эта подогревается на основе технологического развития, стимулируется традиционным военным мышлением. Для многих привлекательность этой мечты состоит в убеждении, что существуют пределы применения контрсилового оружия и возможность контроля над ним. Однако совершенно очевидно, что возвращение к "ограниченной" войне между США и СССР и риск эскалации будут означать крушение послевоенного мирового порядка, который базировался бы на неприменении ядерного оружия. Другая причина ненадежности нынешней системы международной безопасности заключается в существовании процесса распространения ядерного оружия. Притом даже наличие стратегического паритета не в состоянии предотвратить локальные конфликты. И хотя подобные конфликты не могут вызвать хаос и крушение земной цивилизации, всегда существует вероятность их эскалации и в отдельных случаях возможность вовлечения в них великих держав. И действительно, для сверхдержав всегда будет стоять вопрос, когда и с какой силой сказывается противоборство США и СССР на событиях в отдельных регионах планеты. Конечно, невмешательство в дела определенного региона дает возможность избежать нежелательной конфронтации. К тому же в этом случае не нужны расходы на военное и экономическое присутствие в данном регионе. Однако, соблазн вмешательства объясняется реальной возможностью укрепить свое влияние в регионе. В прошлом десятилетии США пытались найти выход из проблемы путем перекалывания ответственности на своих партнеров в регионе. Но

сти попытки, как правило, терпели крах. Либо руководители этих стран пренебрегали интересами Соединенных Штатов, либо их собственные позиции оказывались непрочными, и они лишались внутренней опоры. В целом такое положение можно объяснить противоречием между глобальной "холодной войной" и растущей сложностью системы международных отношений. Сложность создания единой системы международной безопасности, по мнению С.Хоффмана, объясняется еще одним основным противоречием — между общностью системы (характеризуемой наличием ООН и др.) и исключительной разнохарактерностью ее составных частей (5, с. 246). Благоприятные возможности для конфликтов создает разнообразие типов государств, действующих на международной арене. Среди них есть такие народы, которые только создают свои национальные государства, и такие, которые борются за свое освобождение, а также уже сформировавшиеся нации и империи. У каждого государства существует своя интерпретация принципов самоопределения и самоуправления и они стремятся к реализации вариантов, соответствующих их собственному пониманию. Нельзя не учитывать и различие уровней экономического развития и экономических и социальных систем вообще.

Надо принять во внимание и разнообразие происхождения мощи различных государств. Некоторая часть государств на международной арене наделена всеми атрибутами мощи. А у других государств налицо лишь один из факторов силы. (Например, Саудовская Аравия обладает экономическим, а не военным могуществом.) Есть несколько проблем, которые являются особенно взрывоопасными в условиях современной международной системы, — это проблема неравенства, восстание против международной экономической системы, созданной преимущественно ведущими капиталистическими странами, прежде всего США. С этим связано стремление развивающихся стран, имеющих большие запасы ценного сырья, воспользоваться этим обстоятельством.

И еще одно важнейшее противоречие, препятствующее, с точки зрения западных авторов, созданию миропорядка

ка, — противоречие между социальными системами. Они опасаются, что увеличение мощи братских стран социализма может вызвать увеличение числа их союзников среди развивающихся стран и произвести соответствующее противодействие со стороны наиболее могущественных капиталистических держав.

Принимая во внимание все сложности и противоречия современных международных отношений, многие буржуазные политологи приходят к выводу о непригодности господствующей ныне концепции баланса сил, которая не в состоянии ни смягчить существующие в мире антагонизмы, ни предотвратить возможность ядерного самоуничтожения.

В свою очередь, видный буржуазный политический деятель Франции Мишель Понятовский (15) приходит к аналогичному выводу, анализируя ярко проявляющуюся сейчас тенденцию в международных отношениях — тенденцию к интернационализации внешней политики, которая вступает в противоречие с ныне существующей блоковой системой. Повторяя тезис Хоффмана, Йохансена и других, он утверждает, что правительства различных стран все в меньшей степени смогут руководствоваться в своей внешнеполитической деятельности классической концепцией национальной независимости, поскольку большинство проблем, которые встают перед ними, обладают уже новым качеством, они приобретают взаимосвязанный, всемирный характер. Понятовский называет это на французский лад — "мондиализмом".

Действительно, национальные государства вынуждены все активнее согласовывать свои внешнеполитические акции, и совместные действия на международной арене становятся жизненно необходимы. "Мондиализм" безусловно предполагает ослабление блоков и совершенно определенную "диффузию власти" на международной арене. Кстати, о "диффузии власти" говорит в своей книге и С.Хоффман (8, с. 114). Он пишет, что, во-первых, в результате увеличения количества действующих лиц на международной арене и беспрецедентного увеличения количества международных проблем произошла диффузия власти, и, во-вторых, имеет место ее диверсификация. Понятовский считает, что

"двухполюсный мир", где доминируют сверхдержавы, сменится многополюсным. Практически очень близки к точке зрения Понятовского взгляды Йохансена. Он рассматривает четыре категории, свойственные по его мнению, новой международной системе. Это демилитаризация, деполяризация, денационализация и транснационализация. Относительно деполяризации Йохансен убежден, что этот термин применим к политическим и экономическим условиям. Он означает реализацию политических и экономических усилий по размягчению жестких блоков и союзных связей. Она имеет целью смягчить конфликты Восток - Запад и Север - Юг и уменьшить антагонизмы там, где это возможно. Сближение экономических и политических отношений является основой деполяризации. Например, такая развитая страна, как США, будет способствовать деполяризации, если она согласится с предложением ООН о выделении 7% своего ВВП на экономическое развитие бедных стран; если она ратифицирует международный договор, обязывающий мировое сообщество направлять часть своих прибылей в пользу бедных стран; если она согласится с предложением СССР запретить испытания ядерного оружия и если она отведет все свои ядерные средства на расстояние до 500 км от линии, разделяющей страны НАТО и ОВД в Центральной Европе (13, с. 327). Принцип "денационализации" как средства построения нового миропорядка часто встречается у современных буржуазных авторов. Йохансен считает, что цель денационализации - способствовать всеобщему уважению к достоинству человека и распространять политическую культуру человеческой солидарности (13, с. 328). Последняя, по мысли автора, создает политическую и моральную поддержку мерам, направленным на достижение прогресса в области демилитаризации, деполяризации и транснационализации. Автор считает, что национализм так же, как и расизм, способствует несправедливой дискриминации различных групп населения. В этом смысле денационализация является аналогией антирасистского воспитания и действия. Введение всеобщих стандартов в вопросе о правах человека (в противовес соображениям национальной безопасности) при создании какого-либо пра-

вительства, оказывающего помощь в развитии, является примером денационализации, так же как и организация общественной поддержки в пользу решения международных споров посредством международного правового урегулирования.

Консервативный автор Горовиц не столь решителен, напротив, он считает, что именно национализм послевоенного периода рассеял "оптимизм относительно способности социализма одержать победу в качестве мировой системы и международной идеологии" (9, с. 190). В развивающихся странах в послевоенный период наблюдался расцвет национализма. Последнее якобы вынудило СССР признать третий путь развития, пересмотрев свою идеологию. Третий путь развития, в представлении автора, это "пересечение кейнсианского экономического механизма с ленинской политической машиной". Именно национализм помешал, с точки зрения Горовица, осуществлению мечты о мировой пролетарской революции во главе с СССР. Столкнувшись с национализмом, СССР, как считает автор, вынужден был поставить перед собой более скромные цели — провозглашение народных демократий или социалистических республик. С принципом "денационализации" буржуазные ученые связывают необходимость преодоления национального суверенитета, о чем говорилось в обзоре ранее.

С принципом денационализации связан и другой принцип, определяющий процесс создания новой системы мирового порядка. Это принцип транснационализации. Различные идеологические направления по-разному трактуют этот принцип. Для либералов транснационализация — это процесс, посредством которого индивидуумы, частные организации и правительства институционализируют средства мирного разрешения конфликтов и защиты безопасности. Рост соответствующих организаций международного характера способствует формированию содержания и укреплению обязательного характера нового порядка международного поведения. Меры могут включать усилия по укреплению международных систем (а не усилия двусторонней дипломатии) для поддержания мира, для контроля за выполнением договоров о разоружении, для приостановки влияния на неприсоединившиеся страны, для спо-

собствования экономическому развитию и для урегулирования споров. Транснационализация, позволяющая создать новую систему безопасности, другим либеральным исследователям представляется как процесс, исключаящий следующие элементы: создание нового, более открытого информационного порядка; установление ограничений на совершенствование вооружений; организация международного сотрудничества; обеспечение мира в общих природных средах (4, с. 40). Необходимо заметить, что данная версия альтернативной системы безопасности как составной части нового миропорядка не требует создания единого мирового правительства или упразднения суверенных государств.

Принцип транснационализма в консервативном своем варианте рассматривается в ином ракурсе. Транснациональные процессы, по мнению консерваторов, привели к пересмотру дуалистической схемы мира как борьбы между капитализмом и социализмом. Выход на международную арену развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки привнес очевидный плюрализм экономических форм и отношений. Транснационализацию консерваторы связывают с деидеологизацией международных отношений, которая якобы имеет место в настоящее время. Даже выдвижение многонациональных корпораций, действующих прежде всего в целях получения максимальной прибыли, а не в интересах стран их местопребывания, консервативные авторы трактуют как подрыв идеологического видения мира сквозь призму непрекращающейся борьбы между Востоком и Западом (9, с. 187). Консерваторы полагают, что развитие многонациональной системы способствовало сближению между США и Советским Союзом. Проникновение многонациональных структур и организаций оказало воздействие на развивающиеся страны. Горовиц, например, считает, что многонациональные компании и организации открыли перед развивающимися странами особый путь, который способствует тому, что развивающиеся страны начали тщательное изучение и пересмотр отношений с великими державами. Короче говоря, Горовиц в транснациональных корпорациях (ТНК) путь к интернационализации международной системы. Многонациональ-

ная корпорация (МНК) указала на "международное братство буржуазии и бюрократии, на трансцендентную классовую лояльность, выходящую за пределы всех капиталистических стран" (9, с. 190). Горовиц также полагает, что многонациональная корпорация свойственна не только экономике развивающихся стран, но и странам социалистического содружества. Даже широкие торговые соглашения между США и СССР, достигнутые в годы разрядки, он рассматривает как показатель проникновения многонациональных корпораций. Анализируя деятельность ТНК в странах Восточной Европы, Горовиц утверждает, что они открывают каналы коммуникаций с Западом. МНК осуществляют присутствие Запада в социалистическом содружестве. МНК, в соответствии с надеждами Горовица, открывают возможности для отдельных социалистических стран (например, Румынии) стать "Швейцарией" восточного социалистического "блока". МНК, как надеется Горовиц, таким образом будут способствовать размыванию единства социалистических стран. Правда, с неудовольствием признает Горовиц, в социалистическом содружестве национальный суверенитет с присутствием многонациональных корпораций не ослабляется, а, наоборот, крепнет. Зато среди западных стран дело обстоит иначе. Подчас влияние какой-либо мощной многонациональной корпорации оказывается сильнее, чем влияние самого правительства.

Идею роста деидеологизации международных отношений Горовиц связывает с формированием многонациональных культурных связей. Широкий обмен учеными, артистами, деятелями культуры между Западом и Востоком предполагает, по его мнению, уменьшение "идеологического накала". А стремление увеличить производительность и эффективность труда выльется в необходимость общих методологических принципов обработки данных, приемлемых для обеих сторон. Итоги исследований в результате использования новых технологических систем будут одновременно переводиться и публиковаться. То есть мы видим, что Горовиц говорит об уже упоминавшемся новом информационном порядке. Но он, подобно другим буржуазным авторам, тоже рассматривает его в контексте деидеологизации, утверждая, что новый информа-

ционный порядок сближает Запад и Восток и является идеологически нейтральным. Если другие исследователи главным средством сближения Востока и Запада для установления нового миропорядка считают создание мирового правительства или международных организаций, то Горовиц отдает предпочтение транснациональным корпорациям, которые способствуют, по его мнению, решению глобальных проблем современности: охраны окружающей среды, здравоохранения, народонаселения (в чем заинтересованы в равной степени как капиталистические, так и социалистические страны). Горовиц считает, что ТНК изменили основу взаимоотношений между буржуазией развитых капиталистических стран и буржуазными слоями стран развивающихся. Интернационализация хозяйственной жизни, проходящая под воздействием ТНК, по мысли автора, приведет к интернационализации классовых отношений (9, с. 198). Принцип транснационализации у Горовица приобретает, как мы видим, более конкретное содержание, чем у Йоханеса. И вместо транснационализации Горовиц предлагает другой термин — "мультинационализм". Рассуждения Горовица заставляют вспомнить о теории конвергенции, которая основывалась на предположении, что со временем интересы экономического развития восторжествуют над идеологическими и общественно-политическими различиями.

Но между теорией конвергенции и "мультинационализмом" Горовица есть существенная разница. Мультинациональная интерпретация предполагает, что две сверхдержавы, смыкаясь на функциональном экономическом уровне, сохраняют расхождения на политико-организационном уровне.

Хотя некоторые модели "нового миропорядка", особенно либерального толка, содержат ряд полезных идей, характерная деталь всех вышеизложенных точек зрения по рассматриваемому заключается в сознательном умалчивании о самом важном источнике всех перемен, происходящих на международной арене, — противоборстве двух общественно-политических систем. Американские политологи игнорируют прямую зависимость, которая существует между утверждением вечного мира и господствующей в обществе социально-

политической системой. Вечный мир в XX в. может быть связан лишь с социализмом и коммунизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beitz Ch.R. Political theory and international relations.—Princeton (N.Y.), 1979.—IX, 212 p.
2. Booth K. Strategy and ethnocentrism.—L., 1979.—191 p.
3. Craig G.A., George A.L. Force and statecraft: Diplomatic problems of our time.—New York; Oxford, 1983.—XIV, 288 p.
4. Dendney D. Whole earth security: A geopolitics of peace.—Wash., 1983.—93 p.
5. Hoffman S. Dead ends: Amer. foreign policy in the new cold war.—Cambridge, 1983.—272 p.
6. Hoffman S. Duties beyond borders: On the limits a. possibility of ethical intern. politics.—Syracuse, 1981.—XIX, 252 p.
7. Hoffman S. Foreign policy: What's to be done?—New York rev. of books, 1981, vol. 28, N 7, p. 33—39.
8. Hoffman S. Primacy or world order: Amer. foreign policy since the cold war.—N.Y., 1981. —IX, 331 p.
9. Horowitz J.L. Beyond empire and revolution: Militarization a. consolidation in the third world.—New York; Oxford, 1982.—XXVII, 321 p.
10. Huntington S.P. American ideals versus American institutions.—Polit. science quart., N.Y., 1982, vol. 97, N 1, p. 1—37.
11. Huntington S.P. American politics: The promise of disharmony.—Cambridge (Mass.); London, 1981.—III, 303 p.
12. Huntington S.P. Will more countries become democratic?—Polit. science quart., N.Y., 1984, vol. 99, N 2, p. 193—218.
13. Johansen R.C. Toward an alternative security system: Moving beyond the balance of power in the search for world security.—Alternatives, Wash., 1982/1983, vol.8, N 3, p. 293—342.
14. Kristol J. The political dilemma of American jews.—Commentary, N.Y., 1984, vol. 78, N 1, p. 23—29.
15. Poniatowsky M. L'avenir n'est ecrit nulle part.—P., 1978.—431 p.

О.Н.Новикова

ИДЕОЛОГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ СОВРЕМЕННОГО "НЕОМАРКСИЗМА": (Научно-аналитический обзор)

Теоретическое изучение проблемы идеологии приобрело в современную эпоху большое научное и политическое значение. Само понятие "идеология" представляет ныне объект острого идейного противоборства, поскольку в концентрированном виде отражает классовые интересы в различных сферах общественной жизни, и прежде всего в политической. Поэтому и в западной политологии ощутим поворот к анализу идеологии как исторического и политического явления. Следует выделить два основных подхода буржуазных политологов к анализу проблемы идеологии. С одной стороны, рассматривая любую историческую форму идеологии как "ложное сознание", буржуазные теоретики применяют эту характеристику в первую очередь к социалистической идеологии, стремясь, тем самым, подорвать ее все более возрастающее влияние во всем мире. Этот подход, свойственный теориям "деидеологизации", преобладал в 60-х гг. В 80-х гг. приобрел распространение иной подход, получивший наименование "реидеологизация", в рамках которого осуществляется разработка наступательной стратегии капитализма в идеологической борьбе. Адепты "реидеологизации" заявляют, что нельзя ограничиваться лишь негативной критикой идеологии, а необходимо выяснить ее действительную политическую роль и социальную значимость в жизни западного общества.

Политический строй не может обходиться без соответствующей ему идеологии – таков исходный пункт концепции идеологического активизма.

В современной западной политологии сохраняется устойчивая тенденция разработки проблем идеологического сознания за счет "критического усвоения" и "преодоления" марксистско-ленинской концепции идеологии. Подход ряда буржуазных теоретиков, работающих в ключе так называемого "неомарксизма", к анализу идеологических процессов основан, главным образом, на предпосылке, что традиционная марксистская методология исследования духовных феноменов стала ныне достоянием истории. В качестве основной причины упадка марксизма как методологии называются глубинные сдвиги в производственной и социальной структурах развитых капиталистических стран, к числу которых буржуазные социологи, в частности, относят: 1) коренные перемены в производстве и образе жизни, благодаря широкому и эффективному внедрению науки в производство; 2) рост городов и захирение сельского образа жизни; 3) развитие бюрократических форм организации и их проникновение во все сферы жизни общества. На основе этих и некоторых других факторов постулируется, что современный капитализм покоится на совершенно ином базисе, нежели традиционный "рыночный" капитализм, составлявший главный предмет исследования ортодоксального марксизма. "Новая" основа зрелого капитализма включает в себя науку и технологию, массовую культуру и бюрократию как решающие факторы общественного развития.

Трансформация основ капитализма, по мнению буржуазных теоретиков, повлекла за собой и элиминацию традиционного классового сознания, неизменно составлявшего ядро марксистской концепции идеологии и отвечавшего в целом прежним условиям нищеты и концентрации рабочих масс в городских трущобах. Для создания "новой" теории идеологии, альтернативной "догматическому" марксизму и адекватной изменившимся историческим условиям современного капитализма, требуется пересмотр классического марксистского тезиса о соотношении базиса и надстройки, который в

конечном счете привел марксизм к "релятивизму и историзму" (4, с. 5). В "новой" теории идеологии понятия базиса и надстройки должны быть заменены тремя взаимодействующими и равноправными процессами: процессом материального производства, процессом производства идей и процессом производства индивидов. В этой триаде процессу производства и распределения идей, "идеологии" в широком смысле, отводится роль главного мотива общественного развития. По словам А.Турена, "все общества представляют собой одновременно и деятельность и "рефлексию" об этой деятельности, которая, в свою очередь, управляет ориентациями общественной активности, механизмами власти и формами их функционирования в конкретных обществах" (11, с. 22). Наделение сферы духовного производства значением приоритетности, с одной стороны, вполне вписывается в общую идеалистическую направленность буржуазной политологической доктрины, а с другой — отвечает практическим задачам "реидеологизации" капитализма, поставленным на рубеже 70-х и 80-х гг.

Следует подчеркнуть, что марксистская концепция идеологии излагается буржуазными политологами в искаженной и фальсифицированной трактовке теоретиков так называемого "неомарксизма", представленного главным образом приверженцами Франкфуртской школы. Многие западные социологи вообще нередко довольствуются восприятием идей классиков марксизма-ленинизма в перелицовке других буржуазных мыслителей. Так, согласно свидетельству Дж.Диттбернера, само понятие "идеология" было внесено в американскую общественную мысль лишь по появлении английского перевода книги К.Маннгейма "Идеология и утопия" и развернувшейся вокруг нее дискуссии (4, с. 40).

В свете вышесказанного не вызывает удивления и то, что в "неомарксистских" интерпретациях теория К.Маркса сближается с традицией исторического объяснения, идущей от Вико и Дильтея, согласно которой возможность познания социального мира обусловлена не его материальностью, а тем, что мы сами наделяем мир соответствующими социальными значениями и тем самым творим его теорию социального познания, выдается буржуазными социологами за теорию

познания особого рода социально-политической реальности, реальности, которая не первична по отношению к индивидам, а напротив, производна от них. "Теория идеологии Маркса, — отмечает Диттбернер, — возникла из его убежденности в том, что реальность является историчной, рациональной и познаваемой, а также из уверенности, что он постиг "истину" истории. Марксова теория реальности — это оселок для определения идеологического" (4, с. 4).

Через субъективно воспринятую природу социально-политической реальности дается объяснение и тому факту, отчего именно рабочему классу отводится центральное место в теории К.Маркса. Показательна в этом отношении интерпретация Р.Айерманом марксистского учения об исторической миссии рабочего класса. Айерман ссылается на книгу Д.Лукача "История и классовое сознание" (1923 г.) — работу, от главных идей которой ее автор впоследствии отказался, — согласно которой основным фактором формирования пролетарского политического сознания является само фабричное производство, в которое вовлечен рабочий класс. Посредством общественного труда, пишет Айерман, люди преобразуют как природу, так и самих себя. Рабочий класс — это "революционный" класс, поскольку от является классом, преобразующим общество. Лишь ему принадлежит доподлинное знание о капиталистическом мире, ибо он сам создал его.

Фабрика — это микрокосм, представляющий все капиталистическое общество, и понять механизм индустриального производства — значит познать капиталистическое общество в его тотальности, в том числе и его политический механизм. До сих пор (и это составляло предысторию человечества) рабочий класс создавал этот мир для других и был поэтому отчужден от своей собственной деятельности, но с самопознанием — классовым, политическим сознанием — он вернется к самому себе. Через политическую и трудовую активность (так как именно практическая деятельность является источником познания) рабочий класс преобразует капиталистическое общество согласно своему образу и подобию (6, с. 7).

Нетрудно увидеть, что эта перелицовка марксизма, приписывающая сознанию решающую роль в общественном раз-

витии, ничего общего не имеет с подлинными взглядами К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина, научно доказавших, что история — закономерный процесс развития материальных производительных сил, которым соответствуют определенные формы общественно-политического сознания. Утверждение, будто марксизм главную роль в становлении коммунизма отводит сознанию, идеям, — не случайная оговорка, а прием, направленный на выхолаживание материалистического содержания марксизма и последующее растворение его в модных идеалистических течениях.

В качестве самостоятельной теоретической проблемы, продолжает Айерман, пролетарское классовое сознание впервые стало предметом дискуссии между В.И.Лениным и Р.Люксембург в начале 1900-х гг., а также в работе В.И.Ленина "Что делать?". Однако центральными проблемами того времени выступали анализ роли интеллигенции в революционном движении и практические задачи создания централизованной организации профессиональных революционеров. Внимание марксистов еще не было заострено на вопросах сознательности политического действия. Ситуация изменилась лишь к началу 1920-х гг., когда поражение революционного движения в странах центральной Европы дало толчок к возникновению так называемого "западного марксизма", в рамках которого был осуществлен возврат к первоначальным гегельянским корням марксистской мысли (Д.Лукач, К.Корш, А.Грамши). Разработка теории классового сознания пролетариата стала рассматриваться как часть общей переоценки марксистской политической практики.

Последующий "гегельянский марксизм" 1930-х гг., организационно оформленный в так называемую Франкфуртскую школу, дал основателей "критической теории" (М.Хоркхаймер, Т.Адорно, Г.Маркузе). В своих коллективных попытках понять, как рабочий класс мог столь радикально не создавать своих подлинных интересов, что поддержал фашизм, теоретики Франкфуртской школы переключили фокус исследований с производственной базы капитализма на его надстройку. Критика политической экономии была заменена критикой "инструментального разума", что на деле означало ревизию марксизма по всем параметрам.

Сильное влияние на взгляды франкфуртцев относительно нужд и интересов рабочего класса оказал фрейдизм (что особенно заметно в работах Э.Фромма). По мнению Фромма, сознание — не просто модус мышления, но форма жизни, обладающая как интеллектуальными, так и чувствительными измерениями. Поэтому научное объяснение поведения рабочего класса должно принять во внимание эти бессознательные, часто "иррациональные" импульсы и эмоции. Под воздействием идей Фрейда в концепции "неомарксистов" рабочий класс был расщеплен по двум субъектным основаниям: на совокупный коллективно-классовый субъект и на множество индивидуально-личностных субъектов. При этом отстаивался тезис о принципиальном несовпадении этих оснований, поскольку в первом из них безраздельно господствует коллективно-бессознательно, в то время как второе окрашено в рационально-индивидуалистические тона. В результате анализ классовой позиции пролетариата, по экономическим, политическим и другим вопросам общественной жизни исподволь подменялся исследованиями особенностей внутренней жизни, подсознательных ориентаций, умонастроений рабочих.

В традиции классической немецкой философии, берущей начало от Канта, Фихте и Гегеля и, по мнению Айермана, воспринятой Марксом, термин "сознание" (*Bewusstsein*) употребляется в качестве синонима как собственно знания, так и процесса познания. Сознание, таким образом, представляет собой и состояние, и процесс. Автор увязывает подобную двойственность сознания с неомарксистским понятием "праксис". Он определяет "праксис" как "родовую деятельность, через которую мир продуцируется и воспроизводится, преобразуется и трансцендируется, как духовно, так и материально, в коллективную человеческую деятельность" (6, с. 13). Идея "праксиса" как своеобразного симбиоза духовного и материального производства при приоритете первого занимает центральное место в марксистской концепции овеществления (*Vergegenständlichung*). Овеществление означает способность людей преобразовывать идеи в материальные объекты и социальные институты. "Человек постигает реальность лишь постольку, поскольку он сам создает ее как духовно, так и материально" (6, с. 13).

Здесь мы вновь оказываемся свидетелями попыток представить марксизм как своего рода вариант философской герменевтики, где постулируемая "тотальность праксиса" фактически утверждает доминирование идеального начала в социально-политической области над материальным, а процесс научного познания сводится к истолкованию тех основополагающих, отправных идей, которые будто бы лежат в основе тех или иных явлений политической жизни общества.

По распространенному среди буржуазных политологов мнению, идеология как форма общественного сознания складывается из коллективно выработанных, часто институционализированных объяснений того, каким образом функционирует общество и какова роль индивидов в этом процессе. Утверждается, в частности, что для К.Маркса идеология была "классовой иллюзией", "ложным сознанием", поскольку ее основная функция состоит в оправдании существующих социально-политических порядков. Учение К.Маркса нередко сближается буржуазными идеологами с воззрениями К.Мангейма, полагавшего, что любая идеология, отражая интересы правящей группы, в своей интерпретации социальной реальности утаивает известные аспекты действительного положения дел в обществе и через это стабилизирует данный общественный строй. При этом любая идеология как форма классового сознания объявляется принципиально вне-научной, а проблема соотношения науки и идеологии квалифицируется как лжепроблема.

В изложении "неомарксистов" сознание — это всегда нечто индивидуальное, в то время как идеология представляет сугубо социальный феномен. Сопоставляя марксизм с традициями английского эмпиризма, С.Истон отмечает, что марксизм отличается как от классического эмпиризма, так и от классического идеализма тем, что делает акцент на коллективных и практических, а не на индивидуальных и созерцательных аспектах познания. Для К.Маркса как сознание, так и идеология — социальные продукты, обусловленные общественной средой, тогда как для эмпирика сфера познания ограничена индивидуальными познавательными способностями человека (5, с. 5).

В современном капиталистическом обществе значение, которое индивид приписывает своей жизненной практике, способ, которым эта жизнедеятельность, в том числе и политическая, осознается индивидом, обычно отличны от того, каким образом та же деятельность осознается в более широком социальном контексте. Если в теории Гегеля индивидуальное самосознание опосредовано взаимодействием с другими людьми и размышлениями об этом взаимодействии, то "в марксистском изложении все наше общественное бытие опосредовано классовой принадлежностью. Истинное сознание означает, в таком случае, осознание этой классовой принадлежности, в то время как ложное сознание означает ее отрицание" (6, с. 31-32). Классовое сознание — это социально-политическое осознание реальности, возникающее на базе общего опыта, общих интересов и коллективного самопознания. В этой связи Р. Айерман перечисляет шесть аспектов современного ложного сознания, которое, по его мнению, насаждается любой идеологией независимо от ее социально-классовой, политической сущности:

- 1) существующие общественные институты и виды общественно-политической практики рассматриваются как естественные и вечные;
- 2) возможность каких-либо общественно-политических перемен квалифицируется как незначительная;
- 3) любое оригинальное или критическое суждение объявляется невозможным;
- 4) социальный мир воспринимается как иерархическая лестница;
- 5) подобному сознанию свойственно ложное ощущение своей силы либо, напротив, — бессилия;
- 6) все общественно-политические явления интерпретируются через личностные категории (6, с. 271).

Айерман далее проводит мысль о том, что идеология неизменно опирается на бюрократию как на свою организационную основу. В этом — политическое значение идеологии. Бюрократизация представляет собой всеобщий процесс отчуждения знания и власти, захватывающий все социальные слои и различные типы обществ. Бюрократизируется не только капиталистическое производство, но и рабочее движение — прежде всего профсоюзы. По мнению автора, ситуация с экспансией бюрократии чревата безысходностью,

ибо и социализм не свободен от бюрократизации своих политических и социальных структур. Более того, он подвержен этой опасности даже в большей степени, чем капитализм, из-за коллективистского характера своих общественных отношений, так как под угрозу бюрократического отчуждения попадают в первую очередь именно коллективные, вообще любые совместные действия. В политическом аспекте процессы бюрократизации тем сильнее, чем крупнее государство. По словам Х.Арендт, "чем больше становится страна по населению, по целям, по ресурсам, тем больше нужна в управлении и тем мощнее становится анонимная власть аппарата управления" (1, с. 180).

Любые меры по централизации управления, предпринимаемые в социалистических странах, объявляются шагами в сторону тоталитаризма, противоречащими либеральному образу совершенного государственного устройства как общества, в котором допускается и поощряется личная свобода (8, с. 47). Характерно в этой связи высказывание Э.Фромма, выразителя идей так называемого "гуманистического социализма", обнажающее мелкобуржуазную неприязнь ко всему коллективистскому, на деле обобществленному. "Цель гуманистического социализма, — пишет Фромм, — может быть достигнута лишь путем введения максимума децентрализации, сопряженной с известным минимумом централизации, необходимой для координированного функционирования индустриального общества. Функции централизованного государства должны быть сведены к минимуму, в то время как добровольная деятельность свободно кооперированных граждан составит центральный механизм общественной жизни" (7, с. 78).

Буржуазные политологи пытаются доказать, что государство при социализме будто бы неминуемо превращается в силу, противостоящую обществу, массам, силу, которая преследует свои узкоэгоистические цели. Такая опасность происходит якобы из того, что государственный аппарат уходит из под контроля населения и превращается в замкнутую бюрократическую элиту, стоящую над обществом и манипулирующую им. Абстрактно толкуемое самоуправление

объявляется единственным средством преодоления бюрократизма и эффективного безгосударственного решения всех задач социального управления.

По мнению буржуазных политологов, тот факт, что в условиях социализма вся общественная деятельность подчинена и регламентируется политическими структурами, сводит проблему воздействия идеологического сознания на общество прежде всего к задачам организации и руководства социальными процессами. Пропагандируется тезис, будто марксизм-ленинизм усматривает возможность подлинного познания социальной реальности лишь в форме абстрактной теории, что превращает познание в прерогативу "интеллектуалов" — носителей теоретического знания, а также вообще представителей правящей бюрократической и технократической элиты. "Узурпация" социального знания при социализме отчуждает массы от процесса выработки и принятия решений (6, с. 116). Феномен "интеллектуального отчуждения" рассматривается в качестве глобальной проблемы нашего времени, первопричины отчуждения как такового, а вклад философов, исследовавших это явление, оценивается как разработка куда более значимая, нежели Марксов анализ проблемы отчуждения. Анализируя идейное наследие Л.Виттгенштейна с позиций "гуманистического марксизма", С.Истон отмечает, что К.Маркс исследовал проблему отчуждения в широком историческом контексте, в то время как Виттгенштейн изучал специфические формы лингвистического отчуждения, полностью абстрагировав свои "языковые игры" от сопутствующих социально-исторических и политических обстоятельств. Лингвистическое отчуждение он трактовал как серьезную жизненную проблему, стоящую перед любым образованным индивидом, и характеризовал философа как человека, который излечил множество интеллектуальных недугов, прежде чем пришел к понятиям здравого смысла. Прагматическая философия "здравого смысла" квалифицируется как единственная реальная альтернатива "интеллектуальному отчуждению", и вопрос состоит лишь в том, каким образом привить ее политическому сознанию масс.

Пристрастие "западного марксизма" к исследованию различных аспектов идеологии отнюдь не безобидно, а покоится на убеждении в том, что социалистическая революция, рациональные политические изменения в развитых капиталистических странах могут быть лишь результатом борьбы идей, реформы сознания. Примечательно, что даже сугубо буржуазные и консервативные авторы усматривают в этой убежденности одну из главных причин крушения "неомарксизма" в рабочем движении западных стран. В этой связи А.Каллиникос, например, отмечает: "Лукач, Адорно, Альтюссер — все они пленники своей академической специализации, отлученные от жизни и деятельности рабочего класса... До сих пор, пока социалистическая концепция не воспринята в повседневной практике рабочего класса, социалистическая идеология не сможет добиться преобладания над идеологией класса, которая также представлена в этой практике" (3, с. 157-158). Из этого положения, не вызывающего, в целом, возражения, делается, однако, вывод, что отнюдь не сознание рабочих масс следует поднимать до уровня социалистической теории, а напротив, целесообразно порвать все связи социалистической идеологии с теоретической философией, тем более, что попытки основоположников марксизма-ленинизма превратить философию в науку закончилось якобы безрезультатно.

В решении вопроса о соотношении философии и науки в политической сфере теорию марксизма-ленинизма пытаются сблизить, а в конечном счете, и растворить в различных западных идеалистических учениях, вплоть до неотомизма. По мнению сотрудников Института восточноевропейских исследований во Франбурге (ФРГ), "неотомизм, возможно, близок марксизму-ленинизму, который также воздвигает квазиметафизические, в данном случае — диалектические, рамки для охвата множества естественных и общественных наук. Разница между ними состоит, однако, в том, что неотомизм готов признать право философии на научность, в то время как марксизм-ленинизм представляет дело таким образом, будто неидеологическая наука и идеологическая философия — взаимоисключающие явления" (10, с. 268).

Монистическую картину мира, выработанную теорией марксизма-ленинизма, при решении социально-политических вопросов буржуазные авторы спешат объявить продуктом пристрастно-классового, идеологического подхода. Так, К. Боулдинг еще в середине 60-х годов писал: "Значительная сила марксистской мысли обязана ее синтетической и систематической природе. Она представляет собой то, что я назвал бы предварительным синтезом социальных наук в целостную картину общества. Для тех, чей ум не выносит интеллектуальных двусмысленностей, кто хочет получить ответы на все вопросы, тотальная система, подобная марксизму, выглядит весьма привлекательно" (2, с. 33).

Современные "неомарксисты" стремятся доказать, что если традиционное буржуазное сознание в своем объяснении социально-политических явлений ложно, то столь же неистинна и пролетарская идеология, поскольку способ мышления пролетариата односторонен, пристрастен, недиалектичен, не охватывает всех противоречий действительности. Классовое положение пролетариата в той же мере, что и социально-политическая позиция буржуазии, способствует искажению научной картины общества, ибо пролетариат неминуемо попадает в рабскую зависимость от существующих общественных отношений и не в состоянии осознать свои подлинные интересы. По заключению М. Хоркхаймера, "положение пролетариата в этом обществе не дает никакой гарантии правильного познания" (9, с. 33-34). Подобная позиция нацелена на увековечение духовного закрепощения рабочего класса, низводит его классовую борьбу до чисто импульсивного, стихийного процесса.

Действительно, в условиях капитализма рабочий класс не только экономически и политически, но также и идеологически подчинен буржуазии как господствующему классу. Однако духовная несамостоятельность рабочего класса не носит фатальный и непреходящий характер. Сами условия жизни рабочих учат их мыслить самостоятельно: осознается необходимость в профессиональном объединении с целью защиты своих экономических интересов, формируются зачатки сознания своего угнетения и стихийные поиски путей его

преодоления. Однако магистральным путем развития пролетарского сознания, важнейшим условием превращения рабочего класса в самостоятельную политическую силу, располагающую своей стратегией и тактикой, является соединение сознания широких пролетарских масс с передовой марксистско-ленинской теорией.

"Неомарксисты" же пытаются отрицать возможность совпадения объективной направленности исторического процесса и интересов прогрессивных классов, науки о социально-политической жизни общества и пролетарской идеологии. Они утверждают, будто социально-политическим "фактам" не присуща объективная данность, что они "заданы", а не "даны", и заданы именно господствующим классовым интересом. С их точки зрения, реальные общественные институты, "факты" ни в коей мере не могут выступать отправным пунктом теоретического исследования, ибо каждый теоретик, отправляющийся от "данности" факта, вольно или невольно служит защитником корыстного классового интереса. Подобная субъективизация познания ведет к "тотальному отрицанию" как универсальной методологической установке, к "негативной диалектике" как единственной возможной программе социально-политического исследования, что на деле теоретически обезоруживает рабочий класс капиталистических стран и пагубно сказывается на идейно-организационном единстве его рядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arendt H. Crises of the republic. Lying in politics. Civil disobedience. On violence. Thoughts on politics and revolution.—N.Y., 1972.—IX, 240 p.
2. Boulding K.E. The impact of the social sciences.—New Brunswick (N.Y.), 1966.—VIII, 119 p.
3. Callinicos A. Marxism and philosophy.—Oxford, 1983.—[8], 177 p.
4. Dittberner J.L. The end of ideology and American social thought, 1930—1960.—Ann Arbor, 1979.—VII, 361 p.
5. Easton S. Humanist marxism and Wittgensteinian social philosophy.—L., 1983. —234 p.

6. Eyerman R. False consciousness and ideology in marxist theory. —Stockholm; Atlantic Highlands (N.Y.), 1981.—319 p.
7. Fromm E. On disobedience and other essays.—N.Y., 1981.—135 p.
8. Galtung J. The true worlds: A transnational perspective.—N.Y., 1980.—XXV, 469 p.
9. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie.—Frankfurt a.M.; Hamburg, 1970. —231 S.
10. Marxism and alternatives: Towards the conceptual interaction among Sov. philosophy, neothomism, pragmetism, a. phenomenology.— Dordrecht etc., 1981.—XIV, 311 p.
11. Touraine A. The self-production of society.—Chicago; London, 1977.—XIX, 467 p.

А.В.Попов

**КРИТИКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ
БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Сборник обзоров

А-10347

Сдано в набор 20/XI.-84 г. Подписано к печати 7/III -85 г.

Формат 60x84/16

Печ. л. 12,25

Уч.-изд.л. 9,8

Тираж 1000 экз.

Заказ № 2110

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул. Красикова, д. 28/21
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г. Люберцы, Октябрьский пр., 403
042(02)9

